

АЛЕКСАНДРА КРЫЛЕНКОВА

В В ПОИСКАХ Й Н Ы

ПЯТЬ ЛЕТ В КРЫМУ

2019

АЛЕКСАНДРА КРЫЛЕНКОВА

В ПОИСКАХ ВОЙНЫ

ПЯТЬ ЛЕТ В КРЫМУ

2019

ВВЕДЕНИЕ

Я не хотела писать никакого введения. Введение похоже на медленный вход в ледяную воду: а стоит ли вообще писать, кому всё это надо, кто ты такая, чтобы рассуждать на эту тему, и тому подобные мурашки. Намного проще с разбегу и солда-тиком. Но редактор строго сказала, что это необходимо. Ну, раз необходимо, пишу.

Меня зовут Саша Крыленкова. Я занимаюсь общественной деятельностью, обычно связанной с задержаниями людей на акциях, поддержкой политзаключенных, развитием групп солидарности. Вот уже скоро пять лет я среди прочего провожу много времени в Крыму. Стараюсь собирать там информацию о разных нарушениях прав человека, о жизни людей. Пытаюсь как-то помочь да и просто дружу с теми, кого преследуют, саждают, бьют и травят на полуострове. Все пять лет я записывала интервью с разными людьми, вела полевые дневники, разговаривала в машинах, автобусах, на рынках и в магазинах, и мне захотелось сделать что-то более живое, чем обзоры о нарушениях прав человека. Я хочу показать Крым после 2014 года таким, каким его вижу я: объемным, разнообразным, солидарным, не похожим на предмет, который делят политики. Это не символ, по которому определяют политическую принадлежность, он живой, действующий и полный самых разных людей с их собственными взглядами, надеждами и поступками. Я не пыталась провести социологическое исследование и написать научную работу на основе изучения общественного мнения. У меня для этого нет ни квалификации, ни выборки, ни возможностей для унификации. Я зову вас в путешествие по Крыму длиной в пять лет. Вместе со мной. Моими глазами и моими ушами. Конечно, у меня есть свои представления и свои убеждения. Но тем не менее я старалась говорить со всеми: и с теми, чьи взгляды на жизнь ближе к моим, и с теми, чьи немного отличаются, и с теми, чьи полностью противоположны. На протяжении пяти лет (и этой книги) моё отношение к происходящему меняется, дополняется и, надеюсь, добавит новых красок и в вашу картину жизни в Крыму. Часть тех людей, с которыми я разговаривала, позже была бы вынуждена

НА ФОТО: ХУДОЖНИЦА ЕЛЕНА ОСИПОВА ПИКЕТИРУЕТ ОФИЦИАЛЬНЫЙ МИТИНГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, МАРТ 2016 Г.

© АЛЕКСАНДРА КРЫЛЕНКОВА. В ПОИСКАХ ВОЙНЫ. ПЯТЬ ЛЕТ В КРЫМУ. 2019.

© ТАРАС ИБРАГИМОВ. ФОТОГРАФИЯ НА ОБЛОЖКЕ: ЧОНГАР, 2018.

© ВАДИМ ЛУРЬЕ. ФОТОГРАФИИ. КИЕВ, МАРТ 2014 г.; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2014-2016 г. (ОФИЦИАЛЬНЫЕ МИТИНГИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ГОДОВЩИНАМ «ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА»).

РЕДАКТОР: ТАТА ГУТМАХЕР.

КОРРЕКТОР: ГАЛИНА КУЛЬТИАСОВА.

уехать из Крыма, спасаясь от преследований, некоторые продолжают жить там. Кто-то более публичен, кто-то менее. Поэтому большая часть имен людей, с которыми я разговариваю, изменена по их просьбе и в целях их безопасности.

Я не могу опубликовать по самым разным причинам все интервью полностью. Поэтому цитаты по тексту — это лишь иллюстрации тех мнений с разных сторон, которые позволили мне построить мою картину Крыма. Я не претендую на полный охват. Моя задача — показать некоторые точки столкновения мнений, те, которые заметила я. И те, про которые я, как мне кажется, что-то поняла.

Крым сегодня — это такое место, представление о котором есть почти у каждого, а то, на что похожа персональная картинка Крыма, определяет политические взгляды, круг общения и отношение к миру. Ответ на вопрос «чей Крым?» — это своеобразный маркер принадлежности. И все слова, существующие в русском языке, которыми можно пользоваться для описания жизни в Крыму, особенно политической, по большей части уже используются для «определения позиции по Крыму». Я стараюсь писать максимально нейтрально, но это выходит не всегда. Иногда для простоты коммуникации приходится обобщать. Например, часто для характеристики людей, о которых идет речь, я оперирую словами «проукраинский», «пророссийский» или «с нейтральными взглядами». Чтобы понимать текст максимально близко к тому, что я хотела сказать, полезно помнить о том, что такие дефиниции 1) очень условны и 2) являются исключительно вопросом самоопределения. То есть я не делаю собственных выводов о степени активизма или его направленности. Если человек мне говорит: «Я украинский активист», я называю его украинским активистом. Если он или она говорит мне: «Я русский активист», я считаю его или её таковой. В части самоопределений — никакой отсебятины. В отличие от всего остального. Я не пытаюсь играть в беспристрастного судью. И при всех моих стараниях «услышать всех» этот текст — это моё мнение, цитаты, отчасти вырванные из контекста, и я сознаю, что чужие слова я беру постольку, поскольку они подтверждают мои мысли и выводы из моих мыслей. Но так же, как мне было очень полезно видеть и слышать людей, у которых отличная от моей картина мира, возможно, и вам будет интересна и полезна моя.

МОЯ ВОЙНА, ГДЕ ОНА?

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
В ПОПЫТКАХ РАЗОБРАТЬСЯ,
ЧТО ПРОИСХОДИТ В КРЫМУ, Я ТУДА ЕДУ ПОСМОТРЕТЬ
НА ПРОИСХОДЯЩЕЕ СВОИМИ ГЛАЗАМИ И,
СОВЕРШЕННО НЕ ПЛАНИРУЯ ТОГО, СТАНОВЛЮСЬ
«РОССИЙСКОЙ ПРАВОЗАЩИТНИЦЕЙ
В КРЫМУ»

С тех пор как мне было семнадцать, я хотела работать на войне. На войне были все Настоящие Правозащитники. Этих людей я видела только в Москве в коридорах «Мемориала», как правило, уставших, невыспавшихся, с горящими глазами. Казалось, они заглянули в бездну. Я ничего не понимала из того, что они говорили. Тем более что говорили они на непонятном мне языке и полунамеками. И ненавидели вопрос: «Ну, как там в Чечне?» Но говорить больше не могли ни о чем. Одна фраза звучала как мантра: «Наша ответственность — наши военные. И нас волнует, что творят они».

Если мне хотелось поразить воображение молодых людей, я, загадочно улыбаясь, говорила, что работаю в правозащитной организации, позволяя им домысливать всё, что им хотелось и представлялось исходя из новостей о чеченских войнах.

Девушкой я была буйной, не очень управляемой и катастрофически полуголой. И меня в Чечню не брали. Справедливости ради, я, кажется, даже не просила, но без войны в общественном секторе найти себе места не смогла. Частная жизнь затянула: бизнес, семья, дети.

А в Петербурге с 2011 года неожиданно для себя я занялась общественной деятельностью. Меня захватил водоворот быстро меняющихся событий, огромное количество людей, готовых делать хоть что-то для изменения реальности вокруг себя: митинги, выборы, местная активность, помощь задержанным.

И тут — 2014 год.

Какие-то военные, какие-то захваты, какая-то война на носу. Помню, как ехала в Вологду читать лекцию по наблюдению на выборах. И в поезде (связь всё время терялась) пыталась ухватить хоть какие-то кусочки информации: кто, куда, какие военные, какая форма, какой захват территорий... Двадцать первый век. Международные договоры. Всё это никак не укладывалось в голову.

Споры в сообществе наблюдателей на выборах не умолкали уже неделю.

— Это исторический момент! Мы должны быть там! Это же РЕФЕРЕНДУМ. Мы никогда не видели живого референдума.

— Электоральные мероприятия — это процедура! Все начинается с закона! Мы являемся частью международной правовой системы! Это мероприятие электорального типа не имеет ничего общего с РЕФЕРЕНДУМОМ!

— Но как интересно!

— Ни за что! С нами никто из приличных людей не будет разговаривать. Нам руки не подадут.

— Мы всем расскажем, как есть. Ведь для этого мы и существуем.

Но вот всё случилось.

Это случившееся в голову не помещалось. Казалось, что все врут, что крымчане совсем не «стремились в Россию в едином порыве», что их заставили силой. Желание поехать и во всём разобраться становилось всё сильнее. Хотелось найти тех, кто был в Самообороне, тех, кто «боролся за Русский мир», хотелось потрясти их за плечи и спросить: «Эй! За что вы боролись? О чем мечтали? Зачем?»

Голова шла кругом.

Я написала ВКонтакте:

«Друзья, в ночь с воскресенья на понедельник я еду в Крым. В условиях информационного хаоса и тотальной пропаганды мне кажется очень важным увидеть своими глазами, что сейчас происходит в Крыму. А получить достоверную информацию можно только у очевидцев, у тех, кого по-настоящему затронули происходящие события. <...> Задавайте, пожалуйста, вопросы под постом. Какие проблемы вас интересуют, какие факты вы хотели бы проверить, с кем мне стоит поговорить».

Нажала на кнопку «Отправить» и купила билет.

Интересно, что полученные мной «наказы» от питерских активистов были очень взвешенны и соответствовали реальности. Казалось, что издалека можно спокойно проанализировать и поставить интересующие по-настоящему вопросы. Ровно те, которых так не хватало крымчанам для принятия ответственного решения на «референдуме». В Питере — несмотря на острые дискуссии и битье морд на тему, «чей Крым», — не было того ажиотажа и того невроза, от которого лихорадило Крым с конца февраля до середины марта:

— Как люди сейчас взаимодействуют с органами власти?

— Что думают те люди, которые жили без прописки в Крыму и им не получить украинское гражданство?

— Что будет с археологическим наследием? Какие возникают проблемы и как они решаются?

— Как в этих условиях живут больницы? Кто поставляет лекарства?

— Делают ли пометки на границе с Крымом, не будет ли проблем у тех граждан России, кто поедет сейчас в Крым отдыхать?

Конечно, и интересующихся наболевшим вопросом, «чей Крым?», было предостаточно. Так же, как и желающих объяснить, что трудно придумать более идиотскую идею. Но именно этот перечень вопросов (хоть я и забыла о нем, если честно, начисто) оказался списком проблем, с которыми пришлось столкнуться крымчанам по крайней мере в первый год. На многие вопросы удалось ответить только через несколько лет. А некоторые и сформулировать получилось только значительно позже, чем они были заданы.

Это был конец марта 2014 года. Я приехала в Крым в первый раз. Так уж сложилась моя жизнь: ни детского отдыха на море, ни подростковых лагерей в «Артеке», ни юношеских раскопок в Херсонесе. Моими местами была Карелия, известняки, реки с порогами и огромные сосны. А всякие курортные юга казались редкостной попсой. Но посмотреть своими глазами на то, как рушится хрупкий порядок мировых договоренностей, понять, где границы мифов и реальностей, и попробовать об этом рассказать, казалось важнее не только устоявшихся предрассудков, но и возможных рисков.

Поездку я никак не готовила. Слово «поле» знала только из книжек и рассказов коллег, а слово «планирование» и вовсе в мой лексикон не входило. Я спустилась с трапа самолёта в дорожной шляпе, привезенной свекром с мыса Доброй Надежды, с большим красным туристическим рюкзаком, по которому потом долго меня узнавали в Крыму. Тут же села в машину к первому попавшемуся таксисту в аэропорту: «Девушка, куда вас отвезти?» В теории я, конечно, знала, что это курорт и так делать не надо, но возбуждение от собственной авантюристичности закинуло это полезное знание куда-то далеко. Понимание стоило мне 2000 рублей от аэропорта до центра Симферополя.

Куда ехать в незнакомом городе, как искать тех, кто расскажет что-то интересное. На обед меня занесло в какой-то очень странный ресторан с кожаными диванами, розетками, живым шансоном, возможностью курить прямо в зале и полным впечатлением, что тут бухают попеременно бандиты с политиками.

Впрочем, в обед в ресторане не было никого. Беглый поиск по социальным сетям и новостям нашел Сашу Дворецкую, с которой у нас оказалось очень много общих коллег и знакомых, которые могли меня порекомендовать. Саша — правозащитница из Крыма. Девятого марта она вынуждена была выехать из Крыма, незадолго до этого социальные сети облетела листовка, которая висела на её доме (на двери, в подъезде, на доске объявлений):

«*Ваша соседка Александра Дворецкая — предательница Крыма, поддерживает преступный Майдан. На её совести кровь и жизни убитых людей. Получает деньги в общественной организации, финансируемой американскими спецслужбами. Прошла обучение экстремизму в США.*

Подобные листовки тогда появились и в домах других активистов. Но Саша была «своя», она уже выехала и была в безопасности в Киеве. И я позвонила ей. Я до сих пор не очень твердо знаю, как это работает. Но работает всегда. К вечеру я знала уже очень многих: здесь были активисты организации «Крым. SOS», которые собирали информацию об украинских активистах и украинских военных, здесь были независимые правозащитные наблюдатели. В том числе из России. Студенты, которые в ужасе от происходящего не понимали, куда бежать, представители самых разных общественных организаций, у которых на глазах не только рушилась налаженная жизнь, но и сама реальность.

До первой поездки в Крым я гордилась отсутствием самоидентификации. Мне нравилось, что нет ни одной организации, которая могла бы назвать меня своей. Я не историк, не юрист, не наблюдатель. Я — Саша Крыленкова. И этого мне было более чем достаточно. Но в Крыму, стоя на проспекте Кирова с красным рюкзаком и стаканчиком кофе, мне надо было срочно отвечать на вопрос: кто ты и зачем сюда приехала? И отвечать так, чтобы было понятно. Чтобы хотелось со мной после этого разговаривать, а не размышлять о смыслах и брать время на погуглить. Причем ответ должен был быть только правдой.

Так я стала «российской правозащитницей в Крыму». И родилась формула про «ответственность за преступления российской власти, где бы они ни совершались». Времени на рефлекссию не было. И, кажется, я даже не осознавала, насколько эта формула была близка объяснениям Настоящих Правозащитников моей юности.

И ГДЕ ЭТА ВАША ВОЙНА?

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ,
ПРИЕХАВ В КРЫМ, ВМЕСТО ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ
Я НАХОЖУ ТОЛЬКО ПУТАНИЦУ И КАШУ В ГОЛОВАХ И ВДРУГ
ПОНИМАЮ, ЧТО В ЭТИХ УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И ОТСУТСТВИЯ ОПОР ДЛЯ МНОГИХ
ЕДИНСТВЕННОЙ ПОНЯТНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ
(СПУСТЬ И НЕНАДОЛГО) СТАНОВИТСЯ ЗАКОН

Самое частое слово, которое встречается в моих полевых заметках из первой поездки, — это «каша». У всех в головах именно она: манная, геркулесовая, если очень повезет — гречневая. Вылеты из Шереметьево пока через международный терминал, пограничники бегают с криками: «Чей Крым?!», не понимая, что штамповать, куда и зачем.

В симферопольском аэропорту таможенники с нашивками украинской погранслужбы пропускают всех из России без штампа. Самолеты летают только в Москву. Большой международный аэропорт, а на табло вылета только один город: Москва — Москва — Москва...

В это время в Крыму было такое ощущение, что всем в головы встроили калькуляторы. С кем ни заговоришь, все разговоры о цифрах: сколько процентов хотели присоединения, сколько что стоит, какие будут пенсии и зарплаты, что можно будет на это купить или сделать. Все цены — двойные. Платить можно в любой валюте. Пересчитывают на текущий курс. Вот только в рублях сдачи всё ещё нет — мелочь не завезли.

Захожу в магазин, покупаю колбаску там, немного сыра. Продавец суммирует покупку. Считают всегда в гривнах. Спрашиваю: «Можно заплатить рублями?» — «Да, конечно», — отвечает девушка и достает шпаргалку. Там две формулы: как пересчитывать гривны на рубли и как пересчитывать рубли на гривны. Естественно, с первого раза барышня перепутала. И эта ошибка уменьшила стоимость покупки в 8 раз. Надо было, конечно, уйти, но совесть и любопытство меня остановили. Подсказала ошибку. Девушка пересчитала. Тут уже ей стало страшно: такие огромные цифры (коэффициент — около четырех). Она собиралась бежать за старшей, но я ее успокоила, сказав, что так примерно и должно быть. Дальше началась эпопея со сдачей. Рублей на сдачу нет. Девушка опять растерялась. Предложила пересчитать сдачу на гривны. Еще минут пять — и мы с ней вместе с этой задачей справились. Разошлись довольные друг другом! Мы молодцы!

Через полтора года, в 2016 году, мне об этом времени и впечатлениях расскажет молодой преподаватель одного из крымских университетов:

«Обещали, что будет гривна ходить до 1 января 2016 года. Сейчас рубль и гривна поднимаются синхронно. На одну гривню можно купить столько же, сколько в рублях по курсу. Но тогда случилось неожиданное: покупательская способность гривны была выше. Соответственно, когда люди стали получать зарплату в рублях, они переводили ее в гривну по курсу 3,8, потому что на гривны тогда можно было купить больше, и сумма в гривне получалась больше, чем ты получил в рублях. Курс играл свою роль, и, соответственно, люди стали менять рубли на гривны.

Татьяна, преподаватель техникума, в 2017 году вспоминает этот период намного более эмоционально:

«Все думали, что гривна будет ходить долго, а то, что ее взяли — и херакс с первого июня [сообщили], что она не ходит... Когда со ста рублями садишься в маршрутку и тебе не могут дать сдачи. И все заходят такие же. Надо было как-то прикидывать. Были крупные магазины (типа Ашана) — у них, по-моему, была мелочь. Я не умела считать в рублях. Сейчас я не мыслю в гривнах, а тогда я мыслила в гривнах. Это полная жесть.

Первый год, казалось, все пытались что-нибудь продать и покупать. Покупать в Херсоне, продавать в Крыму, просто продавать ненужное или покупать то, что может потом продаться. Кажется, у всех жителей было два предмета при себе: калькулятор и книжки с российскими законами. Интерпретация и округления, конечно, соответствуют политическим взглядам. Никаких других взглядов, кроме «ты чьих будешь?», не наблюдалось. Мне казалось очень ценным зафиксировать этот момент. Он крайне мимолетный. Сегодня ты ещё находишься в состоянии неуверенности, невесомости, непоняток, а завтра — уже другая реальность, и всё забылось. Зимой 2015—2016 я разговаривала с одной парой средних лет:

«Допустим, человек хорошо живет, позволяет себе ездить туда [в Херсонскую область]. Просто выезжали отсюда на своей машине. Было время, когда ходили и гривны, и рубли одновременно. Вот они, допустим, поедут и гривны с собой брали или, там допустим, дома один раз поменяют. Вот заходили в тот же самый «Фуришет». Покупали там прямо тележкой все, что нужно было, в багажник, в машину и приезжали сюда. Та же самая водка стоила — здесь она стоила примерно в 5 раз дороже, чем там.

Интересно, что, когда я ездила в Крым в первые пару раз, то, конечно, считала, сколько мне надо было денег на транспорт, чтобы добраться, сколько на гостиницу, сколько на транспорт по самому Крыму. Но вообще не брала в расчёт затраты на еду. Это было крайне дёшево. Настолько, что для жительницы Питера совершенно незаметно. Сейчас еда и продукты — самая большая статья расходов. Самый бурный рост цен был тогда же. И произвело это на крымчан неизгладимое впечатление. Особенно на фоне смены валют, когда толком разобраться, что сколько стоит, очень трудно. Рассказывает двадцатипятилетний учитель истории:

«Сначала в 2014 году, когда были ценники и в гривнах, и в рублях, можно было выбирать, в какой валюте ты хочешь платить. Там цены менялись каждые два дня, день. Приходишь, там сникерс стоит 7 гривен, через день приходишь — уже 12 гривен. Интересно. То есть было такое. И когда весной (летом) отменили хождение гривны в Крыму, стало тяжело как-то. Привык уже, что она 12 гривен, а тут стала 30. Сначала подумаешь, 30 гривен — это дорого. Потом понимаешь, что это рубли.

Деньги, конечно, всеобщий эквивалент, но каша в головах касалась далеко не только денег. Как вызвать скорую? Что такое ОМС? Как переоформить документы на собственность? Можно ли ездить с украинскими правами? Легко было российской Думе внести в свой конституционный закон строку о том, что все жители Крыма автоматически становятся гражданами России. Но, оказывается, жизнь намного разнообразнее строчек в законе, который принимается за три дня. Люди, жившие без регистрации, семьи, годами живущие вместе, ведущие хозяйство, растящие детей, но так и не дошедшие до загса, огромное количество людей с видом на жительство, которое продлялось автоматически, вдруг оказались в ситуации, когда необходимо доказывать, что они тут жили и имеют право жить и дальше вместе на том же месте. Большинство людей в мире, родившись с родным языком и культурой впитывают правила игры. Большинство никогда в жизни ни одного закона не читали и не испытывали в этом потребности. Об ограничении времени продажи алкоголя или увеличении пенсионного возраста мы узнаем, не изучая законопроект или уже принятые законы, а из объявления на

занавеске в магазине, закрывающей возделенные полки, или ленты в Фейсбуке.

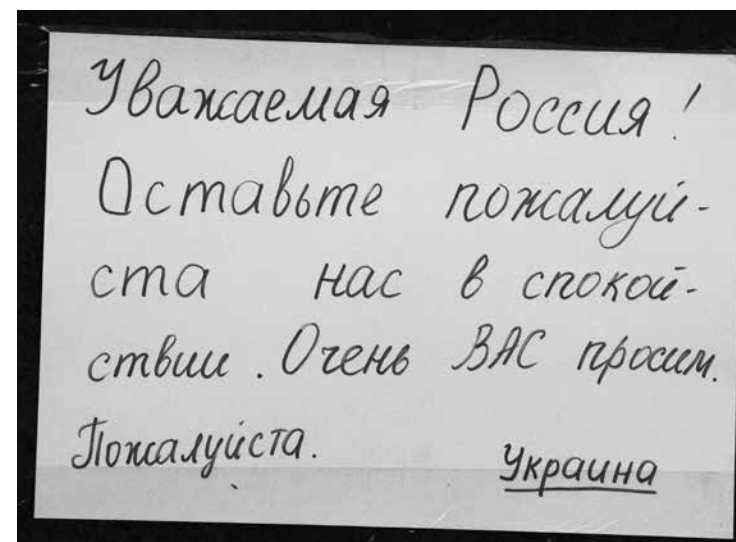
Например, вот такая проблема встала у одной крымскотатарской предпринимательницы:

«Я арендовала помещение, и надо было знать, что меня ждет. А вдруг меня завтра придут и выгонят? А какая организация должна заключить договор аренды? Как я должна отсюда, по какому правовому полю должна существовать?»

Как за несколько месяцев изучить новую реальность? Никого же не спросишь. Соседи, родные и близкие — в той же ситуации. Друзья из России, во-первых, живут все-таки в другом контексте, а во-вторых, непонятно, от какой печки начинать рассказывать. Вот так и читали два миллиона человек законы.

В обычной жизни нам не надо читать сборники законов, мы и так примерно понимаем, как устроена наша жизнь. В этом первый открывшийся мне парадокс Крыма: нарушив все принципы международного права и поставив под удар само существование и хрупкое равновесие международных правовых систем, российское государство за несколько месяцев добилось того, за что бьются самые прогрессивные просветители Европы, — резкого роста правосознания. Попав в совершенно другую реальность за несколько дней, люди вынуждены были срочно изучать эту реальность, пытались в ней разобраться. Добиться исполнения буквы закона в первый год российского бытования Крыма было сравнительно (с Россией) легко. Надо было найти закон и ткнуть в него пальчиком. Оказалось, времени на то, чтобы придумать обхождение закона, нужно намного больше, чем на то, чтобы выучить закон.

ЗДРАСТЬЕ, Я ИЗ РОССИИ

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я ПРОДОЛЖАЮ ВСТРЕЧАТЬСЯ С ЛЮДЬМИ,
РАЗГОВАРИВАТЬ И РАЗБИРАТЬСЯ. НО ЧЕМ БОЛЬШЕ ГОВОРЮ,
ТЕМ МЕНЬШЕ ПОНИМАЮ. УПИРАЮСЬ В ТО,
ЧТО ОПЫТ «ВЫЖИВАНИЯ» ВНУТРИ СТРАНЫ-АГРЕССОРА
ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ НА АННЕКСИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ
НЕЛЬЗЯ ПРИМЕНИТЬ.

Среди первых реакций на мою идею ездить в Крым были не только вопросы, но и оценки идеи как таковой. Формулировка «мы несем ответственность за преступления нашей власти» ещё только оттачивалась, поэтому вопросы типа «что ты там, девочка, забыла?» читались мною внимательно и рефлексировались не менее тщательно. Не будешь же каждому объяснять, что у меня по расписанию подвиг в этот четверг в 15.00, а в наше время всех драконов расхватили и своего ещё поискать надо. В какой-то из итераций я впервые сформулировала для читателей социальных сетей цели поездки: поехала я потому, что «предполагаю, что в сложившихся условиях в Крыму могут наблюдаться нарушения прав человека» (ну, раз уж пришлось называть себя правозащитницей, то и слова про нарушения этих прав использовать не больно). Ожидаемо последовал вопрос о том, есть ли у меня инструменты защиты этих самых нарушаемых прав. И хотя задающий вопрос, скорее всего, имел в виду что-то вроде «дура ты и ничего не можешь», уровень глубины этого вопроса переоценить невозможно. Сама концепция прав человека предполагает взаимодействие человека и государства. И в условиях непризнанных территорий ставит больше вопросов, чем дает ответов. Какое государство несет ответственность за соблюдение прав человека на этой территории? Признавая ответственность России за соблюдение или нарушение прав человека, мы признаем эту территорию российской? А если мы возлагаем ответственность на какое-то государство, то должны ли мы признавать механизмы, которыми государство их обеспечивает? Суды, например, или силовые органы? Но все эти вопросы неизбежно появились существенно позже. В тот момент, когда ты выбираешь язык, на котором разговариваешь, ты выбираешь дорогу и путь осмысления происходящего. Так сложилось (почти случайно), что я выбрала язык правозащиты. И именно он стал и опорой, и рамками, и точкой отсчета.

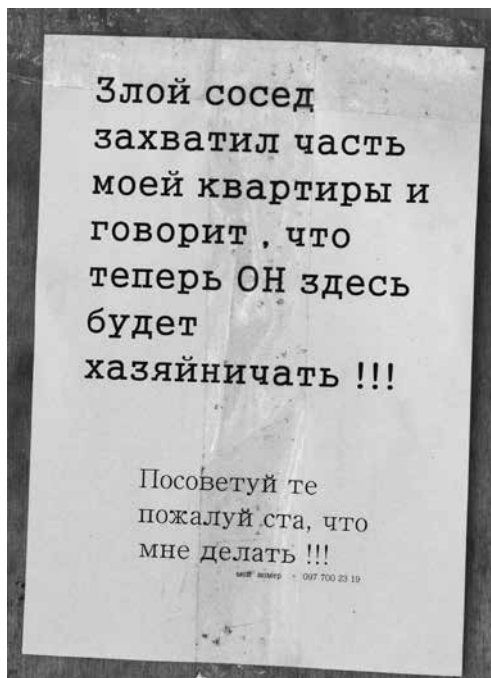
Но тогда, в 2014 году, в поиске языка, в определении, что же, черт подери, я могу сделать полезного для крымчан, первое, что пришло в голову, — это рассказать, куда же они попали. Что такое современная Россия, как тут живут и выживают люди, как работают принципы самоорганизации и каковы «правила игры». Уровень самонадеянности меня не смущал. Так же, как и «простая» мысль, что в разных странах разные

люди живут совершенно по-разному. По-разному выстраивают отношения с властью, имеют различные традиции и различный опыт. Вдохновленная идеей поделиться сокровенным знанием, «как выжить при российской власти в XXI веке», и вооружившись контактами, которыми меня щедро снабдила Саша Дворецкая, я вышла с рынков и пошла разговаривать с активистами и ребятами из НКО. Не то чтобы я хорошо запомнила все те встречи — это был калейдоскоп новых лиц и новых людей. Но многих мы помним благодаря последующим событиям, которые не дают их забыть. Таковой была встреча с Олегом Сенцовым. Мы договорились увидеться в небольшом кафе в подвальчике. Кажется, на улице Достоевского. Хоть убейте, сейчас не вспомню, что это было за место. Мы разговаривали по телефону, пытаюсь найтись на улице, и вдруг Олег сказал: «Я вас вижу». На тротуаре рядом со мной было много разных людей. Некоторые разговаривали по телефону. Поэтому меня живо заинтересовало, как Олег меня вычислил. «Сразу же видно, что вы — не местная». Кажется, тогда я обиделась. Разговор не клеился. Моё желание поделиться опытом не находило поддержки, а успехи гражданского общества в РФ вызывали вполне понятную, но обидную иронию.

Тем не менее с разными людьми, имеющими отношение к общественным движениям, мы всё-таки встретились. В России тогда бушевали страсти по поводу только что введенных «иностранных агентов» и дискуссии — пора ли уходить в подполье или всё ещё можно попробовать побарахтаться. Все эти дискуссии я с радостью пересказывала людям, которые в то время только-только начали осознавать, что «переход Крыма де-факто под контроль Российской Федерации» (хотя и эта формулировка появится существенно позже) — это не только ответ на любимый вопрос современности «чей Крым?», но и полная смена реальности, разрыв всех наработанных механизмов и связей.

Надо сказать, что именно в этот момент впервые пошатнулось моё представление о прекрасных российских правозащитниках и оппозиционерах, которые всё правильно понимают в проблеме российской агрессии, являются безусловными союзниками Украины и украинского гражданского общества. Оказалось, что осознать в себе имперские повадки и хотя бы начать их в себе вытравливать — намного сложнее, чем привычным образом сообщить нашей власти о её преступности.

ОЖИДАНИЕ ВОЙНЫ

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я ПЫТАЮСЬ РЕКОНСТРУИРОВАТЬ ПО БОЛЕЕ ПОЗДНИМ РАЗГОВОРАМ
ОЩУЩЕНИЯ НАКАНУНЕ И, ГЛАВНОЕ,
В ПРОЦЕССЕ ПОЯВЛЕНИЯ В КРЫМУ
«ЗЕЛЕННЫХ ЧЕЛОВЕЧКОВ»

Меня не было в Крыму в конце февраля, когда пророссийская часть крымчан с ужасом ждала крымскотатарских погромов, проукраинская — войны, а официальная российская пропаганда в это же время готовила зрителя к появлению бойцов «Правого сектора». Судя по воспоминаниям об этом периоде, которые я собирала в последующие несколько лет, это было время затишья перед боем. Такое ожидание войны, когда у тебя не остается возможности быть «где-то между», нужно выбирать сторону. А выбрав — определиться с действиями.

Меня не было в этот момент в Крыму. Я появилась позже. Всё, что я знаю об этом времени, — я знаю только из разговоров с людьми. Больше четырех лет постоянных разговоров. Поэтому тут хочется дать слово самим этим людям.

Через два года после аннексии мы обсуждали эти ощущения с Мариной, активисткой Украинского культурного центра:

«Обострения не было. Понимаешь, не было обострения. А происходящее [на Майдане] придало ускорения моей личной реакции. И потом, когда поднимается общественное возмущение такого уровня, невозможно продолжать оставаться на берегу и никак не реагировать. Одно дело — мы в болоте, другое дело, мы уже на берегу штурмующего моря, извините за пошлость сравнения.

«...Сходила к нам (в Симферополе) на Майдан... ни черта понять не могу: чужие лица, никого знакомых.... «Слава Украине!» кричат. Для меня это дико тогда было. Не могу врубиться, что делать. Они вообще одно и то же говорят друг другу... Встретила там одну знакомую. Говорю: «А что будет, что делать?» Она: «Стоять». Для меня странно: что стоять? Кому стоять? Там 20 человек стоят. Кому стоять? Ради друг друга стоять? И для меня это непонятно было. Я не могла поверить, что вот это «стояние» может к чему-то привести... И когда произошел перелом в Майдане — для меня было такое удивление... Думаю: неужели правда вот этим стоянием они совершили такое чудо?

«... 23 февраля было очень тревожно. Мы как будто на другом конце мира. Я собиралась на митинг. Там наши журналисты были. Я должна была пойти их защищать. Но сначала пошла в церковь. Там разрыдалась... У меня такая истерика

была... Я стояла перед иконой из-за того, что расстреляли этих... ребят... на Майдане... »

«...Бежать некуда. В моем кругу все пророссийские. Куда ни пойдешь... Я помню, мы были в центре, идем... Мы все время бродили. Ходили-бродили. То я одна бродила, то с мужем... Утюжили... смотрели, что происходит. Что лично я могу сделать? Просто стоять? Страшно ж. По роже как-то давно не били, опыта нет, не натёрто... Это всё было тяжело, знаешь, осознать. Сейчас, конечно, вспоминаю: такая школа психического закалывания. Серьёзная».

Как мало мы представляем в обычной жизни, что происходит с человеком в рушащейся реальности. Очень многое зависит, конечно, от того, насколько человек один перед лицом этого страха. При этом надо понимать, что все интервью, которые я привожу, взяты в 2015—2018 годах. То есть в момент, когда восприятие и понимание отрефлексированы, отполированы, но ещё не отболело. Другая активистка Украинского культурного центра, Вера, так описывала впечатления от 2014 года:

«Папа с утра говорит: «Не ездь в центр города, там захватили дома». Мы приезжаем на работу, приходят студенты, и им кто-то звонит, что где-то мимо села едут БТРы. Очень странное ощущение — предчувствие войны какой-то. Непонятно, что происходит».

«Это чувство неопределенности и того, что ты можешь завтра прийти на работу, а ее, например, не будет. Это было как-то... странно. Это было очень страшно. Это было очень неприятно. Так у всех тогда было, кто бы за какой лагерь потом бы ни встал. Чистая пелевинщина».

«Ощущение того, что что-то будет, прямо витало в воздухе. Очень неприятное чувство. Человек и так не любит неопределенность, а тут она прямо явно стояла перед тобой. И все об этом говорили».

Если за Майданом крымскотатарские активисты следили примерно с теми же чувствами сопереживания, надежд и сочувствия, как и будущие проукраинские активисты, то предчувствие войны вошло в их дома немного по-разному. Так вспоминает Сovie, крымскотатарская предпринимательница:

«Во время Майдана мы смотрели трансляции, каждый день смотрели, пересматривали. Созванивались... Очень переживали, ночами не спали, обсуждали. Это был Прорыв. Мне было очень стыдно за то, что Крым спит. Никто туда не ехал. Потом крымскотатарские ребята поехали, оттуда приходили новости, происходили события... а Крым весь спал. У нас была надежда на то, что отношение к крымским татарам изменится».

««Зелёных человечков» я увидела. Практически первая. В наш дворик пришли сначала казаки. Человечков ещё не было, были казаки сначала. Наверное, они патронами пришли закупаться. У нас там охотничий магазин. Испугались все. Во-первых, испугались родители, которые привели детей к нам. И какое-то время мы даже — вот я даже говорила: «Не приводите детей». И родители говорили: «Давай завтра детей не приведем». Потом у меня училась девочка, у которой папа работал в СБУ, потом перешел в ФСБ работать. Он даже говорил: «Завтра, пожалуйста, не выходите на улицу. Я завтра своего ребенка не приведу, а вы закройте, пожалуйста». То есть какие-то мероприятия планировались».

«На площади сидели тетечки из Горисполкома за столиками, составляли списочки и записывали в народное ополчение. В Самооборону».

«Это было на волне страха перед татарами, хотя татары ни во что не образовывались и не записывались, а вот страх был».

«В какой-то из очередных дней, когда по проспекту Победы стояли женщины татарские с детьми в совершенно искреннем порыве: «Мы не хотим войны!», а мимо них с Керчи, с Тамани двигались танки. И ночью эти танки двигались потом по Севастопольской туда, в Севастополь, в Бахчисарай. Грохот стоял! И вот тогда, в ту же, в одну из тех ночей всю ночь гудело небо! Просто гудело. Это, я так думаю, что мы тогда уже поняли, мы испугались, что будет война».

Если для всех жителей полуострова военная техника, «зеленые человечки», туманное будущее были страшны сами по себе, то для крымских татар был ещё глубинный страх повторения национальной трагедии. Ещё живо достаточно много людей, которых в 1944-м грузили в вагоны под

прицелами автоматов. Поэтому новое появление на мирных улицах своих поселков людей с автоматами не могло вызвать каких-то других ассоциаций. Крымскотатарская активистка Дамира рассказывает:

«У меня первое время, когда все это началось, была постоянная мысль: а вдруг депортируют опять? Ну а чего им стоит? Никто же сюда войска не введет. Это бред собачий... А что им стоит посадить нас на какие-то там товарняки те же? Или еще что-то?»

«Особенно страшно было недели две спустя после 26 февраля, когда все больше и больше техники стало появляться... они курсировали по всему Крыму, ездили беспрестанно там-тут.... Мы еще сидели в рациях. И со всех регионов сообщают каждые полчаса о том, что там поехало около 30 машин, туда поехала такая-то колонна с КАМАЗами, с людьми, и ты понимаешь, что хрень творится. Вот тогда было реально страшно.

«В тот период у нас не было свадеб. А как вы думали? Приходили дети из школы, говорили, что у них написано на партах «Депортация 44-го года», «Татары — вон». У нас большие бабушки, знаете, сколько смертей? Какие свадьбы? У меня настроения никакого не было, у меня депрессия была, я была больной человек. Я с дивана не поднималась.

«Никогда не думала, что так безобразно могут вести себя люди. Хотя уже когда появились человечки неопознанные, уже тогда было очень страшно, потому что легче, когда ты знаешь врага в лицо. У меня во дворе сначала казаки появились, бухие-пребухие. Я боялась детей выпустить, дверь открыть. Мы стояли, как сейчас помню, эти ступеньки, стеклянная моя дверь, и мы, как обезьянки, смотрим через стеклянную дверь и рассматриваем одежду казака, уж больно она колоритная. На голове малахай этот у него по самые брови, вот такие вот усы, усищи с седыми концами, замызганные, красный нос у него, шаровары на ногах, унты какие-то — очень колоритный. Шабелька у него настоящая на боку.

Алиме относится к факту аннексии намного спокойнее, чем большинство крымскотатарских активистов. Да и к ак-

тивистам как таковым себя не причисляет, но её переживания в момент появления военных на полуострове совершенно такие же:

«Я как мать боялась за своих детей, для меня это трагедия, потому что они же вот уже взрослые, старшему 27, младшему 25, всякое в жизни могло быть и может быть... Ни одной матери не пожелаю таких переживаний...»

О том, как воспринимала происходящее крымскотатарская молодежь, я разговаривала с двадцатитрехлетней Адиле:

«Сперва был шок. А спустя пару дней началось это все — и военные в центре города, и люди в формах с автоматами, и скопления народа возле оружейных магазинов. Тогда уже было интересно. Тогда уже начала гуглить, читать, смотреть — что? Где? Как? Почему?

«... Из-за Майдана я, конечно, переживала. Мама сидит, в истерике почти бьется, с давлением. Папа... Я — ребенок, которого из дома особо далеко не выпускают, и я сижу, смотрю телевизор, и время от времени истерики у меня тоже были. На нервной почве.

«Тут, в Акмечети [район Симферополя], после того как написали на заборах... всякую гадость про крымских татар. Во всех местах компактного проживания молодежь татарская самоорганизовывалась (возраста 19–20 лет)... патрулировала. Я за них очень переживала. Девчонок не пускали. **21 год, 45 килограмм.** Таких малышей, как меня, никуда не пускают и с собой не берут почему-то...»

«Происходящее сначала каждый сам в себе переживал. Потом, с нарастанием ситуации, ребята начали уже сплочаться в группки, стали уже думать и гадать: «А что дальше?», «Что можно сделать для того, чтобы как-то помочь или улучшить ситуацию?» Что дома, что в университете, что вообще везде взрослые пытались настроить на то, что «спокойно, всё хорошо. Все будет хорошо. Не нужно нервов, паники, истерик. Нужно просто посидеть, переждать.

Общее впечатление выразил крымский татарин, который подвозил нас однажды на машине из города в город. Кажется, его зовут Ильдар:

«Мы знали, что в России сейчас будет советский строй, с Советского Союза который. А Советский Союз нас что? Нас считали предателями. Советский Союз нас сделал предателями! Вот поэтому, может, как-то не хотели. Хотя вот эти крымские татары, которые — в Новороссийске, в Краснодаре их тоже очень много живет, — они говорили: «Ребята, что вы воюете?» Нормально мы живем. Местонахождение тоже влияет.

«Нам деваться некуда, отходить некуда. Мы здесь уже остаемся навсегда.

Чисто стилистически и эмоционально, кажется, описание атмосферы пророссийскими активистами, как мне показалось, не сильно отличается от воспоминаний тех, кто боялся российской власти. С поправкой на взгляды. Вот как описывает события конца февраля — начала марта атаман Крымского казачества:

«То, что там в Киеве где-то начиналось, мы тогда не думали, что будет так именно — Россия. Но мы знали, что если что-то начнется, то Крым пострадает больше всего. Это однозначно. У нас еще при Украине в мирное время с татарами мы цеплялись по разным вопросам: и за рынки, и за мечети, и за церкви. Практически каждый месяц какая-то была стычка, причем стычка была такая, что минимум один человек погибал.

«Это ж татары начали, и они дали 10 дней, то есть снимайте памятник и все остальное, то есть то же самое, что и Украина, хотели сделать, понимаете? А так — нас всё устраивало при Украине раньше.

«Я пошел, потому что знал, что если здесь будет что-то, то будет стычка с татарами, мусульманами, всеми остальными, и здесь будет очень тяжело. Даже нам не надо было хохлов тех, я имею в виду, которые там с Западенины, именно татары бы нам устроили такое... с этими даже разговора не было, они далеко, и они нам не нужны, они б даже не приехали, там говорили: «Поезд дружбы...» Никакого поезда дружбы нет. Все это ерунда.

«Когда я был в Украине, я был русским. А эти люди приезжают — я не могу понять, он не русский, он россиянин, потому что он с Советского Союза, он не видел ничего, я уже сравниваю просто людей. Это не русские уже, это россияне.

Мы были русские — это первое. И мы жили в Европе — это второе. Мы можем сравнить.

Я бы считала, что это впечатление — случайность, но вот как вспоминает 2014 год пророссийский активист Сергей:

«Я с момента общения после этой ситуации с Майданом, когда начались волнения, я как-то пытался ситуацию выкрутить в том направлении, что Крым все равно будет русским, российским. Мы за это, как говорится, с 91-го года добивались, достаточно большая группа крымчан. Мы жили на Украине, но мы все равно по менталитету, по культуре, по образу жизни были истинно русские люди. Новый год — это как бы мелочь, но справляли под российского президента. Вот такие мелкие формальности, но они тем не менее оставляли в нас русскость.

«В ситуации с Украиной я, например, воспринял Майдан благосклонно. Я не знал, уйдет ли Крым в Россию, потому что я не видел возможности, не знал, что Янукович сбежит. Мне хотелось под Майдан объявить референдум и сделать Крым самостоятельным государством.

«Когда на Украине только начали валить памятники Ленину, наши тут одиозные татары тоже решили снести памятник Ленину на площади. Ну а мы что? Организовались с ребятами и начали устраивать пикеты. Всех, как говорится, лиц нерусской национальности, которые там пытались собираться возле памятника, отводили в сторону и объясняли, что так делать не надо. Стоял до вас и после вас стоять будет.

Ниже слова Ольги, которая никогда не была яррой противницей России в Крыму, сотрудничала и воевала с новыми властями так же, как со старыми, занимается в основном социальными вопросами.

«Что мы ожидали? Я ничего не ожидала... Я понимала, что любые исторические события, перейти из одной страны в другую — это всегда катаклизм (считай, мы были в одной стране и перешли в другую), что это будет нелегко, что это будет смена бизнеса, что это будет передел... Что сейчас и произошло. Мы пока четыре года в России. Мы уже через год, даже через полгода требовали: Путин, у нас тут это не работает, то. Я сейчас смотрю свои письма и думаю: какие мы были наивные, то есть мы хотели все сразу.

«Я не могла понять некоторых людей... тех патриотов, которые говорили: мы вернулись домой. У Путина бы ничего не получилось, если бы еще прошло 10 лет и выросло бы мое поколение, а то уже умерло. Я родилась в 1981 году в Советском Союзе. Когда разрушился Советский Союз, мы как бы с ностальгией смотрели телевидение, Москву. Потом нас от всего этого отрубили, и мы жили сознательную жизнь уже в Украине. Я не считаю Украину какой-то там, как сейчас пытаются представить... Это общеевропейского типа люди, мы ездим, общаемся. У меня там родственники, кумовья живут в Киеве. Я не считаю эти все политические распри, и нет у меня того отторжения, которое нам пытаются [внушить] на наших центральных каналах, что Украина и украинский народ — это какие-то дегенераты. Это такие же люди, как мы, крымчане.

Я совсем не претендую на объективную выборку, но кажется, что чем меньше человек прожил в Крыму, тем более радикально в 2014 году был настроен против Украины, тем больше разговоров о бандеровцах и «поездах дружбы».

Наталья — активистка из Симферополя. Жила в детстве в Крыму, но потом уехала по семейным обстоятельствам. И вернулась в Крым только в 2008 году. Я позволю себе привести её рассказ почти целиком, рискуя показаться чрезмерно занудной, потому что, на мой взгляд, её переживания очень перекликаются и как бы «зеркалят» переживания крымско-татарских и проукраинских семей:

«Мои сыновья вместе со мной ждали прихода России, они ездили на эти Антимайданы в Киев. Они ездили, первые несколько раз не говоря мне об этом. Потом, когда там становилось все сложнее и сложнее, сын позвонил и сказал: мама, если вдруг что-то случится, знай, что я там. И тогда я с термосом с горячим чаем и носками уже бежала на площадь Ленина для того, чтобы передать. Причем, не сговариваясь, дети друг от друга таились. Одному сейчас 33, одному 34. На тот момент у одного только была семья, его жена поддерживала, они ездили туда, и это была их гражданская позиция. Когда у нас говорят, что платили, ездили за деньги — я не знаю, может быть, такие случаи и были. Один раз только им дали суточные в вагоне, потому что ситуация в Киеве уже была настолько напряжена, что им не разрешали никуда отлучаться. Вот они там стояли на Антимайдане.

Когда начался Майдан и эти кровавые события, я просто сидела, рыдала у телевизора. Я ничего не могла делать, я не понимала, что происходит. Мальчишки в тот момент уже были здесь, но они были готовы ехать. Я плакала и говорила своему мужу, что вы обязаны что-то делать, мы не можем сидеть. Я женщина, я могу сидеть и плакать, но вы должны в этом участвовать. Потом начали события разворачиваться здесь, у нас, и работали такие, знаете, подрывники со стороны крымскотатарского населения.

Вы знаете, это была революция, это был такой внутренний патриотический порыв, который возникает, наверное, когда происходят такие события, когда внутри тебя что-то просыпается, и ты понимаешь, что ты должен в этом участвовать, это твоя гражданская позиция, когда ты проявляешься как человек, как гражданин.

Мы ходили на площадь Ленина, когда все это было. Тогда стали организовываться добровольческие отряды. Вот тогда уже было объявлено, где [они] формируются из добровольцев. И один, и второй мой сын записались. Вы знаете, это было удивительно. Люди бросали свою работу, откладывали все дела, садились на машину, созванивались, нон-стоп ездили, договаривались, встречались. Ну, революционные события. У всех была цель и понимание, что мы не должны допустить кровавого переворота здесь, и мы понимали, что Крым так просто не отдадут. Каждый чувствовал себя частью чего-то очень большого, что может повлиять на всех нас.

Перед этим у нас же пытался в Севастополь зайти американский флот. И мы прекрасно понимали, что идут конкретные договоренности о том, что здесь будут стоять американские военные. И крымчане, особенно севастопольцы, никогда бы не допустили того, чтобы здесь стоял шестой американский флот. Это первое. Второе. То, что произошло на Майдане с нашими беркутовцами, потрясло нас всех до глубины души, и то, как наших ребят там камнями обстреливали, автобусы не пропускали, унижали, ставили их на колени — для нас это было страшным потрясением. Мы понимали, что этого допустить нельзя, потому что если придут вот эти силы сюда, мы встанем на защиту своего «я» и своей русскости крымской. Пока мы были в Украине, я, честно скажу, никогда не чувствовала себя украинцем и при этом никогда не испытывала какого-то особого давления. Нам давали возможность...»

А вот восприятие Дмитрия Джигалова, который вырос в Крыму, но в начале 90-х, не приняв распад Советского Союза и то, что Крым стал частью другого государства, выехал в Россию и прожил в Москве большую часть жизни, но на волне начавшихся в Крыму российских движений в феврале 2014 года вернулся и активно принимал участие в «Русской весне». В его представлениях нет крымского украинского бэкграунда. Он знает о том, как жили люди в украинском Крыму, только по рассказам и через призму своего политического представления. Но его описание событий тем не менее крайне интересно именно степенью включенности. Он не сидел дома и не ждал, а пытался действовать. Так, как умел и как верил. Привожу его слова почти полностью:

«Я увидел, что со стороны их [крымских татар] духовных лидеров началось настраивание татар против русских, и в том ключе, что «вы здесь коренные, а это всё пришлые, это ваша земля». Начали приглашать турков, финансировать разные программы, как НПО, к примеру. Помощь школам якобы, а на самом деле под этим там тоже опасные ситуации были. Ну, то есть... разведки иностранных спецслужб не дремали и занимались своими делами на территории Украины, и Крыма в частности.

До февраля 2014 года я был в Москве. Работал. А потом, увидя весь этот беспредел (у меня есть знакомые, которые имеют отношение к спецслужбам), что на Украине готовят эти события... Основная задача — захват Черноморской военной базы и станций космического слежения. Основная задача — это размещение баз НАТО в Крыму. Это делали не киевляне и часто даже не украинцы, поверьте. Кураторы даже из-за рубежа. Мой командир, командир Союза десантников Крыма — бывший командир батальона «Беркута» (он был на Майдане, все видел), и когда под стенами Госсовета он увидел этих же кураторов, которые организовали Майдан в Киеве, то здесь уже мой командир не стал никого слушать, и они начали сами действовать.

Как общая масса людей, которая видит, какой там начинается беспредел: убивают людей на Майдане, поливают «Беркут»... Знаете, как некоторые говорят... «А что, я маленький человек. Что я могу решить». Я всегда думал: «Нет. Даже один маленький человек может что-то решить. Главное, чтоб у него было желание и, наверное, знаете, слабоумие

и отвага»... Это всегда была моя мечта, чтобы Крым да и вся Украина были одной страной. Понимаете? Я могу говорить за себя и за крымчан. То есть в этом была моя мечта, и когда фактически появился шанс, я понимал, что шанс нельзя упустить. А услышав от своего друга планируемые заокеанскими кукловодами события на Украине, я решил, что я не могу этого допустить.

Когда я смог получить российские флаги, я попросил, чтобы мне привезли, и мы решили их развеивать, меня начали искать СБУ и криминальные элементы. Это было за неделю, может быть, до референдума. И эти криминальные элементы. Александр Коваль, к примеру, который потом впоследствии стал депутатом от «Единой России» (это вообще нонсенс для меня) ко мне приезжал с угрозами убийства. И не только мне, он другим людям говорил, что «мы его сейчас грохнем — и вопрос закроется». Они мне угрожали, говорили: «Нам Россия здесь не нужна. Мы на связи с Аксеновым, тебя убьем-зарежем». И так случилось, что у моего друга родственники из наших российских вооруженных сил, из ВДВ. И только благодаря нашим полковникам, которые в тот момент тоже были с нами, и у них были удостоверения российских спецслужб, Совета Федерации. Они предъявили удостоверения этим бандитам, и те немного охладели — поняли, что не туда полезли. То есть они думали: «Ну какой-то Дима придет, сейчас мы его грохнем, растопчем, вывезем, в море кинем, и никто тебя никогда не найдет».

Понимаете, все ожидали межнационального конфликта. Больше вам скажу, радикальные криминальные элементы и люди, которых воспитывал Меджлис особым образом... На территории Крыма было много тренировочных лагерей и в том числе Басаева и прочих, это никому не секрет. И среди членов Меджлиса очень много воспитывали боевиков, которые участвовали в разных военных конфликтах против России. На почве межнациональных конфликтов были и убийства, и большие потасовки. Это и в 1990-х годах, и в 2000-х было. Политикам было выгодно создать на территории Украины и, в частности, Крыма вот такие межнациональные стычки. Возможно, им это было необходимо, чтобы потом оправдать введение войск НАТО.

В это время... приходишь к простым людям, сидят все с ножами, с топорами, охотники с двустволками у окон. Люди были настолько запуганы, что из собственных домов мало кто собирался выходить. Это я говорю про маленькие города

или те города, где большое количество татарского населения. У людей была определенная боязнь, что устроят резню. Те бойцы, которые потом приходили с обысками, находили уже и списки этих криминальных элементов. Я не хочу сказать, что все татары такие, поверьте, у меня много знакомых татар, которые, знаете, воспитанные, образованные люди и которые говорят: «Нам это все не надо». Но вот эти вот лидеры, они умеют настроить молодежь. Тем более когда тебя финансируют с Запада, давать ей деньги, тренировать и делать из нас просто мясо, которое потом бросят в своих интересах. Вот это, к сожалению, я видел.

В конце февраля — представьте — ты сидишь дома, тебе простреливают ворота. А в полицию пишешь заявление, полиция ничего не расследует, и до сего дня мне никто не ответил, кто стрелял по воротам и почему эти криминальные элементы, приезжающие ко мне с угрозами убийством и кричащие, что Крым — это Украина, потом впоследствии они становятся членами партии «Единая Россия». И до сих пор пользуются покровительством со стороны властей и спецслужб.

Меня во всех этих разговорах больше всего поразило именно общее. Всё, что разделяет условно проукраинских и условно пророссийских людей, и так хорошо известно. Отсылки к Советскому Союзу тоже не впечатляют. В российских социальных сетях и СМИ в это время особенно муссировались темы «бендеровцев», противодействие «поездам дружбы» и противостояние «фашистской угрозе». А крымчан в это время (как видите!) больше всего беспокоил возможный межнациональный конфликт. Крымскотатарская молодежь организовывалась в патрули в ожидании погромов. Казаки с пророссийской молодежью списывались в социальных сетях и шли на площади «не дать состояться татарским провокациям». Родители и тех и других сидели перед трансляциями с Майдана, плакали от жалости «к нашим мальчикам», несли чай с теплыми носками на площади и понимали, что «кому ещё действовать, как не молодежи». Всем было страшно, и каждый боролся со своим страхом, как умел. И где-то там, в экранах компьютеров и телевизоров, в Киеве на Майдане рушилась последняя надежда на власть.

У КАЖДОГО СВОЙ КРЫМ

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я С УДИВЛЕНИЕМ ОБНАРУЖИВАЮ, ЧТО НАДЕЖДЫ
НА КИЕВ/МАЙДАН/МЕДЖЛИС И РОССИЮ СТРУКТУРНО БЫЛИ
ОЧЕНЬ ПОХОЖИ МЕЖДУ СОБОЙ. А ГОТОВНОСТЬ КРЫМСКИХ
ПРОРОССИЙСКИХ АКТИВИСТОВ, ЗАСУЧИВ РУКАВА, СТРОИТЬ НОВУЮ
ЖИЗНЬ БЕЗ КОРРУПЦИИ ЗЕРКАЛЬНО ОТРАЖАЕТ НАДЕЖДЫ
И СТРЕМЛЕНИЯ АКТИВИСТОВ МАЙДАНА
ПО ВСЕЙ УКРАИНЕ

Вспоминая о событиях 2014 года, многие говорили о том, что «ждали кого-то, кто скажет, что делать», ждали, что кто-то отдаст приказ. Каждый позволил себе выпустить наружу самые потаенные политические надежды. Причем кажется, что у подавляющего большинства эти надежды были не на Украину, Россию или Европу, а на независимость хоть в какой-то степени. Вот только с тем, чья это независимость, никак не могли определиться. Крымскотатарская автономия — мечта и цель Меджлиса крымскотатарского народа и кошмарный сон крымского казачества? Советский Крым, который в голове у крымских татар неразрывно связан с депортациями, репрессиями и смертями? Европейский курорт? Этим ожиданием неведомого «приказа» было всё проникнуто даже тогда, когда я уже приехала в Крым в конце марта. Вернее, тогда это уже была радость от получения «приказа» с одной стороны и сожаление о его отсутствии — с остальных.

Надо сказать, что «приказ» здесь не всегда метафора. Например, часть украинских активистов говорили, что ждали «решения Майдана», но его не поступило... Военные ждали приказа от начальства. Крымские татары (по крайней мере какая-то часть) — «решительных действий Меджлиса», пророссийские активисты, надо сказать, меньше всего понимали, чего они ждали. Так это увидела я. И именно они получили тот самый, вожделенный. Это как раз не удивительно. Что-то, а на такой общественный запрос российская власть отвечать умеет. Для меня осталось загадкой другое: как сочеталось это ожидание с явно проснувшимся там, у экранов, ощущением что надо всё делать самим. Очень страшно и странно было сформулировать, но то, что проснулось в «пророссийской» части крымчан, по большому счету так же мало отличалось от того, что проснулось в «проукраинской». Это примерно то, что принято называть гражданской сознательностью.

Долго думала, стоит ли рассказывать об этом, но уже скоро пять лет, как эта фраза не выходит из моей головы. Ожидание приказа или хотя бы помощи от властей Украины (которая, по понятным причинам, не могла быть оказана технически) вызывала у крымчан — украинских активистов ощущение обиды и бесконечной боли, которая к лету 2014 года выразилась во фразе: «Украина нас пре-

дала, но мы её — нет». Если бы дело происходило в России или, например (если я правильно, конечно, оцениваю извне), в Беларуси, то можно было бы говорить о том, что предало государство (отсутствие приказа, военной помощи и других действий), а не предали — страну или родину. Но в Украине с её историей антиколониальной борьбы и национального движения такое разделение невозможно.

Почему-то в России — «на материке», как стали быстро называть Россию крымчане (с 2014 года для крымчан стало два «материка» — украинский и российский), принято считать, что те крымчане, которые «хотели в Россию», искали помощи или халавы, хотели российских денег и «старшего брата». Но несмотря на мою предвзятость и убеждения, на «той стороне» я встретила людей, которые хотели принимать решения и управлять своей жизнью, помогать другим и улучшать окружающую среду. Впервые я это услышала в конце 2014 года в Севастополе. Это был севастопольский активист, очень пророссийских взглядов, который занимался с коллегами сбором и распространением информации о назначенных в Крым российских чиновниках и силовиках. Они одни из первых среди новых российских активистов столкнулись с тем, что митинги не согласовывают, и со штрафами за их проведение (позднее многие столкнутся с тем же). Мы стояли, разговаривали на улице, дул ветер. Он держался прямо, с какой-то почти военной выправкой, и чеканил слова, которые так врезались мне в голову, что я потом годами их цитировала: **«Мы! В марте 2014! Вышли на площадь Нахимова! Мы приняли историческое решение! И мы никому не позволим мешать нам проводить митинги!»** Это звучало так странно и так дико для «правозащитницы из России», члена ОНК, которая дома, в Питере, сутками не вылезала из отделов полиции с задержанными участниками самых разных уличных акций. Там же, кстати, я впервые услышала формулировку: «У нас достаточно своих кадров. Зачем нам присылают постоянно с материка? Ведь очевидно, что хорошего сотрудника никто не отпустит».

В марте 2014 года меня поразило, что Украина как государство (со своим правом на насилие) никак не реагировала на вторжение. В Крыму были активисты, которые на это надеялись, были военные, которые ждали приказа из

Киева. Но ничего не было. Моё узкое сознание выросшей в стране, претендующей на звание метрополии, отказывалось понимать, что так бывает. И даже (честно скажу) местами я восхищалась, потому что это выглядело единственным способом сокращения количества жертв. И представить такое поведение государства я не могла. А позже меня не менее сильно поразила сама мысль о том, что там, где мы видим линию раздела на свой — чужой, на одну сторону и другую сторону, совсем не линия, а пунктир. Причём не по прямой, а извилистый, меняющий сторону и направление по дороге.

Но, как я писала в предыдущей главе, у всех активистов, по все стороны этого кривого пунктира было, есть и будет одно общее: любовь к Крыму как месту, как к полуострову, к его горам, морю, степям, к его истории. И готовность защищать это всё от уничтожения и угроз. Но вот в том, откуда угрозы и от кого защищать, тут, как говорится, «каждый понимал по-своему».

КАКАЯ ЖЕ ВОЙНА БЕЗ ТЕХ, КТО СТРЕЛЯЕТ?!

КИЕВ. МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я ОБНАРУЖИВАЮ САМЫЕ РАЗНЫЕ ВОЕННЫЕ
И ПАРАВОЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЫТАЮСЬ РАЗОБРАТЬСЯ,
ЧТО ЭТО, ЗАЧЕМ, КАК ОНИ ФУНКЦИОНИРУЮТ
И КАК С НИМИ ОБЩАТЬСЯ

Пропустив «начало заварушки», я в конце марта усиленно пыталась поймать эти ощущения за хвост. Явно одной из важных составляющих было наличие разных военных и паравоенных во всех «стратегически важных местах». Самое непривычное и сложное — абсолютно непонятное назначение, ведомственная и даже государственная принадлежность людей с оружием. В аэропорту Симферополя в ещё не демонтированных окошечках для паспортного контроля сидели первые встреченные мной в Крыму люди в форме. Никаких отметок в паспортах они не ставили. Какому государству эти «пограничники» (а на них были нашивки прикордонной службы) служили — непонятно, какими законами руководствовались — тем более. Но стояли. По всему аэропорту были рассредоточены мужчины в камуфляже с автоматами. Эти и вовсе без опознавательных знаков. В темноте, в почти неосвещенном аэропорту они смотрелись жутковато. В центре Симферополя разнообразия было побольше. Я тогда написала у себя в соцсетях:

«На мой неподготовленный взгляд, в городе многовато разных людей военнообразных. Хотя, справедливости ради, жителей, кажется, это не сильно напрягает. Разных таких «сил» тут много. Силы Самообороны — они без оружия. Но часто при них стоит беркутовец. Он с автоматом. Еще есть всевозможные военные и милиция. Какой у них у всех статус — фиг знает. Кажется, никакого. «Беркут» тут есть, и местный, и приезжий из Украины. При этом на Украине «Беркут» расформирован, а в России такого подразделения нет. Рассказывают, что журналистов останавливают, «камеры к досмотру» (опять же, никаких правовых оснований, кроме автомата). Но сама пока не сталкивалась.

Всё время работы в Крыму я мечтала поговорить с людьми, которые имели отношение к Самообороне, которые видели её близко и сталкивались именно с тем, как она собиралась, как формировалась и как работала. Но я была для них слишком критично настроенной к российской власти. Взять такие интервью мне удалось только в августе 2018 года. Вот так рассказывает уже знакомый читателю Дмитрий Джигалов, активист «Русской весны», тесно и много общавшийся и работавший с Самообороной:

«На первоначальном этапе происходила самоорганизация людей, и кто-то выбирался лидером, ставился как руководитель, командир отделения, и люди выполняли свои задачи, которые сами себе ставили. Вот у нас, к примеру, руководитель русской общины Судака, Петр Иванович, уважаемый человек в Судаче. Петр Иванович организовал людей (он бывший военный). Он им говорил: «Едете на военную базу, блокируете». Была угроза, что вывезут оружие, раздадут его радикалам. Поэтому были организованы группы, и воинские части были блокированы простыми людьми, которые решили, что им это не нужно в Крыму.

Это происходило по всему Крыму. Сначала неорганизованно, ну а потом уже как-то люди начали между собой созваниваться, тем более там много же военных у нас в Крыму, которые решили, что надо тоже в Россию. Оружия не было. Охотничьи ружья — вот и все, что было. Палки, топоры я видел. Такая армия была смешная.

В те события многие из тех, кого вы видели потом впоследствии на Донбассе, полевых командиров, свой путь начинали у нас, в Крыму. Как вот как, например, Игорь Иванович Стрелков. Он же тоже приехал, он тоже много организовывал тут. Он тоже помогал.

Совсем другое впечатление и воспоминания о Самообороне у атамана Крымского казачества. Почему такое различие взглядов — я не знаю. Хотела бы знать, но для этого было бы здорово провести большое исследование с разумной выборкой, с глубинными интервью, с проверками на достоверность. А у меня — просто примеры того, насколько по-разному воспринимают Самооборону люди, которые в ней были. Что уж говорить о тех, кто наблюдал снаружи.

Единственное, в чём оценки сходятся — это в том, что «теперь Самооборона уже не та». Итак, слово атаману:

«В основном [в Самообороне] какие-то с материка (из России) люди были. А так в основном все (90 процентов) шли за деньги. Идейные были, но буквально через два года уже никаких идей не было. как и в Луганске / Донецке — то же самое. Эта священная война шла примерно год.

«Говорить о том, что стало дальше с ополчением, бессмысленно, потому что по сути это было не ополчение. Приходили люди каждый день новые какие-то. Списки велись, но это было, опять же, для галочки, для списания денег. Можно набрать в поисковике и посмотреть, сколько стоят людей. Их было 1500. Ну, пускай было 2000 — ладно. Но у нас же медалей 30 000 дали. У нас есть ветеранское ополчение, их уравнили (за эти три дня, грубо говоря), сделали героями, медали за мужество... Я вообще не представляю, как военные российские на них смотрят. Люди в Чечне воевали, еще где-то, а здесь есть такие индивидуумы. На Донбасс, допустим, с Крыма уехало (я так думаю) человек 300. Не больше. Опять за деньги, там же тоже платили.

«В Симферополе в ополчении было 15 рот. У меня была, кстати, 14-я — самая большая. 140 человек было в роте. Аксенов отдавал приказы. Мы строились утром и распределялись: вы сегодня на Совет министров, вы сегодня на Госсовет и так далее. Нас поставили, а сзади — войска с автоматами, с пулеметами. Мы, честно говоря, просто журналистов не допускали и навязчивых каких-то людей. Всё.

«Мы были как народ, то есть чтобы можно было говорить, что это народ делает. Но что мог народ сделать? Сами понимаете: вот такая деревня была, дубинка, черенок обычный. Ничего ж не было, ни оружия — ничего.

Мы там 3-4 дня постояли, а потом — уже те же ополченцы. Уже всё за деньги было. Лично я не брал. Я отдавал все ребятам на сигаретки, потому что мне эти 50 гривен... Но многие-то приходили безработные в основном.

Сперва было 50 гривен в день, а потом — после недели — уже начали: 50 мало, давайте 100, а то мы не пойдем, да, да там много чего. Стали давать. Люди ж нужны были. А что думать, когда уже войска российские за нами стояли, что уже думать. Уже все придумано.

Когда это все началось, мы ж принимали присягу (якобы), нам давали форму — всё как положено. Форма старая списанная российская — нам привезли. Я лично сам одеваю сто человек с утра. Ои у меня строятся, а через два часа из них уже минимум 50 человек нету. Все божжи у нас ходили после этого еще года два по помойкам в этой форме, все пьяницы, а кто-то сразу снимал, на рынок относил.

Примерно через три дня меня так же, как и местных жителей, все эти ребята с автоматами напрягать перестали. А ещё через четыре года, оказавшись в чеченском городе Шали, я не обратила внимания на парня, который в трех метрах от нас с подружкой открыл полный багажник оружия, швырнул туда автомат с плеча и, захлопнув крышку, пошел дальше. Всегда видеть краем глаза оружие, но никогда не реагировать на него даже внутри — навык, без которого я бы с удовольствием обошлась, но который так прочно входит в тебя, что совершенно забываешь о том, что бывает как-то иначе. К счастью, разбираться в военной технике я так и не стала. Так же, как мой мозг в упор отказывается запоминать эти комбинации из звездочек и нашивок, так что звание я способна определить только в случае, если собеседник будет так любезен представиться.

Кажется, это мой такой внутренний протест против участия в войне. Не для того я ищу войну, чтобы в ней воевать, а для того, чтобы НЕ воевать.

Довольно страшно осознавать, как быстро и легко «ребята с автоматами» превращаются просто в антураж, в часть рельефа окружающей местности и перестают быть признаками войны. Смещается понимание нормы. Сперва на твоих улицах появляются военные с автоматами, и это очень страшно, потому что война. А потом, шаг за шагом, привыкаешь. Ну, БТР, ну, автомат — но не окопы же. И все «зеленые человечки» становятся пейзажем, а война где-то там, далеко, где окопы и взрывы.

ОТСТУПЛЕНИЕ

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я ИЩУ ВОЙНУ ТАМ, ГДЕ ЕЁ МОЖНО НАЙТИ
ДАЖЕ В МИРНОЕ ВРЕМЯ — У ВОЕННЫХ.
И НЕ НАХОЖУ

В те месяцы Крым ещё не погрузился в молчание. В Симферополе базировались различные группы наблюдателей из Украины и международных организаций, много журналистов из разных стран. Вместе с одним из коллег мы взяли интервью у военного, которого похитили на пороге его части, когда он пытался забрать свои вещи из казармы в Севастополе, которая уже подняла российский флаг. Кажется, это было первое в моей жизни интервью с жертвой пыток. Позже мы проехали вместе с автобусом украинских военных, которых выводили из Крыма. Армия готовила к выводу технику и людей. По всей Украине собирали деньги на нужды армии. Люди могли пожертвовать деньги, послав смс или позвонив на короткий номер. На конец марта собрали почти 18 млн гривен (около 70 млн рублей). Надо сказать, что вокруг военных частей было довольно много разных форм самоорганизации. Военные части были официально заблокированы «зелеными человечками». Хотя многие потом рассказывали, что через черный ход все ходили туда-сюда. Но, кажется, помогать украинским военным едой и с выездом — для украинских активистов и стоять вместе с российскими военными блокировать части — для российских были единственными разумными действиями в творящемся хаосе. Позже, в августе, в Херсоне я познакомилась с дамами, местными активистками, которые возили из Херсона еду по военным частям, рассказывая на блокпостах, что едут отмечать девичьей компанией 8 марта. Двухчасовая поездка с военными в автобусе произвела на меня странный эффект. Я с детства терпеть не могу людей в форме. Мне непонятно, что может заставить нормального человека добровольно взять в руки оружие и погрузиться в эту атмосферу муштры и культуру убийства. А каждого мужчину, которому приходилось служить в армии, хочется обнять, пожалеть его внутреннего мальчика и просто стереть эти год или два его жизни. И тут вдруг на несколько часов я оказалась в окружении 50 (или сколько там мест в нормальном таком туристическом автобусе) человек, военных и их семей. На впечатлительную, хоть уже и не очень юную барышню, кажется, это оказало сильное влияние:

«Я ожидала увидеть озлобленность на русских военных, я ожидала увидеть обиду за предательство сослуживцев, которые остались в российской армии, я ожидала увидеть страх за свое будущее и будущее своих семей, я ожидала услышать обвинения украинских властей за то, что их не эвакуируют из Крыма, закрытость, настороженность: все, что угодно, но только не то, что я увидела.

Мой собеседник служил последние годы на корабле «Тернополь». А в Крыму с 1989 года.

Он рассказывает, как их корабль окружили, заблокировали выход в море, как он смотрел в объектив фотоаппарата на окруживших:

— Это же мальчишки, лет по 18, дети. автоматами, — показывает фотки. В словах нет никакой злобы, скорее нежность к этим детям. — Нам главнокомандующий Российским флотом сказал: если не сдадитесь, будем штурмовать. Мы готовились к штурму, оружие сдали сразу: стрелять не собирались. Сделали щиты из пожарных досок — смешно было — я у себя в «Одноклассниках» писал подробно — задраились. Кидали боевые гранаты рядом с кораблем, не в нас — но спать невозможно. Корабль качает... Сперва не штурмовали, а потом в один день взяли. Мы сидели, задраившись — потом приказ: все, всем на построение. Час на сборы. Все покидаем корабль.

Потом обсуждаем армию в целом. Мой собеседник против контрактной армии: это как брачный контракт. Нельзя любить по контракту. И служить по контракту нельзя. Армия же может убивать. Как можно убивать за деньги? Нужно служить обществу. Хорошо бы, чтобы был призыв. Но недолгий. Полгода — идеально, чтобы человек из жизни не выпадал. Ну и альтернативная служба должна быть обязательно. Не все же склонны к армии.

Вы представляете себе такой разговор с российским офицером?

От общих вопросов переходим к частным, к Крыму:

— Вас не обижали? Не нападали?

— Мне больно, что на моем родном корабле спустили флаги, подняли Андреевский. Я так уважал Андреевский флаг, но какое они имели право? Они что, нас в честном бою победили? Я понимаю, там всякие исторические разборки, но нашему кораблю 5 лет, он строился в Украине, а не в СССР. Они же себя унизили, а не нас.

— А много ваших перешило? Не едут с вами, остались?

— Около трети... Но я их понимаю: прощались со слезами на глазах: у них семьи, дети, родители, дома. Кто-то уволился, но не уехал, кто-то пошел служить в Россию.

Обсуждаем, какие вообще бывают армии:

— Мне очень нравится немецкая армия: у них альтернативная служба очень развита. Это разумно.

— С поляками дружим.

— И россияне — отменные вояки.

Его жену (сидит рядом) чуть не растерзала очередь в банкомат, когда она по-украински заговорила с родственниками по телефону, русские захватили их корабль, выгнали с корабля, и они снимали квартиры, ютились, где могли, украинские власти их не выводили столько времени. Их командующий флотом их предал (когда они еще могли выйти в море, отдал приказ стоять на месте, а потом заявил, что они переходят России, а выход уже был заблокирован). И сейчас они едут в неизвестность.

И ни злобы, ни ругани — одно человеческое и военное достоинство.

Примерно половина военных перешла на российскую сторону. Остальные остались верны присяге. Они собираются на континент. Где они будут дислоцироваться, где будут жить их семьи, пока непонятно. Часть выезжают. Из казарм их выселили. Те, у кого есть дома, живут дома, те, у кого есть деньги, снимают жилье. У многих проблемы, так как зарплату получали на карты, а банкоматы не работают. Кто-то живет в штабе, кто-то по гаражам. Выходят на дежурство охранять технику, так как с оставленной без присмотра сливают соляру.

Читая сейчас свои «репортажи» из Крыма, должна отметить, что именно с этих встреч с военными они стали обретать какую-то осмысленность и цельность. До этого все заметки хоть и казались мне связными и передающими реальность, выглядели обрывочными фразами, не только не отражающими обстановку, но и выдернутыми из контекста. В них были такие же хаос и каша, как и вокруг. А эти ребята своим существованием упорядочивали реальность. Тем самым заставив (пусть и только на три часа) влюбиться в себя даже такую упертую пацифистку, как я.

Конечно, довольно быстро я и думать забыла о военных, но мысли о том, как же так получилось, что люди, которые давали присягу одной стране, вдруг стали служить другой, нет-нет да и всплывали в голове. Почему-то очень трудно было принять тот факт, что военная служба воспринималась многими как обычная работа, не отличающаяся от работы продавца или преподавателя ВУЗа. А сакральность и значимость клятвы (присяги) обсуждалась только снаружи. Причём о предательстве родины переприсягнувшими военными и силовиками говорили с одинаковой степенью презрения как украинские активисты, так и казаки с участниками «Русской весны».

Кажется, встреча с военными непостижимым образом не только не приблизила меня к «моей войне», а наоборот — ненадолго создала иллюзию наличия мирной жизни, в которой война — удел профессионалов.

Однако этому ощущению оставалось жить недолго.

КАКАЯ ЖЕ ВОЙНА БЕЗ ГРАНИЦ?

В ЭТОЙ ГЛАВЕ Я В ПОИСКАХ ЯВНОЙ ВОЙНЫ ЕДУ
НА УСТАНОВЛЕННЫЙ БЛОКПОСТ МЕЖДУ КРЫМОМ И МАТЕРИКОВОЙ
УКРАИНОЙ, ВСТРЕЧАЮСЬ С ПОГРАНИЧНИКАМИ, МАЛЬЧИКАМИ
В БАЛАКЛАВАХ, ОРУЖИЕМ, ОКОПАМИ И БАРРИКАДАМИ.
УЖЕ СТРАШНО,
НО ВОЙНА ЛИ ЭТО?

Поездки в Крым, описания моих впечатлений и встреч в социальных сетях познакомили меня с ярчайшим явлением современности — онлайн-хейтерством. Люди, с которыми мы вместе наблюдали на выборах, кричали на митингах «Путин — вор», «Это наш город» и ездили на Марш миллионов через десятки постов на автобусе в Москву, вдруг начали писать мне, что я предательница, что я продалась, рассматривали мои фотографии, описывали длину носа и ширину задницы. Однажды мой друг в целях просвещения опубликовал мои заметки на популярном родительском форуме. Это была феерия. Там разобрали по косточкам не только мой внешний вид, моральный облик, какая я мать и как много у меня денег и откуда, но и публиковали фотографии моей семьи.

Вся эта вакханалия казалась игрой. Ну, такой — для взрослых. Казалось, что когда доходит до критической точки, всё остановится. Так или иначе. Впервые такое ощущение у меня возникло за пять лет до описываемых событий, когда поступали сводки о состоянии здоровья Сергея Магнитского. Где-то в глубине души оставалась вера, что если ситуация будет критической, то они остановятся. Что всё это такая игра для взрослых, но в играх не умирают, в играх бывает страшно, противно, но в последний момент тебя вытаскивают из игры. Но Магнитского не вытащили из «игры». В 2009 году от этого сильно кольнуло, но было так много частной жизни: дети, бизнес, ремонт... А в 2014 году война уже стала какой-то совсем реальной. Но война была где-то там. А тут — в Питере, Москве и даже сперва в Крыму — это ощущение игровой ситуации вдруг поразило своей силой. Жизнь разделилась на две реальности, как у военных: учебная задача и боевая.

Тогда ещё между этими двумя реальностями была физическая граница. Из Крыма я осторожно приблизилась к этой границе в первый раз в апреле 2014 года, поехав на блокпост, который в то время изображал границу между Крымом и материковой Украиной.

Среди моих новых знакомых (встреченных в Крыму) оказался человек, который давно и много работал монитором в составе самых разных миссий в горячих точках. Он радостно таскал меня по секундам и показывал хорошие кафе в Сим-

ферополе. Это был мужчина почти вдвое меня старше, из среды тех самых — Настоящих. Рядом с ним я чувствовала себя наивной маленькой девочкой. Мы договорились встретиться вечером после моей поездки в Севастополь для записи интервью с тем военным, которого похитили. Но поздно вечером на темном автовокзале Севастополя в ожидании автобуса так заманчиво светилась табличка «На Одессу», а между нами с Одессой был такой загадочный «блокпост». Слово из какого-то другого лексикона, никак не вяжущееся с кафе вокруг и людьми, суесящимися на вокзале. Я купила билет и позвонила новому знакомому: «Прости, я сегодня не приеду. Съезжу в Одессу, посмотрю на блокпост. Вернусь через пару дней». Я ожидала попыток отговорить ненормальную девицу от идиотской идеи, попыток объяснить риски, предложения составить мне компанию — чего угодно. Но только не этого: «Хорошо. Вернешься — позвони». Я себе казалась такой храброй, а поступок таким безрассудным (одной в ночь ехать на какой-то там блокпост, хрен знает зачем), что отсутствие даже попыток меня остановить как-то обескураживало. Через несколько месяцев мы встретились на одной правозащитной вечеринке. И (уже изрядно выпив) я спросила почему. Он ответил непонятное: **«Есть только две модели поведения в опасных местах. Часть моих коллег старается нести ответственность за каждое решение каждого человека. Это разрушает. Я для себя решил никогда никого не отговаривать. Есть только два способа. И это твой выбор, как действовать»**. Много всего должно было произойти для того, чтобы я поняла, о чём он. Но всё это было позже. А пока автобус вёз меня к границе.

Автобус через несколько минут после Армянска остановился. «С паспортами на выход!!» Все выходят. На улице два десятка мужиков с автоматами и масками, закрывающими лица. В камуфляже. Как водится, без опознавательных знаков. «Сперва женщин!!» Кто это? Почему они нас проверяют? Смотрят паспорта. Именно что смотрят. Ни фотки не сверяют, ни даты не проверяют. Ничего. Видимо, чисто полюбоваться. Может, не видели их раньше? Женщин пускают обратно в автобус, по которому ходит мужик с автоматом. Тоже в маске. Мужчин на улице досматривают. Обошлось без эксцессов. Впустили. Поехали. Посты переложены бар-

рикадами из мешков (наверное, с песком) и бетонных блоков. Народ не понимает. Вокруг были расставлены палатки, в которых и ночевали эти приятные молодые люди в масках. До украинского поста ехать минут 10. Меня сняли с автобуса. Пограничники (а на украинской стороне была настоящая прикордонна служба, без масок, в форме, с погонами) сказали, что в Украину мне никак нельзя, потому что въезд в украинский Крым без отметки в паспорте — это нарушение государственной границы и пропустить меня они никак не могут. И что такое решение было принято только три дня как.

Ребята были очень милы и доброжелательны. Посидела с ними час или полтора, пока автобус в обратную сторону не поехал, в который они меня и посадили. Кстати, водители автобусов отнеслись с пониманием. За дорогу «туда» деньги вернули, а «обратно» — не взяли.

Записи из моих дневников, опубликованных в соцсетях.

Разговоры в автобусе на крымском блокпосту (разные люди):

- Что это за мальчики в масках?
- Кубанские казаки.
- Так и хочется спросить: «А твой паспорт где? Ты кто?»

Автоматчик в маске, обращаясь к женщине с ребенком:

- Ваш паспорт.
- Вот (дает паспорт).
- А ребёнок?
- Это моя дочь (и сидит дальше).
- А документы ее есть?
- Конечно (и дальше сидит).

На какой-то момент мне показалось, что он так дальше и пойдёт. Нет, вернулся, посмотрел документы ребёнка.

Разговоры в домике украинских пограничников.

Один из пограничников:

— Я же говорил, что надо было купить флаг Веселого Роджера, чтобы объяснять, кто мы.

Другой пограничник:

— Я больше в автобус не пойду. Невозможно объяснять, зачем это тут.

Снова первый:

— Главное — людьми оставаться, и все будет хорошо. Ещё бы там, наверху, так же жили бы, может, и мы бы тут не стояли.

Вступает третий:

— В Крыму отключили все украинские каналы, в Украине — российские. Я только СТС и ТНТ смотрел. Теперь вообще не смотрю.

Девушка, представившаяся крымской татаркой, вступает в разговор (приехала на автобусе, пришла оформляться сама, чтобы паспорт свой из виду не упускать):

— Ну, как это можно: жили в Крыму, как теперь в один день проснулись в России, все книги домовые, все документы все номера — всё менять. Я-то уеду, а родители говорят: «Вернулись на родину, здесь и умрем».

Заходит крымская бабушка с российским паспортом. Пограничники не могут понять, как ее пустить.

Девушка, осуждающе глядя на бабушку, продолжает:

— Как можно жить без украинского вида на жительство в Крыму?..

Пограницы:

— Ну, все же люди понимают, что это маразм. Вчера ещё россиян пускали, сегодня уже нет. Что завтра будет — не знаем.

Пытаюсь поговорить:

— А на том посту плохие дяденьки, не такие хорошие, как вы, в масках.

Ребята (пограницы) ржут (они вообще много смеются и шутят):

— Зелёные человечки.

Девушка:

— Их же должны были убрать.

Пограницы:

— Они беспределят. Ехал журналист из Америки, из автобуса вытащили, камеру на землю, по камере автоматом.

— Да иностранцам депорт в грудную клетку.

Добрые ребята такие. Конфетами угостили, на автобус посадили, чаю налили.

Странное ощущение на этой новоявленной границе. Вроде вот они явные признаки: окопы, балаклавы, страшные истории, ночь, страх, а стоишь там — как будто в фильме. Всё мирно. Все шутки шутят, урожай обсуждают, бурчат. Просто в любой момент ты можешь оказаться американским журналистом. И тебя побьют и расхреначат камеру. А потом можешь показаться «бандеровцем» и вовсе пропасть навсегда. А автобус поедет дальше. И, возможно, даже до остановки в Херсоне смолкнут разговоры, станет тихо. И каждый будет думать о своём. А потом проснется ребенок на заднем сиденье, попросит почитать книжку вслух... И опять — жизнь, картошка не копана, и цены высокие...

НА СЛАБО

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я НАХОЖУ ВОЙНУ ТАМ, ГДЕ ЕЁ УЖЕ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ БЫЛО
НЕ НАЙТИ — НА ДОНБАССЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНО СТАЛКИВАЮСЬ С
ТИПИЧНЫМ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ ПОНИМАНИЕМ ВОЙНЫ В
ОНЛАЙНЕ. УВИДЕВ, НАКОНЕЦ, ВОЙНУ, Я ПОНИМАЮ,
ЧТО ЭТА КОНКРЕТНАЯ ВОЙНА НЕ МОЯ,
И ВОЗВРАЩАЮСЬ В КРЫМ

Подвиг не удался. К утру уже была обратно в Симферополе. Но Стикс, на другом берегу которого была война, будто притягивал своими темными водами, и когда среди бесконечных обвинений в том, что я объедаюсь госдеповскими печеньками, кто-то сказал, что «хорошо ей кататься по безопасному Крыму, попробовала бы на Донбасс съездить», я купила билет. Я продолжала играть. Российский паспорт и московский акцент казались оберегом среди захваченных зданий, баррикад, блокпостов, бесконечных ориентировок на вида «Вася — враг народа» и пьяных чуваков с автоматами на улицах. Я сняла номер в отеле, пила капучино в кафе на площади — в 200 метрах от баррикад и мальчиков с автоматами в балаклавах.

Механизм «освоения территории» не изменился от перемены места нахождения тушки в пространстве: попросила контактов знакомых правозащитников и пошла общаться. Теплый темный вечер, кафе, центр города, мы сидели с девушкой из Донецка, которая работала в тот момент в миссии ООН. Она рассказывала мне про похищенных и убитых украинских активистов и политиков, про захваченные здания и людей, которые ищут своих родных, про жизнь и правозащиту «до», я ей, наверное, про жизнь в Крыму — не помню точно. Мы долго болтали. Её жизнь «до» — была моей жизнью в настоящем. Пили кофе, потом гуляли по уже почти ночному Донецку. А на прощание она меня спросила: «А ты-то как? Чувствуешь себя тут в безопасности?» Я пожала плечами. Как говорится, светили звезды, дул теплый ветерок.

Пока мы разговаривали, Вконтакте насыпалось много свежих сообщений. Пока шла до гостиницы, прочитала все:

- *Конченная!*
- *Я тебя прочитал — ты провокатор.*
- *По ебалу получить хочешь?*
- *Мадам, вас ищет весь донецк. Пообщаться.*
- *Пару часов назад одна из главных организаций сепаратистов объявила Вас провокатором.*
- *Вас взяли в разработку. Будьте осторожны.*
- *Страница отсканирована и отправлена в соответствующие органы.*
- *Ты сука мразь.*

Сотни сообщений — с предупреждениями от доброжелателей и угрозами с оскорблениями от... кто знает от кого. Это сеть. Здесь не знаешь, кто враг, а кто друг. Кто правда хочет помочь, а кто так угрожает.

Тот номер в отеле я помню, как сейчас. Скошенная крыша, зеленый ковер в коридоре и балкончик для курения в самом его конце. Чтобы покурить, надо выйти из номера, пройти тридцать шагов. А потом — обратно. По крыше, в окно которой по законам жанра начал стучаться дождь. С той ночи я ненавижу полумрак. Особенно в гостиницах.

«*Запомните эту мадам. Она не просто диванный предатель, а реальный враг, работающая провокатором и агентом хунты. Жителям Донбасса особое внимание, хотя что-то мне подсказывает, что мадам может потеряться в степи. Её, конечно, будут искать и... не найдут*».

Это текст сообщения, облетевшего вместе с моей фотографией половину интернета, пока я разговаривала с коллегой и искала ответ на вопрос, насколько в безопасности чувствую я себя в Донецке. Это сообщение стало порталом из мира игры в «мою войну». Это сообщение прилетело из мирного Питера. Потом долго обсуждали, кто написал донос. Была максимально вероятная версия про питерскую активистку, с которой мы были лично знакомы. Но как бы там ни было: кто-то из центра Петербурга сел и написал этот текст. Туда, где цена такого текста — жизнь. Туда, где нет игр, где нет кнопочки «save», а есть только «delete».

Я только приехала. В планах было добраться до наполовину захваченного Краматорска, в котором ещё оставались знакомые активисты, семья нового друга из Крыма и полностью захваченный Славянск, про который хотелось хотя бы выяснить, как в нём ставится ударение.

Говорят, что листовки с этим текстом и фотографией висели на блокпостах среди десятков других. Но это было потом. А в тот момент надо было решать. Сложно сделать только первый шаг. Потом у тебя нет выбора. Ты просто идешь по дороге. Моим первым шагом было вспомнить, что на эту тему говорили старшие товарищи. Вряд ли разумно было использовать диссидентские методы общения с КГБ в условиях войны, но никакого другого инструментария у меня под ру-

кой не было. Первое правило гласит: если происходит любой контакт с угрожающей стороной — сделай его публичным. Я позвонила мужу. Мы с ним написали задорный комментарий к доносу и опубликовали его. Это вызвало новый сетевой всплеск, но это была уже дорога. Первый шаг был сделан.

«Саша! что происходит?!» — от питерских активистов.

«Этого следовало ожидать, потому что нехуй писать путевые заметки до того, как вернулась», — от Настоящих Правозащитников.

«Возвращайся срочно. Там тебя никто не защитит», — от друзей.

«Ты офигела такое публиковать. Твои бабушки же читают», — от родных.

Были, конечно, и те, кто продолжал быть «на том берегу», комментировал, что зря они в донос не вставили номер Яндекс-кошелька, и отмечали, что этим доносом они меня распиарили.

Наверное, если бы я была не одна, если бы я была старше и умнее, я бы взяла билет на самолет, поехала бы в пока ещё целый аэропорт и вернулась. Но я была совершенно одна. Принимать решения могла только за себя. И была достаточно ненормальной, чтобы уязвленное самолюбие от «испугалась и сбежала» ценить выше, чем риски. И я села в автобус в Краматорск. Для меня всё закончилось хорошо. Краматорские активисты не пустили меня в Славянск. Но рассказали, куда ставить ударение (очень уж много было споров на тему: Сла́вянск или Славы́нск) и многое из того, что там происходит.

Мне не хочется писать подробно о поездках на Донбасс. Там были свои репортажи, новые знакомства и много-много разного: ещё пара поездок на Донбасс, таксисты, возившие по городу с экскурсией по обстрелам, разбомбленный аэропорт, состоявшиеся и не состоявшиеся встречи, большая поездка по Украине, Одесса через неделю после трагедии в Доме профсоюзов. Но эта книга — про Крым. И Донбасс тут только остановка в пути. Только способ понять, что войну можно найти не только погибшими друзьями, обстрелами и разорвавшимися бомбами — всё это случится со мной позже и по большей части останется за страницами книги. Иногда война входит в тебя за одну вполне мирную ночь посреди ещё целого Донецка в маленьком номере гостиницы под стеклянной крышей, по которой стучит дождь.

Самое противное, что вот так оно везде и всегда: война. Одна за другой, политические убийства, политический интерес, который превыше всего. Где-то больше, где-то меньше. Где-то только «для чужих», где-то для всех. Где-то за деньги, где-то за власть. Где-то тайно, где-то открыто, где-то маскируется законом, а где-то национальными интересами.

И ведь точно можно это развидеть. Ведь в целом — дороги стали лучше, чем двадцать лет назад, пенсии больше, детские площадки удобнее, шприцы одноразовые во всех медицинских учреждениях.

Но я уже не помню, как не открывать вместе с глазами ленту ФБ, как рассматривать фотки одноклассниц и их детей, а не пытаться понять, куда мы еще сбросили бомбу и зачем. Не помню, как разговаривать не о пытках, войнах, коррупции и выборах дольше двадцати минут.

Это же не значит, что остальные ничего не понимают. Это просто разные слои. И, выйдя из одного, совершенно невозможно вернуться в другой.

Такими словами (написанными в Фейсбуке) война вошла внутрь меня и поселилась там, стерев все физические границы с «миром». Оставалось теперь «всего лишь» сохранить себя, сочувствие к людям и найти хотя бы немного объективности. Чёрт его знает, в какой момент... — возможно, после сообщения друга: «Ты там сообщай, что видишь, чтобы другие могли проверить», — или после того, как знакомая не смогла выйти из дома, чтобы встретиться со мной в Донецке, видимо, опасаясь провокации. А может, после встречи со старой знакомой профессиональной журналисткой на пустом автовокзале Донецка 29 мая 2014 года — не знаю точно в какой, но вдруг ясно понимаешь, что твоя война не там, где горячее и страшнее, а там, где ты нужнее. На Донбассе работало (и работает) много профессионалов. Международные, украинские и российские организации. Которые знали, что делать, знали как. И делали. А в Крыму, в котором сложно и страшно, в который не попасть международным миссиям, потому что хрен поймёт, с какой страной согласовывать свой визит, там, где ждали друзья, где надо было искать новые формы работы, искать язык, на котором можно говорить про него. И прорывать пелену молчания, которая неумолимо затягивала полуостров.

Я вернулась в Крым.

РАЗРЫВ СВЯЗЕЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, МАРТ 2016 Г.

ИЗБАВИВШИСЬ ОТ НЕОБХОДИМОСТИ ПОИСКА ВОЙНЫ, Я СМОТРЮ НА ПРОИСХОДЯЩЕЕ В КРЫМУ БОЛЕЕ ЯСНО. ПРОПАДАЮТ ОПОРЫ, НИКТО НЕ ПОНИМАЕТ ПРАВИЛ ИГРЫ, ИСЧЕЗАЮТ ГРАНИЦЫ РЕАЛЬНОСТИ. ЖИТЕЛИ ПОЛУОСТРОВА ПЫТАЮТСЯ ОСОЗНАТЬ ЦЕННОСТЬ ЗАКОНА. ОДНОВРЕМЕННО В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ НАЧИНАЮТСЯ ПОХИЩЕНИЯ И УБИЙСТВА, ЗАВОДЯТСЯ ПЕРВЫЕ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА, А ЕЩЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ БЕЖЕНЦЫ С ДОНБАССА

Чего бы ни ожидали разные жители полуострова в феврале — марте 2014 года, все оказались совершенно в другой реальности. Из России приехали тысячи «интеграторов» в самых разных областях: учителя, чиновники, врачи, юристы и, конечно, силовики. Самых разных ведомств, видов и форм. Стыдно признаваться, но, посланные российской властью, они выполняли поставленную задачу: поделиться знаниями, как жить в России. Правда, как обычно, что-то пошло не так. Например, присланные работники паспортных столов, которые за три месяца должны были обучить местных выдавать российские паспорта, из-за диких очередей вынуждены были садиться и эти паспорта выдавать сами, потому что «быстрее же самим сделать». А очереди, действительно, были дикие — люди стояли в них сутками, падали в обмороки и уезжали в больницы. Мифы о том, что будет с теми, кто паспорт не получит — уволят, не примут в больницы, посадят, депортируют и черт знает, что ещё, — множились). И когда — три месяца спустя — их командировки закончились, крымские сотрудники паспортных столов остались один на один с бланками и базами, тут-то и началась настоящая жопа. Не только резко упала скорость выдачи паспортов, но и появилось большое количество ошибок. Ошибки в выданных паспортах тянули за собой сложности в оформлении собственности и других документов.

До конца 2014 года Крым находился в состоянии «неопределённой правовой реальности». Так бывает, когда принимаешь решение, но не просчитываешь всех последствий. Конечно, если решаешь построить дом, не подумав, что для этого надо перевести землю в другой статус, сконструировать водопровод и канализацию, то это только твои проблемы. Но и твоей семьи, возможно. А если такое решение принимает государство, то вся жизнь идёт, извините, по пизде. Удивительно, как много вещей мы воспринимаем само собой разумеющимися и как сильно они влияют на нашу жизнь.

Государство принимает закон, по которому «все жители Крыма автоматически считаются гражданами России». А как быть тем, у кого не было «прописки»? Кто не оформил брак? Или имел вид на жительство в Украине? Как быть заключенным и беженцам? Кто будет принимать решения за сирот? Куда деваться тем, кто работал в Крыму как приглашенный

иностранный специалист? Что будет с филиалами украинских вузов? Общеукраинскими (а не местными) научными учреждениями? Куда девать всех тех людей, чье существование запрещено в России (например, наркозависимые на заместительной терапии, Свидетели Иеговы или члены Хизб ут-Тахрир)? Вопросы сыпались намного быстрее, чем решались кем-либо.

5 августа 2014 года, в один день, в Крыму прекратили работать украинские операторы сотовой связи. Да, конечно, на каждом углу можно было купить сим-карту Краснодарского МТС, который работал в Крыму без роуминга. Но для Крыма это была огромная катастрофа: были разрушены тысячи связей между людьми. Потеряны контакты одноклассников и дальних родственников. Особенно тяжело отключение сотовой связи далось пожилым людям в небольших населенных пунктах: тем, кто не пользовался интернетом и жил вне оффлайн-мест встречи. Для многих телефонная книжка в мобильнике была единственным способом связи с миром.

А параллельно с этим, как будто в другом мире — пока я каталась по донецкам с киевами, в Крыму 10 мая был арестован Олег Сенцов. Он стал первым знакомым лично человеком, которого арестовали. Это очень странное по новостям ощущение (потом привыкаешь). Вот ещё два месяца назад сидели, разговаривали. А теперь обвинение, грозящее длительными сроками. Ещё 3 марта был похищен, а затем найден убитым со следами жестоких пыток активист Решат Аметов, который вышел на площадь Симферополя с украинским флагом. 15 марта пропал и никогда не был найден активист Евромайдана Василий Черныш. В конце мая один за другим похищены и тоже никогда не найдены активисты инициативы «Украинский народный дом» Тимур Шаймарданов и Сейран Зинетдинов. Свидетели тех похищений (где они были найдены) сообщают, что в них участвовали непонятные люди в форме или камуфляже без опознавательных знаков.

Странное продолжение Донбасса настигло меня в Крыму: Крым принимал беженцев из всё нагревающейся зоны. Они были везде: в информационном пространстве спорили, настоящие ли это беженцы или богатые люди, приехавшие на хороших машинах под видом беженцев и заполонившие Крым. Обсуждались раненые сепаратисты, лечившиеся в санаториях

Крыма, где им жить, куда ехать, оставят ли их в Крыму или отправят жить по дальним регионам России. А через 4 года, летом 2018, я поговорила с крымской активисткой, которая рассказала, как они помогали беженцам. Кажется, эта помощь оказала очень важное влияние на консолидацию активистов, которые не были активно против аннексии Крыма. Рассказ Ольги, Симферопольской активистки:

«Мы, когда началась война на Донбассе, в мае 2014 года, когда начали бомбить Славянск, Краматорск, к нам побежали люди, начали звонить. Мы первые дни сами расселяли, потом, опять же, подключилась власть, комиссию создали. А сперва люди находили нас через социальные сети. Мы десятками, сотнями, тысячами расселяли. Все подключились. У меня была тетрадка, кто готов сколько принять: частные гостиницы, люди в свои дома...

Нас много было. Мы вынесли на своих плечах беженцев.

Помню, как сейчас. Мне звонят и говорят: едет автобус с мамочками с детьми, вывозят ополченцы своих из Славянска (или откуда-то), надо их где-то расселять. Я дала это объявление в Фейсбуке, и началось. У меня в день было по 900 неотвеченных вызовов. Всё время параллельно кто-то звонил.

Уже, наверное, через месяц правительство сформировало этот пункт возле «Артека» в Симферополе, где принимали уже более централизованно.

Конечно, были те, кто тупо не из Луганска и Донецка, а со всех поехали регионов. Были те, кто хотели только у моря, но были действительно те, кто пострадал.

Когда пункт распределения появился, то сперва всех туда, а потом уже рассредотачивали и кого-то, кто хотел, вывозили. У меня есть одна женщина, она мне иногда звонит, пишет, в Южно-Сахалинске. И чем закончилось — ей дали договор на квартиру в Южно-Сахалинске, где было землетрясение, — их туда выселили, где какие-то многоэтажные дома остались пустыми. Вроде, как она говорит, не аварийные, но люди уехали после того землетрясения. Она работает учителем в школе. Но договор дали соцнайма до 21-го года. Я говорю: а потом что? — А потом, нам сказали, вы обратно уедете. То есть они с ними не планируют продлевать [договор].

Им сразу дали паспорта. Есть те, кто вернулись обратно, у нас здесь живут. Мы же их расселяли временно, а потом власть начала их самолетами МЧС транспортировать в разные регионы. Видимо, давали заявки, говорили: сегодня в Южно-Сахалинск, туда, туда. Но часть людей осталась здесь, они не собирались никуда уезжать.

Некоторые говорили: мы не хотим, да. Многие до сих пор то туда, то сюда ездят, в Донецк-Луганск, у кого-то родственники. Многие получили паспорта разными путями.

Осознание себя в войне оказало на меня странное влияние. Казалось бы, логично отделить страшное от «незначительного», заниматься страшным и отложить остальное до мирной жизни. Но почему-то у меня, наоборот, всё собралось наконец в единую картину. Похищенные, погибшие, посаженные, лишённые работы и опоры люди, выжженное общественное и гражданское поле, уничтоженные СМИ — всё как-то вдруг оказалось единой реальностью. И с этой реальностью надо было что-то делать.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я ПЫТАЮСЬ ПРИДУМАТЬ СЕБЕ ЗАНЯТИЕ В КРЫМУ
И В ИТОГЕ НАХОЖУ СОРАТНИКОВ
И ДЕЛО

Оглядываясь назад, надо признать, я совершенно не воспринимала себя гражданкой страны-агрессора. Не рефлексировала это и не переживала. И даже сама идея «помочь людям выживать в российской действительности» плохо коррелировала в моей голове с чиновниками и ГОНГО (государством организованные негосударственные организации), призванными «как можно скорее интегрировать Крым в Россию». Единственное, что я на тот момент понимала, что жизненно важно рассказывать обо всём, что тут происходит, как можно большему количеству людей. Запрос на помощь внутри Крыма был настолько очевиден, что даже не подвергался сомнению. И ни одного вопроса о том, какое право я имею тут находиться, не вставало.

После второй или третьей поездки стало понятно, что одна я не справлюсь. За моей спиной — где-то там, в реальности Настоящих Правозащитников был многолетний разнообразный опыт полевой работы: общественные расследования похищенных, документирование нарушений прав человека, адвокация этих нарушений. Я уж не говорю про защиту политических заключенных. Но все эти странные слова: «общественное расследование», «адвокация», «документирование» — профессиональный сленг, которым я не только не владела, но и слышала-то только краем уха. Но что-то надо было делать...

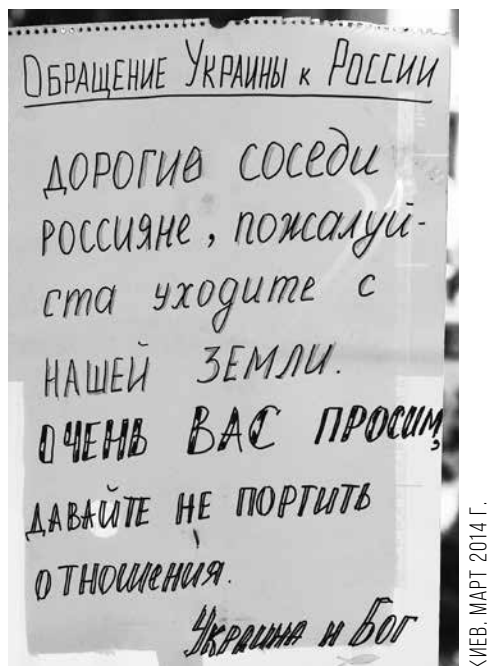
Я уже готова была искать единомышленников среди активистов в Питере, чтобы ездить по очереди и вместе изобретать велосипед, как совершенно неожиданно встретила Крымскую полевую миссию (КПМ). Миссия состояла в основном из людей, так или иначе связанных с Молодежным правозащитным движением. Они знали, работали и дружили с самыми разными общественниками, правозащитниками и активистами из Украины, Беларуси и других стран. Это была не первая их миссия вне России. И у них была Идея. Идея была настолько проста и хороша, настолько разумно отвечала на те вопросы, которые я даже не пыталась себе задавать, что я была счастлива присоединиться. Основанная концепция была в том, что если уж мы пытаемся оперировать правами человека на аннексированной территории и если без российских правозащитников тут не обойтись, то делать это надо совместными усилиями с

украинскими коллегами. Сейчас это звучит очевидным и простым решением, но до встречи с КПМ даже мысль подобная в голове не мелькала.

В общем, так или иначе концепция КПМ была мною принята без рефлексии и сомнений. Я пыталась собрать свои самые разные мысли и сомнения следующих двух лет, но их было на редкость мало. Вернее, почти все они вертелись вокруг совсем других сфер: взаимодействий с коллегами в Украине, России и мире, взаимопроникновение репрессивных практик между Крымом и Россией — чего угодно, только не конкретных событий, которые происходили на моих глазах в Крыму. Может, конечно, я слегка утрирую. Но с этого момента у меня появилась задача: сбор и документирование нарушений прав человека в Крыму и организация полевой работы Крымской полевой миссии.

Поэтому и логика дальнейшего рассказа будет связана с **типами прав человека** и их нарушений. Это не обзоры. Последние можно почитать на сайте Инициативной группы по правам человека в Крыму. Это некое обобщение и описание ситуации с каждым конкретным правом в целом, как это видится изнутри и снаружи. Я не претендую на объективное исследование. Это по-прежнему я и моё восприятие.

НАД СХВАТКОЙ: МОНИТОРИНГ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я РАССКАЗЫВАЮ ПРОСТЫМ ЯЗЫКОМ
О НАРУШЕНИЯХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ПОЛУОСТРОВЕ
И ЧТО ЭТО ОЗНАЧАЕТ ДЛЯ ЖИЗНИ КОНКРЕТНЫХ ЛЮДЕЙ

Социальные права

Надо сказать, что социальными правами мы в рамках работы КПМ никогда специально не занимались. Так же, как и правом на защиту собственности, и очень много чем другим. Я даже сейчас не могу внятно ответить на вопрос почему. С одной стороны, в этом много «какие социальные права, когда война», с другой — попытки нащупать границы своего права работать на территории Крыма (что-то типа: фундаментальные права, жизнь, свобода — ок, а уже медицинское обеспечение, трудовые права и тому подобное — как-то не очень «ок»). С третьей стороны, думаю, где-то на подкорке угнездилась популярная в 2014 году идея, что российская власть захочет из Крыма сделать «образцово-показательный регион». Как-то все дружно согласились с тем, что Россия въехала в Крым на социальной повестке и поэтому с социальной сферой всё будет на высшем уровне. И не было ни сил, ни возможностей заниматься тем, где всё должно быть хорошо и без нас. Поэтому описание социальной реальности будет очень обрывочным, и даже с моей страстью к обобщениям и сообщениям всем своего ценного мнения здесь будут только обрывочные сведения и больше вопросов, чем ответов.

Но реальность (как обычно) оказалась куда разнообразней и сложнее и раздавила эти намерения властей, даже если они и были.

За год все крымские организации (бюджетные, коммерческие, некоммерческие — все), которые хотели продолжать работать на полуострове, должны были стать из украинских российскими, установить новые связи и научиться жить в новой реальности. Как превратить украинские организации в российские? Ёжику понятно: закрыть украинские и открыть российские. Что и было проделано быстро и почти без сбоев. А заодно предприимчивые работодатели избавились от всего, что считали «балластом»: беременных женщин (которых нельзя было уволить из функционирующего предприятия), женщин с детьми, тех, кто часто оказывался на больничном, но в остальном безукоризненно соблюдал трудовую дисциплину. Конечно, это не про все организации. Но так или иначе процесс был построен так, что избежать таких историй не удалось.

Отдельного упоминания достойно любимое российское развлечение — укрупнение. Это такой процесс, когда круглое объединяют с треугольным, параллельно уничтожая всё подряд. Один севастьяпольский ученый рассказывал, как они отстояли свой институт, в котором работали сотни людей, а его (институт) пытались присоединить к такому же в Краснодаре со штатом в 10 человек. Под руководством, само собой, краснодарским. С передачей всего оборудования, зданий и других активов. Но им повезло. Отстояли. Так повезло не всем. Театры, вузы, предприятия... Рассказывает Ольга — крымская активистка, которая и до 2014 года, и после занимается помощью тем, кому помощь больше всего нужна при любой власти:

«Я сначала думала: может, я работаю с такими категориями, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Но у нас уже все оказались в сложной жизненной ситуации, даже мало-мальский средний бизнес практически весь уничтожен. Те, кто торговали окнами — заказов ни у кого нет, платежеспособность населения снижена. Сейчас, я считаю, реальный кризис. Наше население, по факту, все обнищало в Крыму. Я не знаю, может, в России получше.

Этот потерял бизнес, тот — потерял работу. Это были уверенные в себе мужики, сегодня они никто. Они просто не востребованы с материка. Я не знаю почему. Например, у них был завод, а сейчас с материка тянут или более дешевое, или... Я не знаю. Либо у населения нет денег покупать, по большому счету, население стало нищим. За этот период пришло к тому, что меньше заявок, меньше закупок. Фиг поймешь, что случилось, непонятно. Видимо, нет платежеспособности. И люди уже не могут арендовать, платить те налоги, те же 30 тысяч в год в Пенсионный фонд — это вроде мало, но их надо заработать.

А вот Алексей и вовсе не активист, и не проукраинский, и не пророссийский — никакой:

«Теперь в Крыму нет ни коров — «Крыммолоко» закрыли, якобы здесь нет ни молока, ни садов, ни пшеницы, ни полей, ни хрена нет. Работает небольшой процент из того, что есть. Всегда Крым славился при Союзе твердыми сортами пшеницы, которая поставлялась только на экспорт, была чисто стратегическим продуктом. В прошлом году или

в этом году Аксенов заявляет о том, что нету посевных материалов для выращивания твердых сортов пшеницы. Хотя твердые сорта пшеницы не требуют большого полива и земельных ресурсов, что актуально в связи с тем, что отсутствует вода из канала.

В целом я существо обучаемое и довольно легко ко всему приспособляющееся. Не могу научиться я только одному: взаимодействию с советской властью. И постсоветской, и всякими другими. Как только надо взять в руки бумажку и отнести её в окошко — всё. Либо окошко закроется, либо дети бумажку зажуют, либо я на неё свой капучино поставлю. Чтобы избежать взаимодействия с государством, я могу пойти на всё: заработать денег, не болеть, выйти замуж — что угодно, лишь бы переложить эту почетную ответственность на кого-нибудь другого или избежать вовсе. Поэтому и в общественной деятельности всякую социальную сферу я на всякий случай не видела. А приехав в Крым со всем его «переходным периодом», с трудом могла представить, как люди, наладившие там, например, какой-то порядок в медицинской помощи, хождение в поликлинику и прочие жизненно необходимые процессы, вдруг вынуждены были изучать новые правила, разбираться с тем, как это устроено. Как оформить полис? Как называются привычные лекарства? Что теперь по рецептам? Что обязаны делать по страховке? А что в любом случае и без неё? И ладно бы только потребителям это всё надо было изучать. Но врачам же тоже? То есть те люди, которые должны оказывать услугу, не знают, как это устроено, и те люди, которые хотят получать услугу, — тоже не знают, как это устроено. И хотя такое было повсеместно в Крыму — во всех сферах государственного обслуживания, всё-таки в медицинской сфере цена существенно выше.

Такое положение (вполне логично, на мой взгляд) порождает массу «накладок», а из-за цены этих накладок в человеческую жизнь и здоровье они, в свою очередь, — большое количество страхов и слухов. Поначалу основная часть этих опасений была связана со страховкой. И нельзя сказать, что все они были необоснованными. Хотя и (как все слухи) слегка преувеличенными. Жители Крыма считали, что без страховки невозможно получить никакой помощи. А для того, чтобы оформить ОМС, нужно же сперва оформить паспорт. Всё это

занимает много времени. И всё было бы не так страшно, если бы так думали только пациенты. Хотя и это приводит к тому, что люди не обращаются за необходимой медицинской помощью. Но, к сожалению, так думали иногда и врачи. Это приводило и к отказам в принятии в больницах в экстренных случаях, и в сложностях со скорой помощью. Полностью все должны были сделать себе полисы не позднее 1 января 2015 года. Но, конечно, многие делали «по мере надобности». После того как устаканилась проблема с полисами и все разобрались в разнице между экстренной помощью при угрозе жизни и текущей медицинской помощью, основной проблемой стала бесконечная бюрократия.

Объяснения сложившейся ситуации у каждого свои. Например, тот же Дмитрий, активист «Русской весны», оценивает её так:

«Я считаю, во-первых, идет определенным образом саботаж, и саботаж вот этих вот бывших чиновников. Это касается и медицины, и других служб.

Я не понимаю почему, но мне медики жалуются. Говорят, что, когда мы вошли в состав России, надбавки были, и вроде как хорошо получалось. Сейчас все поурезали. Это не только в медицине, это во многих отраслях. То есть идет специальное, скажем так, занижение оплаты труда, для того чтобы настроить людей против России.

Ольга сталкивается с медициной и социальным обеспечением каждый день. При помощи детям-сиротам, пожилым людям и так далее:

«Все красиво показывают, но... Компьютерная томография, например, — через полгода. Нужно сейчас 60 тысяч, чтобы приехать на один день в «Генезис». Наша платная клиника «Генезис» (сегодня выяснила, что руководитель этой клиники живет в Киеве) — самая крутая, и все делается для нашего «Генезиса», чтобы он процветал. Им и квоты дают (хотя квот типа вечно у них нет), какие-то деньги. А весь хлам устанавливают в наших больницах. То есть кто-то курирует наверху, что частные клиники расцветают, все частное цветет, а в государственных наших... Пойдите вон в 7-ю горбольницу: некоторые отделения — это совсем ужас, там даже нет стойки лапароскопии. Где такое видно? Во всем мире мужские болезни разрезают и удаляют аденому уже лапароскопией, у нас тупо всех распахают,

вводят трубки старикам — и с катетерами до смерти ходи. Все только на бумаге. Надо потратить недели, чтобы выбить талоны, анализы.

А вот иллюстрация к рассказу о полисах и новых правилах оформления. Рассказывает девушка с маленьким ребенком с инвалидностью и немолодой мамой, которые требуют постоянного медицинского контроля и помощи.

«Чтобы попасть к своему педиатру, я должна простоять очередь в регистратуру — выписать талон, а потом простоять очередь к педиатру. У которого там толпа целая. Если с тобой, не дай бог, что-нибудь случилось по дороге — то есть ты упал или еще что-то и ты не имеешь при себе документов (страхового полиса, СНИЛС и так далее) — не факт, что тебе вообще окажут помощь, абсолютно не факт. Была у нас тут история. Упал человек. Погода какая-то была слякотная. Было, естественно, грязно. Его просто выкинули на порог в больнице. Пока мать не приехала, не привезла все документы, ему не оказывали помощь. Его первично осмотрели, потому что он даже не знал, что с ним. Предварительно поставили диагноз, но отправить его в операционную, начать какие-то процедуры до момента, пока мать не привезет остальные документы, они отказались. Это не потому, что врачи какие-то там уроды там и так далее, а потому что у них есть четкая указивка. Если они на шаг отступят от указивки, им грозят последствия.

По моим наблюдениям, крымчан российская бюрократия поразила в самых разных сферах. Но в медицине как-то особенно, потому что пришедшая бюрократия, бесконечные проверки и отсутствие опыта обхождения правил в совокупности со страхом перед проверяющими привели к резкому взлету цен на медицинские услуги в частном секторе и практически полному исчезновению альтернатив.

Право на защиту собственности

У меня никогда не было никакой собственности, кроме носильных вещей, бижутерии, рабочей техники и старенького доджа прошлого века, который всё больше стоял, всё меньше ездил, и его основная задача была выкачивать из меня налоги, дабы Саша случайно не забыла о существовании государства. Но почему-то из всех вопросов собственности меня больше

всего беспокоили банки. Как-то трудно себе представить, что со всей их безопасностью, бронированными сейфами, охранниками и включенностью в мировую финансовую систему можно просто так взять и отжать банки. В моей голове за каждый банк стоят гоблины из «Гарри Поттера», которые защищают ценности и золото. А тут — раз, и в один день вместо всех банков Украины в каждом отделении открылись банки Крыма. Типа российские. Но такие, каких в России никто отродясь не видел. Самые крупные и значимые кредитные учреждения: Сбербанк России, ВТБ, Альфа-Банк — в Крыму не работают и не собираются. На сегодняшний день в Крыму представлены только семь банков: РНКБ, ЧБРР, Генбанк, Крайинвестбанк, Банк России, Индустриальный сберегательный банк и Севастопольский морской банк.

РНКБ — самый крупный крымский банк. «На обслуживании находятся более 1,6 млн физических лиц и порядка 52 тыс. корпоративных клиентов», — сообщает нам Википедия, ссылаясь на корпоративный сайт банка. РНКБ — дочерний небольшой банк Банка Москвы, который вышел из акционеров в марте 2014 года (на всякий случай, видимо). Потом на год банк работал под контролем крымской власти. В 2015 году был передан (тут разные источники говорят о разном: то ли продан, то ли подарен никому неизвестному ООО «КЭР»). А в январе 2016 года 100% акций стали принадлежать Росимуществу (то есть государству). В результате всех этих пертурбаций РНКБ из маленькой дочки не самого большого российского банка оказался в топ-50 банков по объему ресурсов физических лиц (в 2018 году по результатам 2017 года оказался в топ-50 банков по объему ресурсов физических лиц). По факту, он заменил собой все отделения ПриватБанка в Крыму, просто въехав в их помещения, с их мебелью, компьютерами и сотрудниками.

25 апреля 2014 года крымчанам поприходили смс от МТС с номера 10060 с текстом: Dorogie klienty Kryma! Pomogite PrivatBanku vypolnit svoi obyazatelstva pered Vami. Podrobnее: pb.ua/krym. При переходе по ссылке было обращение:

«Дорогие клиенты Крыма!

Мы обращаемся к вам напрямую, чтобы честно объяснить свою позицию по той ситуации, которая сложилась с обслуживанием клиентов ПриватБанка в Крыму.

Шаг за шагом мы строили наши отношения с жителями

Крыма в течение 20 лет. Мы инвестировали огромные деньги, чтобы наши отделения, банкоматы и терминалы были на каждом углу, наши технологии были самыми удобными, а наши тарифы — самыми выгодными. А теперь всё это разрушается по воле руководства Российской Федерации.

3 марта наш акционер Игорь Коломойский дал оценку действиям Владимира Путина. Уже через два дня после этого (!) руководство России чуть не разрушило Москомприватбанк (дочерний банк ПриватБанка, который входил в топ-10 банков России по количеству карт), введя в него временную администрацию по надуманному предлогу. Таким образом нам дали понять, что не позволят больше нормально работать на территории России.

К большому сожалению, расстаться цивилизованно с нашими клиентами Крыма нам также не дают. Без содействия со стороны российской власти у нас нет возможности выплатить деньги вкладчикам Крыма, потому что эти деньги выданы крымским же клиентам в виде кредитов. Как только в Крыму начались волнения, практически все корпоративные и индивидуальные клиенты перестали выполнять свои обязательства по кредитам.

Если мы без содействия со стороны российских властей выплатим все свои обязательства, это поставит под угрозу не только работу банка, но и всю финансовую систему Украины. Мы возмущены высказываниями политиков, которые утверждают, что, не выплачивая свои обязательства в Крыму, ПриватБанк просто решил «нажиться» на крымской трагедии.

Поэтому мы просим каждого из Вас подписать петицию на имя Владимира Владимировича Путина с простыми и понятными требованиями.

Российские СМИ сообщали, что ПриватБанк просто сбежал из Крыма, уволив всех сотрудников и заблокировав все счета.

8 апреля 2014 года в Крыму был создан «Фонд защиты вкладчиков Крыма». Целью фонда была объявлена защита прав вкладчиков банков, прекративших работу на полуострове. Таких банков в списке оказалось 45 (по крайней мере столько я насчитала в списке, опубликованном на сайте Фонда). Технология обеспечения защиты прав была простой до невозможности: отобрать (национализировать) собственность у владель-

цев банков, «прекративших работу на полуострове». Продать эту собственность и вырученные деньги отдать вкладчикам. Самым крупным объектом национализации была собственность Коломойского. В этом списке нет, например, Сбербанка. А 10 января 2019 года в прессе прошла информация о том, что жители Крыма не могут получить компенсации вкладов в украинском Сбербанке. И даже механизмов нет.

Трудно себе представить, чтобы национализация прошла без нарушения чьих-нибудь прав. Возможно, именно поэтому национализацией занимались не власти, а сформированные в «Русскую весну» отряды Самообороны.

У каждого человека есть история про вклады или кредиты. Если не про себя, то про родственников, друзей или знакомых. Во многом отношение к вкладам и кредитам зависело даже не от взглядов, а от возраста и образа жизни. Азиму 37 было на момент нашего разговора в 2015 году. Он потерял работу и подрабатывал извозом:

«Кредит был. Ну там 4000 гривен было. Там и остался. Я как бы готов его выплатить, но я думаю, что это же форс-мажор, и там не будет считаться пеня такая. Я не думаю, что Коломойский настолько охренел. Никогда никто не пытался с тебя этот кредит получить. А так — я уже забыл, что можно было заплатить за интернет, не выходя из дома, можно было пополнить себе счет, не выходя из дома, можно было купить себе какую-то вещь, не выходя из дома. Я уже забыл. У меня никаких кредитных сейчас карточек нет. Ну и не будет.

У Веры, молодой преподавательницы техникума, кредитов не было. Но было немного денег на карточке.

«Я помню, как деньги снимала с украинского счета. У меня был зарплатный счет. В Симферополе в какой-то момент стали ограниченно выдавать деньги, а я откладывала на карту, чтобы не на руках было. Я помню, как бегала по городу и снимала, сняла все деньги, которые могла, успокоилась... А потом через какое-то время все карты заблокировали. Я купила евро, по-моему, тогда. Я в последний раз тогда покупала валюту. Сейчас мне не на что её купить, сейчас я живу на то, что получаю. В тот момент в городе была паника. Причем на улице Кирова было не снять (очереди, ограничения, мне ничего не выдали), я пошла на улицу

Пушкина — там стоит тихонечко банкомат, и туда врываются пара человек, и, как я, мы быстро все снимаем, все забираем. Все, что есть. Были ограничения на снятие наличных. По-моему, больше 2 тысяч не выдавали гривен.

У моей знакомой был потрясающий кредит. Она взяла из трех банков на 50 тысяч гривен. Причем девочка чуть младше меня, у нее не было постоянной работы, она взяла кредит. Это очень большие деньги. А потом: «Ну всё, тут теперь Россия», — и не платит. Ну а как платить? Нельзя же никак. Всё. Очень многие на это сдymiли. Они взяли, накупали машин дешевых, и все чудесно: с нас взятки гладки...

ПриватБанк очень жестко ругали, когда те всё заморозили. На каком-то щите (как из Ялты ехать, перед зданием нынешнего КФО) висел их главный плакат. Его расписали, что Приват — козлы козлом. Но это не за кредиты, а за счета. Сейчас, когда поднимается тема того, что надо эти кредиты платить... что их кто-то в России купит, и их придется отдавать, народ нервничает...»

Зрелые, семейные люди подходили к вопросу более основательно, основываясь на богатом жизненном опыте. У Дамиры — дочь младшая школьница и пожилая мать, а значит, много ответственности:

«В первые же дни мы сняли все деньги с карточек, с банковских. Я говорила: «Ничем хорошим это не закончится». А у моей бабушки трижды в государстве бывало: реформа 1961 года — ее тысячи превратились в копейки, потом еще что-то было, и в 1991 году Узбекистан украл все накопления. Там порядка 100 000 рублей было — то, что она откладывала, — все сгорело. Поэтому первое, что мы сделали весной 2014, я сказала: «Ма, бежим. Бежим, снимаем деньги и вообще ни копейки не оставляем». У нас был маленький кредит, мы его быстренько погасили. Потому что, если банки будут уходить, то... Потом это будет пеня... Я говорю: давайте лучше закроем эту тему. Мы закрыли, и буквально на следующий день банк закрылся. То есть мы закончили все эти перерасчеты, и тут же закрылся банк.

Кредиты, насколько я знаю, никто не платит и радуется этому. Я говорю: «Ну, ребят! Рано или поздно кредиторы договорятся. Они переведут ваши долги в какой-нибудь российский банк, и он с вас будет взимать. Дай бог, чтобы просто заплатили тело кредита, а если с пеней и про-

центами и так далее?» Но... Во-первых, нет возможности. Чтобы его заплатить, нужно сделать определенные телодвижения. Банки — украинские. Если люди поедут в Украину платить — то в Украине они не считаются резидентами. Тоже непонятно, как они там будут принимать.

Но кому-то и посчастливилось встретить людей, которые вернули взятые ранее кредиты. Марина работает в туристической фирме:

«У меня знакомый — он выплачивал, кстати. Он бытовую технику брал в кредит. Украинскому банку через Приват-Банковскую карточку как-то выплатил.

Я не знаю, какая мораль из всего этого. Единственное, о чем мне всё время думалось, — это то, насколько мы привыкаем к разным технологиям и начинаем их воспринимать как должное: вклады, покупки онлайн, переводы с карту на карту и многое другое, как легко всего этого лишиться и как много разных стратегий поведения при такого рода катаклизмах. В общем, всё — тлен.

Право на образование

В образовании проблемы подкрались с разных сторон. С одной стороны, то, с чем сталкиваются все преподаватели и студенты: изменение программ на всех уровнях образования, с другой — изменение самой системы образования, методик преподавания и администрирования образовательных учреждений. И, наконец, изменение самого статуса учебных заведений: например, признание дипломов работодателями, укрупнение вузов и прочие «организационные решения».

Так получилось, что об образовании говорят все. Даже больше, чем о ценах и о дорогах. Так получилось, что образование в нашей жизни — это выбор, который касается почти каждого. Дороги — они плохие или хорошие. Цены — высокие или низкие. Мы можем на них ругаться, пытаться избегать или принимать такими, какие они есть. А образование приходится выбирать. Самим себе, детям, внукам. Начальное, среднее, высшее, специальное, дополнительное — любое.

С образовательными программами, методиками и внутренней бюрократией случилось то же, что случилось с остальными профессиональными и бытовыми сферами: то, к чему в России шли очень медленно, внедряя одну бессмысленную бумажку за другой, меняя программы и загоняя всё, что можно и нельзя, в стандарты, — всё это в Крыму надо было провести в рекордно быстрые сроки, примерно за год. Не заметить идиотизма в такой ситуации невозможно. Это как если бы из моей любимой свободной экспериментальной старшей школы в середине 90-х, где на уроках обсуждали Сэлинджера с Голдингом, приправляя Берджессом, где как-то случайно забывали про «проблему маленького человека в литературе XIX века», но где успевали при этом сочинять стихи, писать рассказы, баллады и отличать ябмы от хоре-ев, — так вот если бы вдруг прямо оттуда учителей переместили в сегодняшнюю (даже очень продвинутую) школу с необходимостью вести «двойные программы», едиными учебниками и поурочным планированием — думаю, реакция была бы такая же. Вот впечатления Веры, преподавательницы техникума:

«Может быть, я глупый человек, может, я чего-то в этой жизни не понимаю, но реально вот нас сейчас собрали и сказали, что все программы, которые мы написали, это все фигня. Будут меняться федеральные, государственные все эти стандарты, и все это надо будет заново переписывать. Придумывают новые общие компетенции, профессиональные компетенции, надо будет им соответствовать. То есть опять все заново. Да итить-колотить!

Для себя решила, что если ситуация не урегулируется в плане там признания Крыма или еще каких-то телодвижений в отношении Крыма, то ребенок мой, я думаю, что поедет на материковую Украину высшее образование получить. Кто решается пройти эту процедуру от А до Я, поступить на материковой Украине — они это делают. Процедура трудная. Потому что, во-первых, нужно получить аттестат украинский. А ты знаешь, что нужно сдать, поехать несколько раз и так далее. Сейчас вроде как упрощают, ищут пути. Дистанционно ввели только с этого года [2016]. Вроде как-то решается, но присутствовать в каких-то моментах необходимо.

О том, что стратегия поехать учиться на материк Украины — не единственная стратегия для тех, кто понимает, что учиться в Крыму бесперспективно, говорит Дамира, крымскотатарская активистка.

«Люди все равно это пытаются. Другая есть категория граждан, которая понимает, что крымские дипломы абсолютно никому не интересны будут. Они на материковую Россию едут учиться.

Я много разговаривала со студентами. Самыми разными: разных вузов, разных взглядов. Это же их будущее. Вот Адиле, например, учится сразу в двух вузах на двух специальностях. Она говорит так:

«По «Work and travel» в Америку многие ездили, но я что-то поленилась — заявку подавать, что-то делать. Теперь жалею, потому что в прошлом году ребят не пустили. Вот. У меня подруга, Катюха, тоже одноклассница, — подала заявку, уже оплатила начальные взносы все эти, документы начала делать, и ей говорят: «Все ребята, простите». В этом году все пролетают, да. Америка не принимает, и Россия не выпускает. Как бы они обоюднo порешали и объединились.

Мария, учится на четвертом курсе:

«Про дипломы? Не знаю... Говорят, что он котируется только Крымом. Мы не знаем, будет ли он по всей материковой России действителен или нет. Мы учимся, чтобы потом отсюда никуда не уехать...»

В ВУЗах проблема не только в системе образования, но и в научных связях и развитии науки в целом. Дмитрий, преподаватель университета:

«Конечно, официально украинские ученые сюда не поедут. Крымские ученые не могут участвовать в украинских конференциях. Для этого нужно поехать в Украину, а проезд в Украину сейчас достаточно проблематичен.

Я знаю про археологов, у них были хорошие связи с археологами Великобритании и с Европой. Им сказали: коллеги, извините, но вы для нас больше не существуете, то есть вы лично существуете, но как официальная сторона... извините.

Украина совершила сначала большую ошибку: она создала препятствия для тех, кто хочет учиться в Украине. Сейчас там, наоборот, барьеры снимаются, создаются определенные условия для того, чтобы можно было вернуться. И самым выигрышным способом вернуть ситуацию в пользу Украины (если можно так выразиться) — это именно создать возможность для крымчан, для крымских абитуриентов получить как можно проще образование в Украине.

Наверное, для других регионов России это уже привычная система, бумажотворчество и бумажная работа увеличились в разы, кое-что зависит и от начальства, как оно сформулирует задачу. А если учесть, что зачастую руководствуются принципом, чтобы все было хорошо, чтобы к нам не было претензий, и поэтому надо, чтобы было все... чтобы никто никаких претензий не предъявил. И зачастую торжествует формальный принцип. Сделаем по какой-то схеме жесткой, просто потом выясняется, что никакой схемы жесткой нет, да и зря городили огород. Если раньше у меня то, что мы называли, УМКД (это рабочая программа, программа дисциплины, семинарские занятия, конспекты лекций) по предмету занимала 60 страниц все вместе, то сейчас у меня только рабочая программа занимает 60 страниц. А если все вместе собрать, то будет 150...

У учителей средней школы, в среднем образовании присылались специальные люди, были какие-то курсы повышения квалификации, хотя эти курсы повышения квалификации, как бы вам сказать... Видите ли, один из мифов насчет Крыма, которые распространяются в материковой России, что здесь был каменный век, что здесь было какое-то дикое пространство, без воды, без света, голодали, не знаю уж что... Но последние лет 10–15 у нас все развивалось очень динамично. По сути, в профессиональных моментах у нас не было никакого отставания от России.

Образование — это про будущее. Это про способность думать о будущем, строить планы и даже мечтать. В образовании больше всего чувствуется отрезанность от мира. Не бывает науки на «отдельно взятом полуострове» и даже в «отдельно взятой стране». А там, где нет развития науки — нет образования. И будущего нет.

Свобода передвижения

Никак мне было не подойти к этому разделу. Неделю открывала компьютер, закрывала, тупила в телефон, снова открывала и снова закрывала. Хотя казалось бы — что я знаю лучше, чем ситуацию с передвижениями в Крыму. Но понять про границы, сказать про границы — это как ответить на вопрос «чей Крым»: больно, неприятно и ребром. А потому я опять буду пытаться уйти от ответа. Сперва давайте расскажу о фактах на пальцах. Всякие нормативные документы легко найти в интернете. А также их обоснования и толкования. А я так — чисто обывательски.

До того как всё вдруг стало плохо (уж простите мне такую однозначную и личную оценку, но где ей ещё быть, как не в разделе про свободу передвижения), всякий, кто хотел поехать в Крым, делал это легко. С остальной Украиной Крым соединяло железнодорожное сообщение и сеть дорог. А аэропорт принимал рейсы не только из Киева, но и множество международных. В Турцию крымчане летали, как питерцы в Финляндию: близко, быстро и дешево. За покупками, погулять на выходные... Из российских городов тоже была масса рейсов. Особенно в сезон. Чтобы прилететь в Крым, людям с российским гражданством нужен был только загранпаспорт. А гражданам, например, Евросоюза — украинская виза. Не то чтобы система границ, виз и паспортов была мне идеологически близка, но так договорились люди и государства. Что же мы имеем с момента предсказуемого признания Украиной Крыма — временно оккупированной территорией (15 апреля 2014), а миром незаконности аннексирования Крыма Россией и действий России агрессией (2 июля 2014). Теперь самолеты в Крым летают только в/из России. И любое путешествие на этом самолете является нарушением государственной границы Украины. И как следствие — законов Украины и международных. Что чертовски неприятно и чревато чисто бытовыми сложностями: внесением в санкционные списки, запретами на въезд в разные страны, а также некоторыми имиджевыми издержками. И если поначалу это были в основном теоретические риски, касавшиеся в основном публичных людей, которые громко и явно в поездке или по возвращении объявляли Крым частью России, то в 2017 году в пограничную службу Украины (судя по всему, никаких официальных дан-

ных об этом нет, по крайней мере в публичном пространстве, но практика намекает) стали поступать сведения от авиаперевозчиков, кто летал напрямую, нарушая государственную границу. А в октябре 2018 года была внесена статья 332-2 в Уголовный кодекс Украины:

«Пересечение государственной границы Украины с целью причинения вреда интересам государства или лицом, которому запрещен въезд на территорию Украины, или представителями подразделений вооруженных сил или других силовых ведомств государства-агрессора вне пунктов пропуска через государственную границу Украины или в пунктах пропуска через государственную границу Украины без соответствующих документов или с документами, содержащими недостоверные сведения, наказывается лишением свободы на срок до трех лет. При повторном нарушении или совершенные группой лиц — от трех до пяти лет лишения свободы.

Конечно, факт наличия «вреда интересам государства» надо доказывать. И понятие более чем расплывчатое. Но в целом это всё приводит к очень избирательному правоприменению.

При этом есть законный способ попадания в Крым. 4 июня 2015 года Постановлением Кабинета Министров Украины № 367 утвержден «Порядок въезда на временно оккупированную территорию Украины и выезда из нее», которым регламентированы особенности въезда на временно оккупированную территорию АР Крым (далее — ВОТ) и выезда из нее граждан Украины, иностранцев и лиц без гражданства. Этот порядок постоянно менялся и меняется. Но с 16 сентября 2015 года он требует двух вещей: 1) въезда в Крым через «официальные пункты пропуска», то есть, проще говоря, через материковую часть Украины и 2) получения специального разрешения для посещения Крыма. При этом получить такое разрешение могут не все. Его могут получить люди, имеющие ближайших родственников, собственность, могилы ближайших родственников или вид на жительство в Крыму, подтверждаемые документами, выданными Украиной, в случае смерти близких родственников, а также некоторые люди для осуществления своих профессиональных обязанностей по согласованию с профильными министерствами: журналисты (по согласованию с министерством информационной полити-

ки), религиозные деятели (по согласованию с Минкультом), дипломаты, члены международных НКО и правозащитники (по согласованию с МИД). Отдельным пунктом указано в качестве цели — необходимость принятия участия в мероприятиях Меджлиса крымскотатарского народа.

Я упустила, кажется, только работников железных дорог для выполнения их трудовой деятельности, потому что Крым это не касается. Ибо с 27 декабря 2014 года железнодорожное сообщение с материковой Украиной (а следовательно, и со всем внешним миром) было остановлено.

На практике весь этот порядок означал примерно следующее: если у человека есть частные причины ехать, то они просто приходят с подтверждающими документами в миграционную службу и получают там бумагу с фотографией и печатью, с которой (вместе с заграничным паспортом) можно ехать на административную границу с Крымом. Занимает это примерно 3 дня. Сроки тоже установились не сразу. Но на сегодняшний день они такие. Для осуществления же профессиональной деятельности, прежде чем идти в миграционную службу, нужно получить «ходатайство или согласование» профильного министерства. И именно эти согласования получались (по крайней мере в МИД) очень долго. Практически — украинские коллеги из правозащитной организации обращались в МИД, МИД в течение месяца (или столько, сколько хотел) делал согласование. Потом я приезжала в Киев, забирала это согласование, заполняла анкету, делала фотографии, нотариальный перевод паспорта и ехала в миграционную службу, сдавала документы и потом — не более чем через три дня получала на руки бумагу, позволяющую пересечь административную границу.

Украинские правозащитники постоянно внутри Украины и в мире говорили о сложности этого процесса. Нетрудно догадаться, что такая процедура не дает возможности экстренного реагирования. Ни адвокаты, ни журналисты не могли оперативно приезжать в Крым для помощи или освещения происходящих там событий. Но лично для меня эта процедура хоть и была сложной и дорогостоящей, была вполне подъемной, потому что такое разрешение можно было получить как визу — с многократным въездом на полгода или год. А поскольку ездила я постоянно, то разрешение у меня всегда было.

(Кстати, для сравнения, прямой самолёт Питер — Симферополь стоит около 4000 рублей и летит 3 часа. А после прекращения авиационного сообщения Украины с Россией поездка правильным путем (сперва самолётом до Минска, там пересадка — самолёт до Киева, на поезде до Херсона или Новоалексеевки, там на автобусе или маршрутке до границы, пешком через границу (автобусам и автомобилям больше 12 мест запрещено пересекать границу) и снова на автобусе или маршрутке до Симферополя) стоит минимум 12000 рублей и занимает полтора суток без учета получения разрешения).

Но 19 июля 2017 года в порядок въезда и выезда в Украине были внесены изменения. Там были какие-то позитивные изменения: определены сроки, например, изготовления разрешений, перевод «согласований и ходатайств» из профильных министерств в Министерство по вопросам временно оккупированных территорий и внутренне перемещённых лиц, что ускорило процесс получения согласований. Но среди прочего из пункта о получении разрешения на многократный въезд исчезли правозащитники и журналисты. То есть теперь разрешение можно было получить реально недели за две, но делать это надо было каждый раз, соответственно, регулярные миссии в Крым законным путем после этого стали абсолютно невозможны.

При этом и адвокаты, и правозащитники, и журналисты ездили в случае необходимости напрямую. Кроме меня вряд ли наберется больше полутора десятков журналистов и правозащитников, которые хотя бы один раз получали разрешение. Лично я знаю только двух российских журналистов, которые заезжали, «как положено», и работали в Крыму длинными заездами, и одну европейскую правозащитницу, которая ездила таким путем один или два раза.

Обсуждение сложностей заезда часто становились камнем преткновения (к сожалению, не единственным) в коммуникациях с украинскими коллегами. Конфликты хороших людей между собой — всегда тяжело. А в ситуации, когда российская часть зачастую считает: «Я против Путина. И считаю, что Крым — это Украина. И поэтому мне всё можно», а украинская часть после революции во много ассоциирует себя с украинским государством. И считает себя ответственной за действия украинской власти, с одной стороны, и способной на

эти действия влиять — с другой. И, как многое в крымской новейшей истории, этот конфликт является такой тяжелой точкой умолчания, приправленной мифологией, страхами и просто нежеланием разбираться в ситуации. Показательной историей было сообщение известного российского адвоката Марка Фейгина. 5 июля 2017 года он написал в своём Фейсбуке:

«Ввиду остроты обсуждения вопроса о командировках адвокатов в Крым с территории РФ, на фоне запретов въезда артистов и т. д. в Украину из-за посещения Крыма, сообщаю ещё раз. Адвокаты, и я в частности, защищающие украинских граждан, получили такие законные разрешения у властей Украины. Я своего ждал несколько месяцев в прошлом году, специально обратившись в МИД и иные инстанции в Украине. Такие разрешения носят исключительный характер и предоставляются лишь при существенном обосновании необходимости поездок с территории РФ. Например, вчера я был у Романа Сущенко в тюрьме (к нему я попадаю по жеребьёвке в конкретный день), а уже сегодня в 14.30 у меня суд в Симферополе. Учитывая отсутствие прямого сообщения с Украиной, попасть на суд из Москвы через Минск, Киев, Херсон и дальше я не смог бы. Война. Что уж теперь? Но оставить крымских татар без защиты ни украинская власть, ни организации крымских татар в изгнании, ни я (как адвокат) не можем. Поэтому приходится летать из Москвы. Хочу сказать, что за этот год, что я езжу в Крым, я нигде кроме Симферополя и Бахчисарая не был, моря ни разу не видел, и если бы не работа, вряд ли бы поехал. У всех посетивших Крым артистов и впоследствии запрещённых к въезду в Украину была сходная возможность официально обратиться к властям в Киеве за разрешением проезда из Москвы. Однако они этой возможностью либо пренебрегли, либо сознательно игнорировали. За это пусть и расплачиваются.

Здесь интересно то, что ни летом 2017 года, ни в 2018-м, ни (подозреваю) в ближайшем будущем нет, не было и не будет такого законного способа попадания в Крым. И, с точки зрения права и закона, непонятно, как он может появиться. Потому что такое разрешение должно быть сформулировано как возможность въезда в страну вне официальных пограничных пунктов пропуска. И какие бы подзаконные акты,

решения кабинета министров или любого министерства ни были приняты, они не могут противоречить закону. И во многом именно то, что такие разрешения в обход закона даются, тема (как следствие) замалчивается, и никого законного решения не находится. Сообщение Марка Фейгина было первым и последним публичным сообщением о том, что такое в принципе случается.

Осенью 2018 года после захвата российскими войсками 24 украинских моряков и введения военного положения в Украине, с ужесточением правил въезда (в том числе на оккупированные территории) я попробовала обсудить эту тему в Фейсбуке:

Я была первой, кто оформил разрешение на въезд в Крым, как положено. И ездила. Постоянно. На самолёте через Беларусь в Киев, потом на поезде до Херсона, потом на попутках до границы и далее в Крым. Мой паспорт закончился за два года. От штампов не осталось места. Надо мной смеялись украинские пограничники, предлагая купить гражданство Украины в аэропорту Одессы.

Не буду врать, что никогда не летала напрямую. Летала. Иногда лететь надо было срочно. И тогда я летела. Но упорно продолжала делать разрешение.

Год назад в законы Украины были внесены изменения, и вместо разрешения на год или полгода (как визы) правозащитники и журналисты стали получать разрешение на разовый въезд. Получение каждого разрешения занимает не меньше недели. Дорога ещё 4 дня минимум. То есть чтобы съездить в Крым на 3 дня, надо потратить минимум 2 недели. Для регулярных поездок это невозможно.

В этом году против меня и моих коллег в Украине введена уголовная статья. До трёх лет. Я повторяю: эта статья не против тех, кто воюет, не против силовиков. Последние не будут ездить в Киев. А у нас теперь нет возможности ездить в Киев и обсуждать вместе проблемы с правами человека в Крыму.

Сейчас очень много слухов про то, что происходит сейчас. Административная граница закрыта для россиян? А поездки в обход административной границы — уголовно наказуемое преступление? Это опять только против тех, кто изо всех сил старается соблюдать законы.

Я готова поехать и «посмотреть, что получится». Что должно получиться с адвокатами, правозащитниками и

свободными российскими журналистами, которые на месте могли освещать ситуацию в Крыму и поддерживать местные сообщества.

Я в растерянности, если честно. Поговорите со мной об этом. Коллеги, вы поддерживаете этот закон?

Вы думаете, что наша деятельность на полуострове не нужна?

Как быть тем, кто пытается найти баланс между необходимостью соблюдать законы Украины и возможностью помочь в Крыму?

Вы всё время говорите, что в России нет гражданского общества, которое сопротивляется полицейскому беспределу. Мы есть, и мы делаем это, как умеем.

Среди прочего (во многом очень позитивного) обсуждения там состоялся диалог, который заставил меня снова не только сокрушаться о наличии проблемы, но и попробовать посмотреть на неё с другой стороны. Даже — со многих других сторон. Украина как государство, очевидно, имеет право на защиту своих границ от агрессии и от граждан страны, эту агрессию проявляющей. Но это про страну, а люди строят свои стратегии, исходя из каких-то совсем других соображений: из своих ценностей, а законы — это реальность, в которой мы живем и работаем.

Как написал мне в ответ один друг:

Если по сути — у всех свои риски. Когда я еду в Крым, понимаю, что меня может посадить твоё государство как шпиона. Когда ты едешь, понимаешь, что можешь получить порицание части народа и тюремный срок в моем. Я принимаю эти риски, и ты принимаешь и принимала раньше, летая напрямую. К чему эти разговоры?

Нужно требовать от Украины разработки механизма допуска российских правозащитников и журналистов, спору нет. Пока (надеюсь, пока, а не если) такого механизма не будет, те люди, которые будут ездить, будут понимать цену вопроса.

В общем, тут как везде: самое трудное — понять, что ты делаешь. И с этим у нас всегда проблема. Ты хочешь поддерживать Украину как страну в её антиимперской борьбе с агрес-

сией? У тебя один путь. Хочешь выразить солидарность с преследуемыми в Крыму — другой. Готов любой ценой помогать людям на месте — третий. Крым для тебя — один из способов борьбы против российского режима — четвертый. Главное — постараться себе не врать. И твердо понимать, что ты делаешь, для кого, и отслеживать, когда цели меняются. Хотя, конечно, всё это легче сказать, чем сделать. Цели и ценности настолько перемешаны, а репрессивная политика государства настолько много заставляет «искать безопасный язык», что найти себя в этой каше бывает невероятно трудно.

Как истинная эгоистка, рассказывая про свободу передвижения, я начала с того, что больше всего беспокоит меня, но, конечно, сложностями въезда и выезда правозащитников, адвокатов и журналистов проблема со свободой передвижения в Крыму, к сожалению, не исчерпывается. Особенно явно это было в 2014 году.

В 2015 году группой украинских, белорусских и российских экспертов был проведен качественный анализ ситуации со свободой передвижения в Крыму. Была проделана очень серьезная и профессиональная работа. Попробую рассказать о результатах своими словами.

В целом свобода передвижения в контексте Крыма — вопрос сложный, ибо международное право рассматривает свободу передвижения в привязке к понятию «своей страны». Безоговорочно признается право на свободу передвижения внутри страны, а также покидание и въезд в «свою страну». Конечно, есть всякие обязательства у страны, оккупирующей территорию. Но чтобы требовать от России выполнения этих обязательств, надо, чтобы Россия признала себя оккупантом, что недостижимо.

Свобода передвижения напрямую связана с документами. Никто не может пересечь никакие границы (будь то государственная граница РФ или административная граница Украины) без документов. При этом, если российские органы выдают документы в Крыму, который не признан частью РФ, то и документы автоматически становятся непризнаваемыми. Международный и Европейский суд выработали позицию (Крым — не первая в мире непризнанная территория), согласно которой документы, выданные властями, *de facto* не могут игнорироваться. Сделано это должно быть с целью сделать

жизнь людей, находящихся на спорной территории, «более сносной и терпимой».

Это теория. А на практике — интересно, насколько более важными в случае политических и конфликтных ситуаций становятся всяческие документы. В обычной жизни — ну, потеряла я паспорт — неприятно, муторно, денег стоит, но пошла — восстановила. Максимум, что может случиться — отменилась одна поездка, если это был загранпаспорт с визой.

При этом надо понимать, что одна и та же (географически) граница имеет совсем разные юридические статусы с двух сторон. Российская власть понимает эту границу как государственную границу Российской Федерации. И требования к её пересечению ровно такие же, как к пересечению любой другой границы: для россиян — загранпаспорт, для украинцев — украинский загранпаспорт, миграционная карта, для граждан тех стран, с которыми у нас визовый режим, — виза. Для того чтобы вывезти детей через российскую границу, достаточно либо одного родителя в сопровождении, либо доверенность от двух родителей. Со стороны Украины — это административная граница (то есть граница между областями Украины), отделяющая временно оккупированную территорию, правила въезда и выезда из которой были в 2015 году приняты точно такими же, как для пересечения государственной границы.

По факту, большинство жителей Крыма получили российские паспорта. Если поначалу еще были многие, которые старались этого не делать, то за пять лет таких почти не осталось. Но при этом также большинство сохранили свои украинские паспорта. И, как правило, пересекают границы показывая российским пограничникам российские паспорта, а украинским — украинские. Но это всё здорово, если ты, например, не потеряла свой паспорт или у тебя не родился ребенок в Крыму. В таком случае у тебя просто нет украинских документов, а выданные Россией документы документами не считаются. То есть выехать из Крыма ты можешь, а въехать в Херсонскую область — нет.

Да, в Херсонской области есть специальный центр для оформления документов. Да, херсонские суды на основе выданных в Крыму непризнаваемых документов могут признать факт рождения, смерти, замужества или развода. Но, во-пер-

вых, эта система установилась далеко не сразу, а во-вторых, такие действия требуют высокой мобильности (возможности ездить при отсутствии железнодорожного и прямого автобусного сообщения) и достаточно затратны финансово.

Рассказы о пересечении границ обычно отличаются красочностью и эмоциональностью. Помимо технических проблем, граница имеет также очень большое символическое значение. Она связывает два мира: «свой» — с «чужим», «мирный» — с «опасным». Каждый сам выбирает: какой мир где. И все делают это по-разному. Вера, преподаватель:

«Мне рассказывали: сейчас же типа официально никто ничего не возит, у всех все забирают, там вплоть до того, что какая-то тетка везла сюда два килограмма сыра, и ее арестовали на границе... Хотя вот у меня был случай: знакомая привезла из Киева 8 килограмм замороженных креветок. У нее был маленький рюкзачок, она сверху что-то напихала, и ее просто не стали смотреть. И она их провезла через границу спокойно.

Это унижительно. У всех крымчан есть и тот, и тот документ. И вот... на одной границе один не показывай, на другой другой показывай, ну что это? Я еще ездила — можно было. Мало у кого был российский паспорт, можно было по украинскому ездить. А сейчас так не поездишь. В общем, боюсь туда ездить, я все себя пытаюсь ломать, но... А ещё я не могу купить билеты по Украине. Это тоже целое дело: надо, чтобы в Украине был какой-то человек, чтобы он купил билеты, а потом он приезжает сюда, ему отдаешь деньги... пипец какой-то.

Совие, предприниматель из Симферополя, описывает очень простые и бытовые впечатления от изолированности. И роли в этом границ.

«Раньше было движение в любом нужном направлении: отсюда туда, оттуда сюда, и причем препятствий и границ никаких нет. Хочешь — ты летишь в Ташкент, хочешь — летишь в Казахстан, хочешь — ты летишь, допустим, в Америку, я не знаю, в Киев, в Москву... Сейчас получается только туда из Питера и Москвы вот так. А сейчас же, допустим, с симферопольского аэропорта улетали во все — в ту же самую Турцию, в Ташкент летали, в Казахстан летали. В Симферополе можно было купить билет. Куда угодно.

В Китай. Я летала туда за товаром. Сгоняла за неделю в Китай, вернулась. Ну и силушка!»

Границы — это не только про людей, но про товары. Алексей, инженер, живет в Симферополе:

«Сам факт, что есть определенная территория земли, на которой практически полностью нарушена инфраструктура. То есть были определенные наработки, линии, откуда что куда поставлялось, куда переправлялось, как работало. А теперь это все обрубили и пытаются протянуть новые ветки. Но возникает очередная проблема, что через украинскую границу нас не пускают, самолеты от нас не летают, а через паром — это очень большие проблемы с доставкой чего бы то ни было».

Студентка Адиле описывает свои ощущения от перехода границы.

«Пересекать границу для меня было немножко так тяжело, потому что я лично, когда вижу людей в форме — начинаю паниковать. У меня внутри такое... неприятная мелкая дрожь. Особенно когда они шмонают твои вещи, а потом еще шмонают вещи твоего друга.

Про изолированность науки я уже писала в разделе про образование. Но у этой изоляции есть и элемент, связанный со свободой ездить. Дмитрий, преподаватель Университета:

«В принципе, для человека, который собрался и поехал, нет такой сильной проблемы — это не так сложно официально, но многие крымчане берут с собой два паспорта, чтобы подстраховываться. И предъявляют при выезде/въезде в Россию российский паспорт. А на территории Украины российский паспорт — документ, который может стать основанием для штрафа и высылки с территории Украины, если его найдут. При пересечении границы нет каких-то обысков личных вещей и личного досмотра, но, допустим, милиционер в Новоалексеевке или в любом другом приграничном районе вполне может подойти, если у него возникнут какие-то вопросы к вам. И вы должны будете проследовать. И, если найдут при личном досмотре российский крымский паспорт...

Ненавижу эту границу. Я в принципе ненавижу границы, а эти как-то особенно. Они — символ изоляции Крыма. Границы — такое специальное место, где не чувствуешь себя человеком, где ощущаешь право на насилие государством даже больше, чем на митинге в окружении ОМОНа. На границе ты всегда одна перед силой и оружием. Границы — это всегда унижительно. И ужасно мерзко, когда граница появляется там, где её никогда не было. На границе время течет совсем иначе. По обе стороны от неё всегда есть люди, которые тебя ждут. Но тут их не существует. На границе между Крымом и континентальной Украиной я провела десятки часов в сумме. Наверняка до 2014 года крымчане тоже так говорили — «континент», но теперь это всеобщее слово. Этот чертов «остров Крым», который вдолбили пограничниками и автоматами на границе. Это удивительное ощущение: как в чистом поле вырастает граница. Сперва блокпосты — появляются бетонные блоки и мешки с песком, мальчики с автоматами в балаклавах, которые вдруг начинают спрашивать документы и куда и зачем ты едешь. Потом вырастают окопы и временки, появляются штампики в паспорта. За временками подтягиваются монументальные пункты пропуска, огромные рентген-машины, а за ними «ловушки» — проходы из сетки шириной в метр, чтобы ни вправо, ни влево, ни вверх. «Пунктов пропуска» — три. В основном пользуются двумя. Эти два я знаю с закрытыми глазами — каждый метр. На этих границах у меня прошел не один бессмысленный диалог с местными эфэсбэшниками в разных вариациях:

Административная граница с Крымом.

— А вы как собираетесь проходить украинскую границу?

— Так же, как вашу, пешком.

— У вас разрешение?

— Да.

— На каком основании выдано?

— А вам зачем?

— Вы кем работаете?

— Я юрист.

— В какой форме?

— Без фирмы?

— А на каком основании вам выдали разрешение?

— Вы что, пытаетесь не выпустить меня из страны?
 — Нет. Я не пытаюсь. На каком основании вам дали разрешение?
 — Вам не нужна эта информация.
 — Раз спрашиваю, значит, надо.
Переходим к эфэсбэшнику.
 — Почему у вас привилегированное положение?
 — И в чем моя привилегия?
 — Как вас Украина пускает?
 — Быстро, в отличие от вас.
 — На каком основании вам выдали разрешение?
 — Не знаю. Друзья подали, я забрала.
 — Так не бывает. У вас, наверное, связи в правоохранительных органах.
 — Это вас не касается, мое разрешение. У вас нет оснований не выпустить меня.
Эта сказка про бычка продолжается минут 40. Вдруг его другой дергает за рукав, показывает ему в компьютер, в котором он меня нагулил и подпрыгивал уже минут пять, явно желая поделиться полученным знанием.
Эфэсбэшник смотрит на экран, ни слова не говоря разворачивается и уходит.
Друг Гугла ему вслед:
 — Она где только ни была, и в Брусничном, и Нарве...
С этими словами отдаёт мне паспорт.
База у них, что ли, сломалась врагов народа?
Они знают меня, я знаю, что они знают. Но нет — стоим и часами переливаем из пустого в порожнее.

А сколько людей в последний раз проходили здесь границу, чтобы годами не вернуться домой? Я провожала через эту границу не одного друга и подругу. Почему-то, как правило, ночью. Холодно, страшно. До свободы — 500 метров. Но их надо пройти. Мимо мальчиков и девочек с оружием, отвечая на их вопросы. Надо как-то унять дрожь во всем теле. И просто идти. Шаг за шагом.

А потом на границах появились «списки». По этим спискам — обязательная беседа с офицером. Иногда в отдельном вагончике, иногда — прямо посреди других людей. И тогда ты сама становишься «фактором риска» для тех, кто рядом.

И тогда «сопровождение» становится виртуальным. GPS-координаты, сообщения о входе на границу, о каждом шаге. И ты уже сидишь у компьютера и точно видишь в голове эту ненавистную границу, будочки, вагончики, стойки, офицеров этих и их вопросы.

— Ура! Проехал... Ну или не ура.

В вопросах свободы передвижения есть ещё отдельная часть, которая касается вынужденных переселенцев из Крыма на континент Украины. Никто точно не знает, сколько их. 1 ноября 2016 года Госслужба Украины по чрезвычайным ситуациям объявила количество зарегистрированных переселенцев в 22672 человека. С тех пор прошло больше двух лет. И многие не регистрируются. Поэтому даже примерно оценивать количество переселенцев я считаю слишком большой смелостью. У этих людей масса проблем, ограничений в правах и прочее. Но оставим эту тему украинским правозащитникам. Я в ней не разбираюсь, да и не моя зона ответственности.

Свобода совести

Надо сказать, что я материалистка и атеистка. И к тому моменту, когда приехала в Крым впервые, я не знала, чем отличаются сунниты от шиитов, и гуглила «ислам для чайников». Единственные два убеждения, которые у меня на то время были — это то, что каждый имеет право верить во что угодно и что РПЦ (как структура) — абсолютное зло.

Ходит такая байка в Украине, что после аннексии мэр Львова пригласил крымских татар, бежавших из Крыма, жить во Львов. А через пару лет очень удивился, когда они попросили построить мечеть. Вот примерно и я была такая же. То есть в теории я, конечно, догадывалась, что крымские татары — мусульмане, но почему-то заранее подумать о всяких религиозных особенностях атеистке было довольно сложно.

Для того чтобы представить уровень проблем со свободой вероисповедания, надо хотя бы примерно понимать религиозное многообразие и внутреннее функционирование церквей и религиозных движений. Некоторые конфессии столкнулись

с очень специфическими проблемами, не связанными напрямую с признанием или непризнанием Крыма. Например, у грекокатоликов в Крыму оказалось большинство священников не крымчан, у римской католической церкви было много приезжих монахинь. В Симферополе в 2014 году закрылся монашеский дом, в котором постоянно проживали монахини из Польши. После аннексии все иностранцы-священнослужители вынуждены были приезжать и уезжать каждые три месяца в соответствии с миграционным законодательством.

В Крыму до 2014 года существовало более 2000 церковных общин, из которых более 1400 были официально зарегистрированы. Перерегистрация, которую все церкви должны были пройти, чтобы законно работать под властью России, до 1 января 2015 года, была позже сдвинута на три месяца — до 1 марта. Перерегистрировать церковь — совсем не тоже самое, что ООО. Разные законы в Украине и России, разная внутрицерковная иерархия. В украинском Крыму любая крупная религиозная организация входит в структуру украинской организации, при перерегистрации в России они должны зарегистрироваться либо как новая церковь (а надо сказать, что разговоры с разными религиозными общинами показали, что шансов зарегистрировать новую церковь в России почти невозможно), либо войти в структуру российской церкви, и тут важно, как к этому отнесется мировая структура, если она есть. Например, община ортодоксальных иудеев Ялты, бывшая самостоятельной организацией весь предыдущий период своего существования, вынуждена была вступить в Федерацию еврейских общин России.

У некоторых организаций нарушились прежние связи. Например, не могут льготно печатать свои материалы, как печатали до аннексии. Проблема с выездом на международные и украинские мероприятия. Некоторые организации лишились грантов и финансовой поддержки, в том числе в связи с отъездом состоятельных прихожан, например, Украинская православная церковь киевского патриархата, лишившаяся значительного числа прихожан, прежде всего молодёжи, состоятельных людей и госслужащих. Последние во многом отвернулись от церкви, опасаясь проблем на месте работы в связи с вероисповеданием.

Конечно, церковь Киевского патриархата заслуживает отдельного разговора. Когда мы говорим о вере и церкви, так или иначе приходится использовать язык символов. Церковь в моменты катаклизмов зачастую оказывается символом, опорой и способом не потерять надежду. Для крымских украинцев, очевидным образом, такой церковью стала Украинская православная церковь Киевского патриархата. Тогда как для российской власти — напротив, она была как красная тряпка. Ну и, прямо скажем, выходов у Украинской церкви было немного: либо влиться в структуры Московского патриархата, либо влиться в структуры Московского патриархата. Часть церквей были просто отняты в пользу РПЦ. Иногда это происходило насильственно. Как, например, в селе Перевальное — с участием людей, одетых, как казаки. Иногда без насилия — как церковь при Нахимовском училище в Севастополе, куда просто перестали пускать священников УПЦ КП, ибо церковь за проходной.

За Кафедральный собор святых равноапостольных князей Владимира и Ольги в Симферополе битва продолжается до сих пор. Помещение под собор было предоставлено в аренду сроком на 50 лет. Как и для всех религиозных организаций Крыма, стоимость аренды составляла 1 гривну в год. Но этот договор аренды был заключен с украинскими крымскими властями, а не с российскими крымскими. Аналогичные законы есть и в России, но для этого нужен приемлемый для России статус. От Кафедрального собора в центре Симферополя в 2017 году отобрали половину помещения, оставив только зал для молитв. С архиепископом Симферопольским и Крымским УПЦ КП Климентом я познакомилась еще летом 2014 года. Он произвёл на меня неизгладимое впечатление. Удивительно мощный человек. Возможно, во многом благодаря ему (а также верующим мусульманам, про которых я напишу ниже) я хоть и не стала ни на каплю религиозней, но понимание веры как способа сохранения себя, формирования стержней, поддержки и источника сил какое-то пришло. И во многом примирило меня с верующими. По крайней мере внутри себя. Сейчас владыка Климент активно помогает крымским политзаключенным.

Вот так описывала роль церкви в своей жизни во время аннексии одна из проукраинских активисток:

«Здесь [после аннексии] я поняла, что держаться не за что — только за воздух. Надо идти в церковь. Я думала, что, может, правда — есть эта сила общей молитвы? Где-то вот, знаешь? Ну а потом поплакаться. Где я еще могу поплакаться? Мне некуда было идти. Когда события вот эти начались, у меня так все плохо-плохо, я стала туда захаживать. Причем я крест даже до последнего неправильно клала.

Но да — комфортнее там было. Потому что можно было поплакать. <...> Подошла к иконе Георгия Победоносца, решила, что так надо мне помолиться, придумала себе. И я начала вспоминать об этих погибших пацанах, и боже, меня как накрыло — стою, рыдаю вот, в голос, вот так, знаешь... как белуга. Сопли размазываю. Понять ни хера не могу — что на меня накатило, но свечи поставила... Тут же еще материнская же ассоциация, что дети-то такого ж возраста, как мои дети. И вот это вот меня накрывает — пиздец какой-то...

Я считаю, что это [религия] — необходимая часть жизни человека. Ну, просто надо выстроить какой-то правильный подход. Ты пришел сделать необходимый для себя ритуал. Мне как-то одна подружка (она тоже проукраинская) это объясняла: «Ты знаешь, я раньше эту службу, часовую, двух-, а то не дай бог двух-трех-, не могла стоять. А потом мне кто-то говорит: «А это бесы тебе мешают» — «Что, серьезно?» А она тоже ж ученая вроде как дама. Я говорю: «Ира, что за бред?» Она говорит: «Ты понимаешь, это можно назвать бредом, но можно назвать это не бесами, а другим словом и тогда это можно по-другому воспринимать». То есть ты не в состоянии преодолеть свои какие-то слабости. Неподчинение, например. Вот, неподчинение — это слабость. Ты не можешь себя организовать, подчиниться. Вот тебе надо подчиниться этим обстоятельствам, а ты заставь себя, подчинись. Ну, то есть и в церкви так: тут надо подчиниться, ну подчинись, а че делать? Гордыню свою засунь наконец-то.

А это цитаты из интервью с владыкой Климентом в январе 2016 portalу Крым.реалии (<https://ru.krymr.com/a/27477273.html>):

«К 2014 году в Крымской епархии было 50 приходов, из них 18 — действующих, служили 17 священников. Первые дни после начала февральских событий были очень напряженными. Я помню, что сидел в Управлении епархии и ждал ареста.

Часть приходов у нас забрали, часть приходов мы закрывали сами, потому что часть имущества в них принадлежала украинским бизнесменам, а мы не хотели их подставлять. Потом возле кафедрального собора было выступление неизвестных людей в камуфляже... Все это длилось до сентября 2014 года, потом стало спокойнее. Много проблем нам создало так называемое Министерство имущественных и земельных отношений.

Крым привык жить по своим законам, он никогда не считался с мнением центра. Но после российской аннексии жить так стало невозможно.

У меня 9 священников, из которых четверо живут на материковой Украине. По большим православным праздникам они приезжают в Крым на 10 дней и опекаются закрепленными за ними приходами. Богослужения идут, люди могут исповедаться и причаститься. Я коренной крымчанин, покидать полуостров не намерен.

А летом 2018 года я поговорила на эту тему с атаманом Крымского казачества:

- А что здесь с украинской церковью?
- Забрали еще в 14-м году так же, повыгоняли всех.
- А кто это сделал?
- Как бы ополченцы.
- Как бы вы?
- Как бы да, но мы не делали этого, потому что мы ж не можем как казаки веру. Были те люди, опять же — за деньги которые. Скажем так: это ж бизнес, рейдерский захват, и земли, и всего остального.
- То есть они ради земли это все делали?
- Только так, сами верующие не будут этим заниматься. Казаков там не было. Там была пара человек, но после этого такое разбирательство было, что они уже не казаки давно.

В Крыму по разным данным около 7000—8000 Свидетелей Иеговы, которые объединены в 22 зарегистрированные местные организации. 20 апреля 2017 года Верховный Суд России

вынес решение о признании Управленческого центра Свидетелей Иеговы экстремистской организацией. С этого момента по всей России прокатилась волна арестов. В ночь с 27 на 28 ноября 2018 года прошли обыски и задержания как минимум в 30 домах верующих. Возбуждено уголовное дело против руководителя местной региональной группы Свидетелей — «Сиваш» — Сергея Филатова об организации деятельности религиозного объединения, признанного судом экстремистским. Ему избрана мера пресечения — подписка о невыезде.

Говорить об исламе в Крыму отдельно от крымскотатарского народа очень трудно. Но я попробую всё-таки разделить. Во-первых, в Крыму есть мусульмане не только крымские татары, а во-вторых, формы, причины и способы давления на мусульман хоть и тесно связаны с давлением на крымскотатарское национальное движение, всё же имеют много особенностей и обусловлены не только непосредственно аннексией Крыма. На всякий случай напомним, что я несколько не претендую на абсолютное знание и понимание. Особенно того, что происходило в Крыму до 2014 года. И все мои рассуждения — это исключительно частное мнение, основанное на наблюдениях и сотнях разговоров с разными людьми.

После начала массового возвращения в Крым крымских татар с конца 1980-х годов в Крыму началось возрождение ислама. Молодежь активно училась: льготное образование в Турции, открытие медресе в Крыму, строительство мечетей, изучение литературы и самых разных направлений ислама и исламских организаций. При этом надо сказать, что украинское законодательство даже периода Януковича было намного либеральнее российского в отношении религий вообще и ислама в частности. Поэтому в Украину (в том числе в Крым) бежали от преследований многие участники организаций, запрещенных или преследуемых, например, в России и других постсоветских странах. В Крыму они действовали открыто, организовывали митинги, проповедовали, распространяли свою литературу. При этом сказать, чтобы с тем уровнем исламофобии, который распространен сейчас в мире, всем этим организациям и течениям жилось очень хорошо, нельзя. За ними следили СБУ, велись разработки, собирались папочки на полочках. Да и крымскотатарские активисты не

очень поддерживали уход молодежи от национальной идеи в религиозную. Одной из таких организаций была партия Хизб ут-Тахрир. В России с 2003 года партия была признана террористической Верховным Судом РФ. Основания для этого решения неизвестны. Ознакомиться с материалами этого заседания ВС РФ так никому и не удалось.

Это решение вкупе со статьей 205.5 (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации) — очень удобный способ штамповки дел. Не надо доказывать ни террористических намерений, ни подготовки теракта. Нужно только доказать, что человек имел отношение к организации, признанной террористической. При этом надо сказать, что неизвестно ни об одном террористическом акте, совершенном Хизб ут-Тахрир или от её имени. Очень профессиональный разбор про партию опубликован на сайте информационного центра «Сова» — <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2005/10/d6036/>

В общем, как ни относиться к исламским течениям и организациям, но до 2014 года они совершенно законно и открыто действовали в Крыму, жили, молились, работали, учились. Никуда не уезжали. Но к ним пришла другая страна. Та, в которой они запрещены как группа и как класс. СБУ вместе со всеми их папочками и полочками превратились в ФСБ, а все собранные «на всякий случай» материалы — в материалы уголовных дел. На сегодня в Крыму арестованы 28 человек по обвинению в участии в Хизб ут-Тахрир. И четверо — по обвинению в участии в Таблиг Джамаат, которая признана в России экстремистской.

Право на эффективное средство правовой защиты

Трудно говорить о правах человека в отрыве от возможностей на защиту. В целом крымские адвокаты после 2014 года должны были просто перерегистрироваться. Но при этом понятно, что те из них, кто работал в правозащитной сфере, по большей части из Крыма уехали. А те, кто остались на фоне похищений, арестов и совершенно непонятной реальности (кого сажают? кого нет? на кого нападают и за что? — и сотни подобных вопросов) совсем не хотели участвовать в политически мотивированных делах.

Понятно, что изменение правовой реальности привело в Крым из России массу российских юридических фирм. Очевидно, что количество перерегистраций юридических лиц, актов гражданского состояния в условиях правовой неопределенности казались золотым дном для всякого рода юридических. Помню, что весной 2014 года меня очень веселили плакаты «Последний дозор» с изображенной на них Фемидой и лозунгом: «Первая московская адвокатская палата в Крыму». Правда же смешно: первая палата — последний дозор, да ещё и с завязанными глазами. Очень уж этот образ соответствовал моему представлению о ситуации в Крыму. Через пару лет в силу обстоятельств мне довелось разговаривать с одной из адвокаток этой палаты. Она рассказала, что они работали на деньги президентского гранта для помощи в интеграции Крыма в правовую систему России.

Посреди всего этого юридического разноцветия летом 2014 года на (тогда еще действующем) вокзале Симферополя под часами я встретила впервые с двумя юристами, которые героически вытащили на себе большую часть политических дел в Крыму — Эмилем Курбединовым и Эдемом Семедляевым. Эмиль на тот момент уже был адвокатом и работал в Крыму и раньше. А Эдем стал адвокатом только в 2016-м. В разговоре с ними я впервые услышала о репрессиях против мусульман, об истории давления на мусульман в Крыму до появления России. А также об опасениях, разнице российского и украинского законодательств и много ещё о чем, что понять, вспомнить и осознать мне пришлось только значительно позже. Эмиль пытался входить во все политически мотивированные дела, его отстраняли за конфликт интересов, если он пытался защищать фигурантов одного дела, он входил в новые, искал коллег, которые могли бы помочь. Позже присоединились другие адвокаты. Но Эмиль и Эдем всё время оставались самыми яркими крымскими адвокатами.

Поначалу российские правозащитные адвокаты в Крым не ездили: и своих дел навалом, и политические сложности: заезды, отношения с украинскими коллегами — всё это выглядело не очень перспективным и довольно безнадежным. Но постепенно (во многом благодаря работе крымских адвокатов, местных гражданских активистов, при помощи, конечно, украинских коллег дела в Крыму становились всё более и

более резонансными и привлекали адвокатов в том числе и из России. В мае 2015 года в Крыму начали работать адвокаты правозащитной организации «Агора». Позже у них появился местный очень яркий адвокат — Алексей Ладин, дела, связанные с членами Меджлиса, стали вести известные адвокаты Николай Полозов и Марк Фейгин. Многие юристы стали получать адвокатские статусы. И сегодня ситуация уже не кажется настолько безнадежной.

Опасения по вхождению в политические дела крымских адвокатов имели под собой серьезные основания. У адвокатов проводились обыски, в отношении Эмиля были возбуждены административные дела. Я не буду описывать подробно преследования адвокатов в Крыму. Просто процитирую обзор от Крымской солидарности:

«26 января 2017 года Курбединов был задержан по дороге на обыск к Сейрану Салиеву (фигурант второго бахчисарайского «дела Хизб ут-Тахрир»). Ему вменяли статью 20.3 КоАП РФ.

В тот же день в офисе крымских правозащитников в Симферополе и дома у Курбединова прошли обыски.

7 февраля 2017 вышел из спецприемника, пробыв там 10 суток.

6 ноября 2018 — в офисе Курбединову сотрудники ЦПЭ во главе со старшим прокурором Валентином Чуприной вручили предостережение «о недопустимости экстремистской деятельности».

6 декабря 2018 — по дороге из дома в офис (Симферополь) сотрудники Центра по противодействию экстремизму задержали Эмиля Курбединова повторно по статье 20.3 КоАП РФ (пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами).

В январе 2017 года российские власти начали преследование российского адвоката Николая Полозова. Процитирую заявление Крымской правозащитной группы по этому поводу:

«25 января сотрудники ФСБ задержали адвоката Николая Полозова в Симферополе. Это произошло сразу после приезда Полозова с сессии ПАСЕ, на которой он докладывал о политических преследованиях в Крыму. Сотрудники ФСБ отвезли его для допроса в качестве свидетеля по делу Ильми Умерова. Полозов является адвокатом по этому делу и не имеет права давать показания по этому делу в качестве свидетеля. Николая Полозова отпустили через 2,5 часа.

Преследования адвокатов — это опосредованное преследование всех. Адвокат — это единственный человек, который при любых условиях имеет право на доступ к арестованному. Единственный человек, который соединяет тех, кто в заключении, и тех, кто пока на воле. Преследование адвокатов — это во многом попытка полностью изолировать арестованных от мира. А уровень поддержки адвокатов — индикатор солидарности и благодарности общества. И в Крыму показатель этого индикатора крайне высок. На преследование Эмиля Курбедина солидарный ответ был быстрым и массовым: флешмоб «Наш защитник» собрал тысячи публикаций в социальных сетях, сотни людей у судов и при встрече Эмиля из спецприемника, видеоролики, фотографии — все формы поддержки и участия.

Свобода слова

Чем дальше перебираешь права человека, описывая, что с ними происходит в Крыму, тем почему-то сложнее. Чем лучше знаешь ситуацию, тем труднее найти «точку отсчета». Всё время кажется, что не скажешь чего-то важного, не вытащишь из своей головы. Потому что оно там давно уложилось в базовую картину мира и плохо разбирается на составляющие. Хочется просто сказать: «Свободы слова в Крыму нет». Или: «Свобода слова в Крыму есть, но нет свободы после слова». Или ещё какую-нибудь столь же глубокомысленную и полно описывающую ситуацию сентенцию. Но всё-таки попробую раскрыть.

Если вы живете в России и Россия вдруг решает, что Крым принадлежит ей, то запрет на высказывания, которые можно квалифицировать как призыв к нарушению территориальной целостности, — это вопрос к вашей гражданской

позиции и степени политизированности. В конце концов вы можете просто не разговаривать про Крым. А если сказали, то это политическое высказывание. Но если вы живете в Крыму, то это вопрос описания вашей реальности, необходимость поиска такого языка (в бытовой речи, в разговоре с соседями, друзьями и членами семьи), причем в постоянном свете софитов. И дело не только в российских силовиках, которые, кто ж знает, как и под каким микроскопом рассматривают ваши слова и сообщения. Также очень болезненно реагируют на все слова (по понятным причинам) украинские друзья, коллеги и родственники. Появляются всякие эвфемизмы: «до событий 2014 года» и после оных, эти проникшие в язык всех и каждого плотно связанного с Крымом «материк Украины» и «материк России». В официальных заявлениях: «Крым, находящийся под de facto властью России». И так постоянно. Трудно представить, насколько влияет на жизнь всеобщая необходимость таким образом подбирать слова. Всегда, всем и везде.

Самые громкие дела по обвинению в призывах к нарушению территориальной целостности РФ (статья 280.1 УК РФ) — это дело заместителя председателя Меджлиса крымскотатарского народа Ильми Умерова, которого 27 сентября 2017 года приговорили к двум годам колонии-поселения за выступление в прямом эфире крымскотатарского телеканала АТР с призывом вернуть Крым Украине. 25 октября того же года он был помилован и вылетел вместе с Ахтемом Чийгозом — другим заместителем председателя Меджлиса, который был приговорен к 8 годам колонии строгого режима по обвинению в «организации массовых беспорядков» и был также помилован. Второе резонансное дело по обвинению в призывах к нарушению территориальной целостности — это дело против крымского журналиста Николая Семены. 22 сентября 2017 года он приговорен к двум годам условно с запретом заниматься публичной деятельностью три года. Позже срок запрета деятельности был сокращён на год. Николай Семёна — крымский журналист и осужден он был за статью на сайте Крым.реалии под названием «Блокада — первый необходимый шаг к освобождению Крыма».

Также в ограничении свободы слова хорошо видно крымское изобретение — применение законов России задним числом — к действиям, которые были совершены, когда в Крыму

действовали украинские законы, и в отношении тех действий, которые украинскими законами запрещены не были. В частности, это касается возбуждения уголовных дел по статье за «экстремизм» и «призывах к террористической деятельности», в частности, за публикацию материалов Хизб ут-Тахрир, которые (как я писала ранее) действовали в Крыму совершенно законно.

Ещё в крайне централизованной по сути и федеральной формально России очень трудно понять, насколько важными в Украине вообще и в Крыму в частности являются местные, а не всеукраинские СМИ. Если последние просто в один день отключили, то большинство местных крымских СМИ не смогли (не захотели или им не дали) перерегистрироваться. Количество местных СМИ, зарегистрированных в Крыму, за первый год присутствия России сократилось на 88%. При этом перерегистрацию прошли только 232 СМИ, что составляет 8%. Остальные — это вновь зарегистрированные. Некоторые независимые от российской власти СМИ пытались найти способы работы на полуострове. Но рано или поздно были выдвинуты все: обыски, возбуждения уголовных и административных дел, допросы, задержания, нападения на журналистов.

Одним из самых долгих оплотов свободы слова оставался крымскотатарский телеканал АТР. В августе 2014 года группа депутатов Государственного Совета Республики Крым потребовала лишить аккредитации корреспондента АТР Шевкета Наматуллаева за то, что он не встал во время исполнения гимна России. В январе 2015 года в здании телеканала прошли обыски с изъятием видеоматериалов событий 26 февраля 2014 года. К марту 2015 года стало понятно, что телеканал не перерегистрируют. На самом телеканале прошёл телемарафон «Не убивайте АТР», российские и мировые политики, деятели культуры и искусства, правозащитники высказывались в защиту АТР, президент Турции разговаривал с Путиным про АТР, но перерегистрации так и не произошло. И 1 апреля 2015 года канал прекратил вещание из Крыма. 17 июня 2015 года канал возобновил вещание уже из Киева. В Крыму он доступен только по спутниковому телевидению.

Тем не менее в Крым приезжают и украинские журналисты, и российские независимые журналисты «Новой газеты» и «Радио свободы», и международные журналисты. Но огром-

ной подмогой в прорыве информационной блокады Крыма стали гражданские журналисты — активисты, которые ведут видеотрансляции с политически мотивированных обысков и судов, которые пишут о политзаключенных и документируют нарушения прав человека, распространяя эту информацию по всему миру.

Свобода собраний

Мы в России уже давно забыли, что такое политика. В частности, что такое уличная политика. Уличная политика — это не «украинский — вышел — в тюрьму» «вышел на митинг — задержан — вышел на митинг — арестован». Уличная политика — это про способ взаимодействия с властью, способ влиять на политику и политиков, способ донести своё мнение до тех, кто принимает решение. Может, не самый лучший способ. Может, не самый «цивилизованный». Может, в мире придуманы более эффективные. Но это способ. Однажды в 2014 году только что назначенная Уполномоченная по правам человека Крыма сказала мне, что хоть в целом она не против «жесткой руки» в политике, но должны же наши власти понимать, что одно дело россияне, которых медленно (как ту лягушку) погружали в эту реальность без митингов и публичных выступлений, принимая то один закон, то другой. А в Крыму люди привыкли иначе. Тут митинги и публичные выступления — естественный язык. Митинговали все: преподаватели, студенты, рабочие. Митинги памяти, политические митинги, социальные, национальные, пророссийские, правозащитные, религиозные — любые. И вдруг — Россия с нашими законами под кодовым названием «больше трёх не собираться». Конечно, адаптация к этим условиям была не одномоментной.

В течение всего 2014 года свобода собраний полностью зависела от того, «за Украину» или «за Россию». За Россию можно всё, а за Украину — ничего. Остальные тематики выглядели ничем не значащими нюансами. Например, анархисты Севастополя 19 января, в День памяти погибших антифашистов, провели шествие, в результате которого никто не был задержан.

Во многом определяющим и страхи, и отношение к свободе собраний, да и вообще — к внедрению российских правил

«друзьям — всё, врагам — ничего» стало убийство Решата Аметова. Решат Аметов 3 мая 2014 года вышел на площадь Ленина с одиночным протестом против действий России в Крыму. Накануне он написал о своем намерении в Фейсбуке: «А я завтра выйду на площадь. А вам слабо?» Это была его последняя запись. На площади его схватили неизвестные мужчины в камуфляже (позже в ходе российского следствия эти люди были установлены, но получили статус свидетелей). А 15 мая было найдено тело Решата со следами жестоких издевательств. Хотели этого российские или крымские власти или не хотели, но история с Решатом Аметовым стала символом того, как Россия относится к свободе собраний.

Самое яркое событие 2014 года, на мой взгляд, — это встреча лидера крымскотатарского народа — Мустафы Джемилева на границе с Крымом. 22 апреля Мустафа Джемилев заявил, что при выезде из Крыма ему был вручено «уведомление о неразрешении въезда в Российскую Федерацию». 3 мая Мустафа Джемилев приехал на границу с Крымом, а тысячи крымских татар (по разным оценкам, от 1500 до 3500) приехали на границу его встречать. Около границы произошли стычки с людьми в форме «Беркута». При этом «Беркут» как подразделение украинских войск был к этому моменту уже распущен, а «Беркут» как подразделение «Росгвардии» еще не создан. Да и стычки были такие, что в них никто не пострадал. Параллельно в знак протеста в разных районах Крыма крымские татары перекрывали трассы. Прямо в тот день никто задержан не был (и Россия еще не обустроилась, и суды фиг знает как работали, да и, подозреваю, все слегка охренели), но позже около 100 человек были оштрафованы по статье о нарушении правил проведения массовых мероприятий, а 5 человек, проведя несколько месяцев в СИЗО, были приговорены к условному сроку от одного до трех лет.

На меня произвело сильное впечатление празднование дня крымскотатарского флага 26 июня 2014. Под празднование выделили пустырь в районе Фонтанов. Это был натуральный пустырь вокруг стройки. По периметру пустыря выставили рамки металлоискателей, окружили полицейскими с собаками. А внутри — люди танцевали: яркие платья, десятиметровый (или сколько там в нем было) флаг, веселые песни.

И танцы, танцы, танцы. Было в этой картине что-то отчаянное, отсылающее к истории, рисующее картины из фильмов, очень сильное и настоящее, в этом веселье в окружении овчарок и полицейских.

Позже национальные мероприятия (например, праздник земледелия — Хыдырлез) стали проводить силами тех крымских татар, которые приняли российскую власть и вошли в российские государственные структуры. Остальные призывали игнорировать официозные праздники. Говорят, на Хыдырлез в 2017 году свозили администрациями, как на выборы: невзирая на народности, взгляды и отношение к крымским татарам. С 2016 года в Крыму не был санкционирован ни один траурный митинг в день памяти о депортации крымских татар. Люди приходили к своим памятникам и памятным местам в районах Крыма, вспоминали, но собраться вместе, как раньше — со всего Крыма, и почувствовать плечо рядом — этого уже не было.

«Заложенная в 2015 году традиция не проводить массовые политические акции в День памяти жертв депортации 18 мая будет продолжена и в этом году. Об этом на пресс-конференции в формате видеомоста Москва — Симферополь в мультимедийном пресс-центре МИА «Россия сегодня» заявил заместитель председателя Государственного совета РК Ремзи Ильясов. (РИА Крым: <https://crimea.ria.ru/society/20160517/1105046992.html>)

В мае 2017 года прошел несанкционированный митинг около памятного знака в Симферополе. Во время самого митинга задержаний не было. Однако, когда все уже расходились по домам, 20 человек (в том числе двое несовершеннолетних) были задержаны. Каждый год 18 мая и 26 июня задерживают и возбуждают административные дела против молодых людей, которые ездят по Крыму с крымскотатарскими флагами. Серьезный перелом в уличной активности крымских татар в Крыму случился после одиночного пикета 76-летнего Сервера Караметова около Верховного Суда Крыма, которого задержали 9 августа 2017 года и арестовали на 10 суток за «сопротивление полиции». 14 августа 2017 года прошло уже три пикета с аналогичными лозунгами. А через 2 месяца — 14 октября около 100 человек вышли в один день в районах Крыма с такими же плакатами.

Украинские активисты проводили различные акции в день рождения Шевченко, например. Накануне значимых дат (День независимости Украины, день рождения Шевченко и другие) вошли в привычку вызовы на беседы, захаживание сотрудников Центра по борьбе с экстремизмом на работу, вручение «предупреждений о недопустимости незаконных действий» и тому подобная практика.

Но если по предыдущим абзацам создалось впечатление, что проблемы со свободой собраний были только у тех, кто не поддерживал действия России в Крыму в 2014 году, то это было верно только первый год. Может, полтора. Вот фрагмент интервью, например, с атаманом Крымского казачества, который провел митинг «Обманутый Крым» в Симферополе летом 2016 года:

«Судили нас уже сколько раз, и штрафы платили, и все остальное. Мы старались по закону всё делать, но даже если по закону, оказывается, получается, что можно вернуть так, что...»

— Но вы подавали уведомление?

— Обязательно, обязательно.

— Вам отказывали?

— Было такое, что отказывали. Было даже такое: дают добро, но дает добро полиция, а администрация города не дает. Мы ездили как-то с замначальника Симферополя показывать, где будет проходить мероприятие, а на следующий день из администрации нам говорят: а мы разрешение не давали. Это был первый митинг «Обманутый Крым».

— Вы посмотрите: площадь Ленина — она же вся закрыта. Потому что мы (наш Крымский народный фронт) с июня месяца уже подавали раз 8 по поводу пенсионной реформы, до сих пор нам ничего не разрешают нигде.

Это самое большое открытие, которое вынуждены были сделать крымчане за эти почти 5 лет: российские власти не делят людей на «своих» и «чужих». Российская власть делит людей на «удобных» и «неудобных». И те люди, которые осуществляют свободу собраний явочным порядком, — неудобные. Вне зависимости от взглядов.

Право на свободу от произвольных арестов

Занимаясь в юности историей советских репрессий в разные периоды, интересуясь темой сохранения памяти и влияния её на современность, всё время задавалась вопросом: ну в чём же сложность взять и подсчитать, скольких людей расстреляли несправедливо в Большой террор и скольких посадили несправедливо после? Это же так важно — знать масштабы. А то вдруг недостаточное количество жертв, чтобы признать тираном. И на все мои такие вопросы умные дяденьки и тетеньки отвечали: «Понимаешь ли, Саша... Всё не так просто... С одной стороны... а с другой стороны... А те, кто реально хотели свержения Сталина, — они жертвы или нет? А те, которые были в сопротивлении? А те, которые хотели убить Сталина, но явно не могли?» Я слушала, кивала, но мечтала, что вырасту, разберусь и расскажу, сколько, почему и за что. И вот сейчас надо рассказывать. Причем не о прошлом, а о настоящем, в котором ещё нет победителей и проигравших, в котором нет расстояния для оценки, о тех людях, которые ещё живы и многие не на свободе и не в безопасности.

Есть несколько академических подходов к определению политических репрессий.

1. Международный подход, использующий введенный в 1960-х Amnesty International термин — «узник совести», сформулированный Питером Бененсоном. Этот подход для того, чтобы тебя признали узником совести, требует соблюдения двух условий: вас должны посадить либо за ваши взгляды (политические, религиозные — любые), либо за то, кто вы есть (за национальность, цвет кожи, сексуальную ориентацию и тому подобное). Но главное — вы должны не совершать насилия и не призывать к нему. Интересный казус в этой связи случился в России с узниками Болотной площади. После митинга 6 мая 2012 года были арестованы более 30 человек. Они обвинялись в применении насилия в отношении полиции. Amnesty, проанализировав материалы дела, признала 10 человек из них узниками совести. Алексей Полихович, Денис Луцкевич и Николай Кавказский отказались признавать себя узниками совести, пока ими не признают всех фигурантов «Болотного дела». И 5 марта 2014 года Amnesty опубликовали заявление, в котором, в частности, было: «Amnesty International счита-

ет всех, кто был задержан за мирное осуществление своего права на свободу собраний, узниками совести и требует их немедленного и безоговорочного освобождения».

2. В 2013 году после года обсуждений группой правозащитников из Украины, Беларуси, России, Литвы, Польши, Азербайджана и Грузии было принято Руководство по признанию политическим заключенным. Это большой документ на 12 страницах, который описывает рекомендованные подходы к признанию политическим заключенным. Оно чуть более структурировано и подробно, чем подход Amnesty. В частности, этот документ раскрывает, что должно быть в деле политического заключенного для признания его таковым: фальсификация доказательств, отсутствие справедливого судебного разбирательства, избирательность или несоразмерность применения (то есть если всем по этому обвинению — штраф, а тебе — 5 лет). И всё это должно быть за то же, за что и у Amnesty: либо за убеждения, либо вследствие дискриминации. Но если у Amnesty, чтобы стать узником совести, ты должен был что-то сделать (написать, заявить, сходить на митинг), то термин «политзаключенный», введенный правозащитниками в 2013 году, подразумевает политический мотив власти на репрессии. Ты мог ничего не делать, сидеть, примус починять, но у власти возник политический мотив тебя посадить. И ты тогда политический заключенный. То есть в отличие от узника совести для того, чтобы стать политическим заключенным, совесть в базовом наборе — не обязательное условие. Однако в Руководстве также указано, что люди, осуществившие насилие более, чем необходимая самооборона, или в случае крайней необходимости, а также лицо, совершившее преступление на почве ненависти или призывавшее к таким действиям, быть политзаключенным также не может.

Собственно, зачем это надо? Признание узниками совести и политическими заключенными облегчает работу и деятельность правозащитников по всему миру. Это списки людей, которые должны быть освобождены безоговорочно и без разбирательств. С остальными надо разбираться. Это не значит, что их не надо освобождать. Это значит, что правозащитники не готовы нести ответственность за требование безоговорочного освобождения. В принципе, их, правозащитников, право. Одна беда — их, этих правозащитников, слышат. Да, только

тогда, когда это выгодно, но слышат. Их слышат международные организации, иностранные политики, СМИ, общество, наконец. То есть получение статуса становится инструментом.

А теперь вернемся в Крым. Если бы, например, Крым отвоевали в результате официально объявленной войны, то там не было бы никаких политических заключенных, там были бы военнопленные, было бы подполье и сопротивление. И правила бы применялись совсем другие. Как мы можем требовать от военных или партизан, чтобы они не применяли насилие иначе, как в рамках необходимой самообороны? Никак. Это как-то влияет на их статус? Нет. И мы опять возвращаемся к тому, что то, что происходит в Крыму, не попадает ни в какие рамки. А попытки защитить людей от силовиков приводят к постоянному (вольному и невольному) искажению реальности.

И на практике начинают политическими заключенными называть всех тех людей, которые (они сами, их взгляды, повод к их аресту или принадлежность к группе) симпатичны называемому. А потом начинается (чаще произвольная) подгонка под стандарты «высокого звания политического заключенного».

Вторым фактором этого искажения является репрессивная политика государства. То есть любое твоё слово или попытка разобраться могут быть использованы против тебя. Например, если мы начнем подробно разбираться, кто из 28 человек, арестованных по обвинению в участии в Хизб ут-Тахрир, действительно в нём участвовал или участвует и в какой степени, мы (по крайней мере в общественном представлении) в какой-то степени признаем, что тех, кто состоял, судить можно. Если мы начнем разбираться, кто из предполагаемых диверсантов приехал в Крым с целью совершить что-нибудь для освобождения Крыма, а кто мимо проходил, то сразу станет совершенно неважно, была ли у тех, кто приехал, техническая возможность совершить какую-то диверсию или нет, что они хотели совершить. При таком подходе мы сами, того не желая, признаем право государства сажать тех, кто хотел сопротивляться.

Но есть и другая сторона. Зная совершенно точно, что не все обвиненные в участии в Хизб ут-Тахрир являлись её членами, что (как минимум) не все обвиненные в диверсии

хотя бы планировали какие-то действия, мы заявляем их всех непричастными (что, с точки зрения международного права, презумпции невиновности и наличия у власти политического мотива более чем оправдано), но тем самым лишаем остальных (тех, кто участвовал или планировал) возможности быть героями своих убеждений. Мы не отстаиваем право людей состоять в Хизб ут-Тахрир, мы не говорим о том, что Крым оккупирован и поэтому часть людей совершает действия по деокупации так, как может и думает.

Собственно, я это всё к тому, что легко написать в декларации: «Каждый человек имеет право на свободу от произвольного ареста», но по факту мы всё равно только в силу «глубокого внутреннего убеждения» можем считать, что такое «произвольный арест».

Попробую перечислить те дела и арестованных по ним, которые отвечают моему внутреннему критерию «произвольности» ареста.

Этапы развития репрессивной практики примерно те же, что в целом по Крыму: первые возбужденные дела были связаны непосредственно с событиями 2014 года (в Украине в целом и в Крыму в особенности). Первым возбужденным российской властью политическим уголовным делом стало дело Сенцова и Кольченко. Олег Сенцов был арестован 10 мая 2014 года по обвинению в терроризме. Всего по делу были арестованы 4 человека. А ещё 4 были объявлены в розыск, так как в Крыму их на тот момент не было. Первоначально Геннадий Афанасьев и Алексей Чирний согласились сотрудничать со следствием. Впоследствии на суде Геннадий Афанасьев заявил, что данные им показания получены под пытками, и отказался от сделки. Следствие обвиняло всех фигурантов в участии в «Правом секторе», а также в подготовке терактов в офисах «Русской общины Крыма» и партии «Единая Россия». В этих зданиях держали и пытали похищенных украинских активистов, и их действительно пытались поджечь в апреле 2014 года в Крыму (во время попытки поджога в зданиях никого не было), но в этом принимали участие только Александр Кольченко и Геннадий Афанасьев (ущерб судом был оценен в 30 тысяч рублей). Сенцов в это время организовывал помощь заблокированным в Крыму украинским военным: привозил им

питание, одежду, вывозил на материковую часть Украины вместе с семьями. 24 декабря 2014 года Геннадий Афанасьев был приговорен к 7 годам лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. 22 апреля 2015 года на тот же срок был осужден Алексей Чирний. 25 августа 2015 года Олег Сенцов был приговорен к 20 годам лишения свободы, а Александр Кольченко — к 10. Оба с отбыванием в колонии строгого режима.

14 июня 2016 года Геннадий Афанасьев вместе с другим украинским политзаключенным, находящимся в колонии в России, был помилован и выслан в Украину в обмен на одесских журналистов, которых обвиняли в сепаратизме.

Дело Сенцова и Кольченко стало символом сопротивления Крыма. В их защиту выступали президенты, мировые режиссеры и писатели, известные актеры и общественные деятели. Дело Сенцова и Кольченко — это то, что знают в мире там, где знают слово «Крым». С 14 мая по 6 ноября 145 дней держал голодовку Олег Сенцов с требованием освобождения всех находящихся в России политических заключенных — украинцев. Изначально в списке было 64 человека. Это не только крымчане, но и другие украинские граждане, арестованные Россией по политическим мотивам.

Вторым крупным делом было «Дело 26 февраля». Справка с сайта правозащитного центра «Мемориал»:

«26 февраля 2014 года у Верховного Совета в Симферополе произошли столкновения между участниками проукраинского и пророссийского митингов. Представители крымскотатарского Меджлиса выступали против вхождения Крыма в состав РФ и стремились не допустить заседания Верховного Совета, который мог бы принять такое решение. В течение продолжительного времени между участниками митингов вспыхивали драки, иногда с использованием древков от флагов, ножек стульев, газовых баллончиков. Два человека погибли в давке, 30 человек пострадали. Часть татар прорвались в здание Верховного Совета, но, узнав, что заседание отложено, покинули его.

Первым обвиняемым по «Делу 26 февраля» стал заместитель председателя Меджлиса Ахтем Чийгоз, которого обвинили в организации массовых беспорядков. Чийгоз был задержан 29 января 2015 года. Впоследствии российские си-

ловики провели ряд задержаний по делу. Трое фигурантов были освобождены из СИЗО под поручительство, один признал вину и получил условный срок. В настоящее время под домашним арестом остаются Али Асанов и Мустафа Дерменджи. Ахтем Чийгоз был освобождён и передан Турции в конце октября 2017 года.

Ранее по этому же эпизоду, но в отдельных производствах были осуждены Талят Юнусов и Эсендер Небиев (приговорены еще в 2015 году к условным срокам на 3,5 и 2,5 года, соответственно).

Это дело характеризуется, в частности, тем, что события, в которых обвиняют людей, проходящих по этому делу, произошли до марта 2014 года, а следовательно, когда Крым даже с точки зрения России находился в Украине и там действовали украинские законы. И даже российским судом эти действия никак не могут рассматриваться с точки зрения соответствия российскому законодательству.

Третьим делом (возбуждено в мае, приговор — в декабре 2015 года) было дело 3 мая — его я описала подробно в разделе о свободе собраний. По нему было осуждено 4 человека. К счастью, сейчас все находятся на свободе.

Это три массовых дела, которые в сумме дали миру 12 политических заключенных.

С весны 2016 года по сегодняшний день продолжают аресты мусульман по обвинению в участии в Хизб ут-Тахрир. Все данные которые я тут привожу, актуальны на январь 2019 года. Арестованных на сегодня 28.

Также 25 ноября 2018 года крымскими судами были арестованы 24 захваченных российскими военными украинских моряка, пытавшиеся пройти из Одессы в Мариуполь через Керченский пролив и которые, по заявлению российских властей, вошли в российские территориальные воды. Мне не хватает военного образования и знаний в международном морском праве для того, чтобы анализировать, кто куда пошел и как дело было. Но очевидно, что все 24 моряка — это военнопленные. Но очень трудно признать наличие военнопленных там, где якобы нет войны.

Итого только по массовым делам 64 человека, которые не оказались бы в тюрьме, если бы не «возвращение Крыма в родную гавань».

Два человека (Александр Костенко и Андрей Коломиец) были осуждены в Крыму по обвинению в насилии на Майдане в Киеве. Александр Костенко был арестован 5 февраля 2015 года в Симферополе, а затем приговорен к 4 годам 2 месяцам колонии общего режима. Его обвинили в том, что 18 февраля 2014 года он бросил камень в сотрудника крымского милицейского подразделения «Беркут» Виталия Полиенко в Киеве, в Мариинском парке возле здания парламента Украины. Обвинение, а затем суд усмотрели в этом нарушение п. 6 ч. 2 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы). В настоящее время Александр Костенко, отбыв срок полностью, освобожден и живет в Киеве.

Андрея Коломийца признали виновным в покушении на убийство двух сотрудников «Беркута» — он якобы бросал «коктейли Молотова» во время столкновений на улице Грушевского в Киеве — и в перевозке анаши: по ч. 3 ст. 30 пп. «а», «б», «е», «л», ч. 2 ст. 105 (покушение на убийство двух лиц в связи с осуществлением их служебной деятельности, совершенное общеопасным способом, по мотивам политической и идеологической ненависти) и по ч. 2 ст. 228 (незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в крупном размере) УК РФ.

Цитата из заявления Правозащитного центра «Мемориал» о признании Андрея политическим заключенным:

«Коломиец был задержан в мае 2015 года в поселке Янтарный Кабардино-Балкарской Республики, где жил в гражданском браке с местной жительницей Галиной Залихановой. По его словам, его пытали током и душили, после чего он дал признательные показания, от которых затем отказался в суде. Перевозка наркотиков, как утверждает Коломиец, была инсценирована через сутки после задержания.

По официальной версии, которая представляется нам недостаточно правдоподобной, Коломиец проехал с полицейскими в ОВД Нальчика, где добровольно ответил на вопросы о своей личности. Его отпустили, он переночевал на скамейке

в городе, а наутро поехал домой на попутных машинах, нарвав по дороге верхушки дикорастущей конопли. Одну из этих машин, по версии обвинения, остановили на посту ДПС, в ходе осмотра в ней были обнаружены наркотики.

Потерпевшие «беркутовцы» на момент службы в украинском МВД могли иметь только украинское гражданство, а согласно УК РФ, «преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния». Последующий их переход в российское гражданство не дает России права расследовать предполагаемые преступления против них, совершенные до этого момента. Насилие против «беркутовцев» расследуется украинской прокуратурой, однако потерпевшие Козляков и Гавриленко туда не обращались.

В деле нет объективных доказательств вины Коломийца и нанесенного потерпевшим ущерба (оба заявили о «физической боли»), зато достаточно признаков фальсификации. Кроме того, покушением на убийство следствие и суд назвали действия, которые ни разу за время столкновений в Киеве не привели к смерти сотрудников милиции или тяжелым травмам, а потерпевшим, по их же словам, даже не пришлось обращаться к врачу.

Нельзя не отметить и фантазии следствия на тему принадлежности Коломийца к Украинской повстанческой армии (запрещенной в РФ), которая была полностью ликвидирована в 1954 году.

Оба этих дела помимо прочего «прекрасны» также тем, что следствие велось в Крыму без доступа к доказательствам иным, кроме показаний «потерпевших», а также тем, что судили украинцев за преступление, совершенное в отношении украинцев на территории Украины и при этом рассматривалась государственная составляющая «преступления».

Только при написании этой книги — причем в самом конце работы я совершенно случайно узнала про существование первого арестованного по обвинению в участии в Майдане — Николая Шиптура. Он был задержан представителями Самообороны ещё до «референдума» — 9 марта 2014 года якобы за покушение на убийство. Через год Севастопольский суд приговорил его к девяти годам заключения в колонии строгого режима. По версии обвинения, Николай Шиптур начал

нарушать закон еще до того, как приехал в Крым. В приговоре суда сказано, что 26 февраля 2014 года он нашел на Майдане в Киеве пистолет Макарова и оставил его у себя. А затем с этой находкой отправился на полуостров — препятствовать «волеизъявлению» крымчан на «референдуме».

Шиптур был обвинен в том, что стрелял из пистолета Макарова в представителя Крымской самообороны во время проведения митинга в Севастополе за неделю до референдума о присоединении Крыма к России. Защита утверждает, что представители Крымской самообороны пытали Шиптура с помощью электрошока, после чего полиция потребовала, чтобы он оговорил себя. Его друзья, бывшие с ним вместе в Севастополе, рассказывают, что Шиптур хотел защитить девушку, которую задержали представители Самообороны, а пистолет взял с собой, чтобы припугнуть их.

Удивительно, но про это дело очень мало говорят и мало знают. Первые публикации и заявления по этому поводу появились только в конце 2016 года. Если вдуматься, то это довольно страшно. Столько глаз приковано к Крыму, столько людей внимательно следят за происходящим и происходившим. И выясняется, что про некоторых мы не знаем ничего или узнаем слишком поздно. И время от времени приходится думать, что, возможно, таких людей существенно больше.

А следующий политзаключённый, напротив, стал ещё одним символом крымского украинского сопротивления, это Владимир Балух. Опять слово Правозащитному центру «Мемориал»:

«Балух Владимир Григорьевич родился 8 февраля 1971 года, проживает в селе Серебрянка Раздольненского района Крыма, фермер, проукраинский активист, после 2014 года оставшийся гражданином Украины и отказавшийся от российского гражданства. По совокупности приговоров осуждён к 5 годам колонии общего режима со штрафом в размере 10 тысяч рублей.

10 июня 2016 года был приговорён к 320 часам обязательных работ по ст. 319 («Оскорбление представителя власти»). 16 января 2018 года по ч. 1 ст. 222 УК РФ («Незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия и боеприпасов») приговорён к 3 годам 7 месяцам колонии-поселения со штрафом 10 тысяч рублей, 14 марта срок сокращён до 3 лет

5 месяцев колонии-поселения. 29 августа 2017 года стало известно о возбуждении ещё одного уголовного дела в отношении Владимира Балуха по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ («Применение насилия в отношении представителя власти»). 6 декабря 2017 года обвинение было перекалвалифицировано с ч. 1 ст. 318 на ч. 2 ст. 321 («Дезорганизация деятельности изолятора временного содержания») УК РФ. 5 июля 2018 года по данному обвинению Балух получил 3 года общего режима, совокупное наказание составило 5 лет колонии и штраф. С 8 декабря 2016 года находился под стражей. 1 декабря 2017 года мера пресечения Балуха была изменена на домашний арест, а 16 января 2018 года его вновь взяли под стражу.

С большой долей вероятности можно предположить, что непосредственным поводом к фабрикации уголовного дела в его отношении стало то, что 29 ноября 2016 года он вывесил на своём доме табличку «Вулиця Героїв Небесної сотні 18».

Владимир Балух так же, как и Сенцов, держал голодовку в знак протеста против незаконного приговора с 18 марта по 8 октября 2018 года. По сообщениям Крымской правозащитной группы, за время голодовки Владимир потерял более 30 кг веса.

Помимо уже описанных в разделе про свободу слова дел заместителя председателя Меджлиса Ильми Умерова и журналиста Николая Семены, которые, к счастью, сейчас находятся на свободе, 1 марта 2018 года к двум годам лишения свободы условно и запрету заниматься публичной деятельностью был приговорен крымскотатарский активист Сулейман Кадыров за перепост в Фейсбуке информации о формировании крымскотатарского батальона в Киеве и комментарий к нему: «Крым — это Украина. Всегда была, есть и будет». 25 декабря 2017 года была осуждена на 2 года условно Лариса Китайская. До 2014 года Лариса Китайская была депутатом Гаспринского поселкового совета, в феврале 2014 года в Ялте организовывала акции в поддержку Евромайдана, затем выехала из Крыма и жила в Киеве. В Крыму у нее оставался муж. Когда муж заболел, ему угрожали запретом на выезд на лечение в Киев. Лариса приехала в Крым, где ей было предъявлено обвинение. Муж выехал на лечение, а Лариса не могла из-за условного срока поехать к нему. В январе 2019 года супруг умер, за несколько дней до отмены приговора Ларисы

в связи с частичной декриминализацией 282-й статьи (экстремизм). Попрощаться им так и не удалось.

23 января 2018 года был арестован Исмаил Рамазанов, также по обвинению в разжигании ненависти. Ему предъявляли запись разговора по интернет-рации Zello, в которой он якобы нелестно высказался о русских. При аресте его сильно избили. И полгода он провел в СИЗО, после чего 14 июля 2018 года его выпустили под подписку о невыезде. А 16 января дело было прекращено в связи с частичной декриминализацией.

13 июня 2018 года было возбуждено уголовное дело против Элины Мамедовой за репосты в сети ВКонтакте. Ей была избрана мера пресечения подписка о невыезде. 17 января 2019 года дело было прекращено в связи с декриминализацией. И ещё 4 человека в настоящее время находятся в заключении за высказывания в Крыму:

Игорь Мовенко — два года колонии-поселения, находится в СИЗО № 1 в Симферополе;

Эмиль Минасов — год и три месяца колонии-поселения, местонахождение неизвестно;

Нариман Мемедминов — под следствием, находится в СИЗО № 1 в Симферополе.

Евгений Каракашев — под следствием, находится в СИЗО № 1 в Симферополе.

Мовенко обвиняют в призывах к экстремизму за несколько проукраинских комментариев в группе «Крым — Україна» во «ВКонтакте».

Минасова — в возбуждении ненависти: за четыре комментария в соцсетях (в том числе также в группе «Крым — Україна»).

Мемедминова обвиняют в призывах к терроризму за публикацию роликов о мероприятиях, организованных исламистской организацией «Хизб ут-Тахрир», безосновательно признанной террористической и запрещенной на территории РФ.

Каракашева — в возбуждении ненависти и в призывах к терроризму по общим статьям — за публикацию одного текста и двух видео, в том числе «Последнего интервью приморских партизан» (Правозащитный центр «Мемориал»).

В октябре 2017 года 4 человека были арестованы по обвинению в участии в движении исламских проповедников Таблиг Джамаат. Движение не замечено в призывах к насилию. Тем не менее оно было запрещено на территории России как экстремистское. Предполагаемых членов движения обвиняют исключительно в участии в деятельности экстремистской организации. В данном случае, как и в отношении обвиняемых по делам Хизб ут-Тахрир, принят на вооружение тот же метод, что и в других регионах, — людям вменяют лишь «партийную деятельность». 2 октября 2017 года Ренат Сулейманов, Талят Абдурахманов были арестованы, Сейран Мустафаев — под следствием, находился под домашним арестом, а Арсен Кубединов — под подпиской о невыезде. Ренат Сулейманов как организатор (ст. 282.2, ч. 1) приговорен к 4 годам лишения свободы, остальные — как участники (ст. 282.2, ч. 1) — к условным срокам заключения.

8 человек были обвинены за 5 лет действия российского законодательства в разного рода «диверсиях»: действиях, которые, по мнению следствия, были инициированы различными украинскими властями, структурами или политиками. Дела эти запутанные, арестованных пытали, били, много признательных показаний. Не буду подробно останавливаться на каждом. Просто перечислю:

Двух человек обвинили в том, что они собирались перевозить на автомобилях группу, планировавшую взрывы большого числа военных и гражданских объектов в Крыму летом 2016 года.

Андрей Захтей — шесть с половиной лет колонии строгого режима, штраф в 220 тысяч рублей, находится в СИЗО № 1 в Симферополе.

Евгений Панов — под судом, находится в СИЗО № 1 в Симферополе.

Оба обвиняются в приготовлении к диверсии и попытке контрабанды боеприпасов. Кроме того, Панову вменили незаконное хранение и перевозку боеприпасов, а Захтею — незаконное хранение и перевозку взрывчатки, а также незаконное приобретение и использование подложного паспорта. Оба утверждали, что подвергались жестоким пыткам. Захтей признал вину и заключил соглашение со следствием о вынесении приговора без анализа доказательств.

Еще одного человека обвиняли в сборе информации о военной технике в Крыму по заданию украинской разведки в тот же период. Однако затем эти обвинения были сняты.

Владимир Присич — три года колонии общего режима, находится в колонии № 1 в поселке Каменка (Кабардино-Балкария).

Присич утверждал, что давал признательные показания под пытками. Позднее он отказался от показаний. Тогда следователь предложил поменять статью обвинения на хранение наркотических средств.

В диверсионной деятельности в Крыму по заданию украинской разведки летом 2016 года обвиняли также Ридвана Сулейманова, однако затем его приговорили к году и восьми месяцам колонии общего режима по обвинению в заведомо ложном сообщении о теракте. В настоящее время Сулейманов находится на свободе.

Трех человек ФСБ обвинила в том, что они планировали взорвать несколько объектов военной инфраструктуры и жизнеобеспечения в Севастополе осенью 2016 года.

Дмитрий Штыбликов — пять лет колонии строгого режима, находится в колонии № 6 в Омске.

Владимир Дудка — находится в СИЗО № 1 в Симферополе.

Алексей Бессарабов — находится в СИЗО № 1 в Симферополе.

Всех троих обвинили в приготовлении к диверсии и незаконном хранении оружия и взрывчатки. Штыбликов признал вину и заключил соглашение со следствием о вынесении приговора без анализа доказательств. Дело Дудки и Бессарабова суд вернул в прокуратуру для устранения недостатков. Родственники Дудки утверждают, что его пытали с помощью ударов тока.

Еще двух человек, по мнению следствия, связанных с предыдущей группой, поначалу обвиняли в сборе информации о Черноморском флоте по заданию украинской разведки. Однако затем эти обвинения сняли.

Алексей Стогний — три с половиной года колонии общего режима, штраф в 120 тысяч рублей, точное местонахождение неизвестно.

Глеб Шаблий — точное местонахождение неизвестно.

Обоим предъявили обвинение в незаконном приобретении и хранении оружия и взрывчатки. Кроме того, Стогния обвинили в изготовлении взрывного устройства. В каком состоянии сейчас дело Шаблия, неизвестно.

Кроме того, в конце лета 2017 года по обвинению в подготовке диверсии (повреждения линии электропередач, поджога лесного массива, обвала горных пород) был арестован Геннадий Лимешко. Судя по видео с признательными показаниями, обнаруженному сразу после задержания, его били. 10 мая 2018 года он был приговорен к восьми годам лишения свободы, но по статьям о незаконном хранении оружия и взрывчатки, а также изготовлении взрывчатых веществ. Подробности о его деле известно немного (**Правозащитный центр «Мемориал»**).

Ещё один человек, который мог бы попасть под определение «диверсантов», но у него оказалось другое обвинение, — Александр Стешенко.

Центральный районный суд Симферополя приговорил гражданина Украины Александра Стешенко к двум годам колонии-поселения, признав его виновным в поджоге дома муфтия Крыма Эмирали Аблаева, передает «Интерфакс» со ссылкой на пресс-службу регионального управления ФСБ.

Его признали виновным в умышленном поджоге чужого имущества, совершенного организованной группой (часть 3 статьи 35, часть 2. статьи 167 УК). Свою вину Стешенко полностью признал и заключил досудебное соглашение со следствием. Уголовное дело об участии в экстремистском сообществе (часть 2 статьи 282.1 УК) в отношении гражданина Украины прекращено.

<...>

Как считает ФСБ, в январе [группировка, в которую по материалам следствия входил Стешенко] с помощью бутылки с зажигательной смесью они подожгли дома муфтия, а также планировали «совершить провокацию» в Крыму накануне годовщины подписания указа «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». За каждую «акцию» в Крыму, утверждает ФСБ, участникам группы обещали заплатить по 500 долларов (**портал «Медиазона», 22.08.2001**).

Уже в декабре 2018 года был арестован крымскотатарский активист Эдем Бекиров по обвинению в том, что он перевез через границу и спрятал в «схроне» сумку с 12 кг тротила и 192 патронами. Всё обвинение строится на показаниях одно-

го свидетеля. Сам Эдем Бекиров тяжело болен, носит протез ниже колена, недавно перенес тяжелую операцию на сердце и страдает диабетом. В настоящее время находится в СИЗО. Судя по информации от сокамерников, находится в тяжелом состоянии здоровья.

Поскольку аресты по обвинению в разного рода диверсиях продолжают, к сожалению, никто не может сказать, что даже до выхода этой книги не появится новых настоящих или мнимых диверсантов в Крыму.

Возможно, когда сидишь дома, ходишь на работу и втыкаешь в телефон, арест на несколько месяцев кажется не большой трагедией. А домашний арест представляется и во все курортом среди новостной ленты. Но в реальности — это разрушенные судьбы, часто — семьи, потерянное здоровье. И тут, черт подери, неважно, сделали ли люди то, в чем их обвиняют. А важно — было бы это, если бы не события 2014 года или нет.

Если продолжать считать, что на этом месте у нас уже 112 человек, против которых были возбуждены уголовные дела. И не были бы возбуждены, если бы не. Добавим к этому ещё уголовное дело в отношении главы местной общины Свидетелей Иеговы. Итого — 113 человек.

Как минимум два дела в Крыму возбуждено по шпионажу: Леонид Пархоменко, бывший кадровый офицер Черноморского флота, которого обвинили в шпионаже в пользу Украины. Арестован 24 ноября 2016 года. 11 декабря 2018 года он был приговорен к 14 годам колонии строгого режима. Второе дело — и вовсе за шпионаж в пользу Китая. 24 апреля того же 2016 года был арестован крупный севастопольский предприниматель Владимир Гореликов, который 7 июня 2018 года был приговорен к 11 годам колонии строгого режима.

История Владимира Гореликова удивительная даже для нашего времени, когда удивляться уже устала настолько, что надеешься только сохранить возможность расстраиваться. Возможно, в не столь уж далеком, но существовавшем в совершенно другой исторической и политической реальности 2009 году Украина заключила с Китаем договор о поставках военного корабля «Зубр». Даже двух кораблей. Корабли были разработаны ещё в Советском Союзе, Украина их усовершенствовала и собиралась продавать Китаю. Владимир

Гореликов — крупный предприниматель Севастополя — был руководителем субподрядчика по изготовлению этих корабликов. Ещё украинские спецслужбы пытались возбудить дело против Владимира, обвинив его в передаче проектной документации Китаю в обход заключенных договоров. Однако арестован он не был и находился на свободе. России очень не нравился контракт Украины с Китаем. В частности, потому что сама Россия от такого же контракта отказалась, заявив, что «такие зверушки нужны самому». В результате — также (как и СБУ) возбудила уголовное дело против трех человек в России. Одного ученого, одного конструктора и одного (по всей видимости) предпринимателя. Последний умер в СИЗО, не дожив до приговора, конструктор признал вину, рассматривался в особом порядке и получил условный срок в января 2014 года, а ученый (тоже признав вину на суде) — 8 лет строгого режима. Они обвинялись в том, что передали путем закачки на файлообменники mail.ru и yandex.ru документацию по «Зубрам» украинской судостроительной компании.

После аннексии уже российские силовики прекратили производство по украинскому делу в отношении Владимира Гореликова и на радостях возбудили собственное. Видимо, «госизмена», в которой обвинялся Владимир, подразумевала измену не той стране. Поэтому почему бы не возбудить дело (как это принято российскими властями в Крыму) за действия, которые были совершены до появления в Крыму России. При этом, как утверждает сам Владимир, если СБУ обвиняли его в том, что он в обход украинско-китайских договоров передал документацию, то российские власти его обвиняют в том, что он это сделал в рамках договоров. Особую пикантность ситуации добавляет то, что «сотрудники СБУ в Севастополе» и «сотрудники ФСБ в Севастополе» должны быть одними и теми же людьми.

Подробно про это дело (с комментариями экспертов, а также про всякие подробности) можно прочитать у Юрия Изотова в статье «Охота на «Зубра» на заблокированном в России сайте Грани.ру от 2 августа 2018 года.

Конечно, учитывая наличие уголовного дела со стороны СБУ, трудно однозначно утверждать, что если бы не аннексия, то Владимир был бы на свободе, но, во-первых, за (как

минимум) три года до аннексии он был на свободе после возбуждения дела, а во-вторых, как я долго и занудно писала в начале этого обзора, эти все списки — это исключительно субъективный взгляд. И, на мой исключительно субъективный, это дело настолько интересно, что заслуживает быть тут.

Итого: 115 человек.

Ещё одно столь же удивительное дело, хотя и совершенно из другой «оперы» — это дело Кабира Мохаммада. Его арестовали 14 сентября 2016 года при въезде в Крым. Кабир — уроженец Афганистана, гражданин Украины (в Украине живет с 1986 года) — вместе с женой и двумя детьми ехал отдыхать в свою квартиру в Ялте поправлять здоровье после инсульта. Однако российские пограничники обнаружили в базе Интерпола человека по фамилии Ниязи с двумя именами (первым и вторым) — Мохаммад Кабир. Консульство Афганистана в Украине выдавало справки, что это два совершенно разных человека. У них совершенно разные фамилии, и совпадает только одно имя. Но разве ж официальная информация от Афганистана, включившего Ниязи в базу Интерпола, — указ российскому суду? Трижды продляли содержание под стражей Кабиру. 363 дня провел он в СИЗО, затем был отпущен под подписку о невыезде. В 2018 году Кабир из-под подписки пересек границу России и Украины.

Это дело прямо никак не связано со статусом полуострова, но очевидно, что без российских пограничников его бы не было. 116.

Я не буду говорить, что в Украине нет липовых уголовных дел. Уверена, что есть. И не моё это дело. В России липовые уголовные дела есть. И много. И далеко не все они имеют политический подтекст. Не всегда есть политическая основа этих дел. Как правило, это связано со статистикой, раскрываемостью, так называемой «палочной системой» (норма выработки по возбуждению уголовных дел по определенной статье), иногда — с какими-то странными цепочками случайностей. Но всегда с непрофессионализмом и с непониманием своих обязанностей со стороны разного рода служб.

А иногда — фиг поймешь, есть политический подтекст или нет. Или его очень трудно найти и обосновать. Самым громким таким делом в Крыму стало «дело о вымогателях», или «дело Веджие Кашка». Чудовищное не только по своей

жесткости и трагичности, но и бессмысленности дело. В октябре 2017 года казалось: российские власти, освободив заместителей председателя Меджлиса крымскотатарского народа Ахтема Чийгоза и Ильми Умерова (выдав их Турции), пытались показать, что в Крыму они не преследуют крымских татар как народ, а только мусульман и только по обвинению в терроризме. И вот на таком фоне разразилась эта жуткая история.

Прошу прощения у тех, для кого это очевидно, но для понимания ситуации это важно. Центральной, скрепляющей, ключевой (не знаю, какой ещё эпитет привести) для крымскотатарского народа является история возвращения на родину из депортации. Какие бы личные стратегии люди ни выбирали, какими бы другими смыслами (профессиональными, религиозными или другими) ни наполняли свою жизнь, история депортации и история возвращения в Крым — главная. При этом надо понимать, что в Крыму живут либо сами участники движения за возвращения (в той или иной степени активные), либо их потомки. Если к этому добавить традиционное уважение к старшему поколению и то, что героическая история народа была совсем недавно, а герои живы, то можно себе представить положение ветеранов крымскотатарского движения в обществе. Веджие Кашка родилась 1 июля 1935 года. В неполные 10 лет в 1944 году вместе со всеми крымскими татарами была депортирована из Крыма. В 1950-е присоединилась к крымскотатарскому движению. В 1960-х дважды пыталась приехать в Крым, но крымских татар в это время практически не прописывали в Крыму. И выгоняли из-за отсутствия прописки («делали всё возможное для оказания помощи по переезду»). В 1974 году при помощи Сахарова Веджие удалось поселиться в Крыму. Веджие была невероятно красивой, очень хрупкой пожилой дамой. Прошедшая депортацию хоть и в детстве, но в сознательном, затем — движение за возвращение, вернувшаяся в Крым на полтора десятилетия раньше массового возвращения — она была символом для народа. С 2014 года посещала суды над крымскими татарами. Веджие воспитывала внучку Алие, оставшуюся без матери ещё школьницей. В 2017 году Веджие бита (бабушка, крымскотатарский) было 82 года, она была уже тяжело больна. Но боролась со своей болезнью.

А её внучка познакомилась с молодым человеком Юсуфом Аитаном: любовь, роман, планы на будущее. Перед свадьбой молодой человек «одолжил» у семьи \$7700 для организации торжества и дальнейшей совместной жизни, написав соответствующую расписку. Но «не сложилось». Регистрировать брак не стали. Провели ниях (религиозный обряд бракосочетания), а через неделю молодой супруг сообщил жене, что семейная жизнь окончилась. Денег — понятное дело — уже не было. Веджие попыталась сама поговорить с неудавшимся зятем, но безуспешно. И обратилась за помощью и защитой к старым друзьям по крымскотатарскому национальному движению, которые хоть и были несколько моложе, но тоже не мальчики. Те несколько раз разговаривали с Юсуфом, убеждая его вернуть деньги бабушке. В ответ он (злые языки говорят, что не без помощи новой будущей жены) написал заявление в отдел по борьбе с экономическими преступлениями о том, что у него деньги вымогают.

Нельзя сказать, что такой способ избавления от долгов — ноу-хау Юсуфа. Так делают в России, так делали в Украине: задолжал кому-то, заявляешь в полицию о вымогательстве. А там — пока суд да дело, может, ишак, может, падишах. Может, суд решит, что не должен или должен, но не столько. А может, и вовсе повезет: у силовиков план горит по статьям о вымогательстве. А если ещё и публичные люди, близкие Меджлису, который российская власть запретила, то и вовсе непонятно, как фишка ляжет.

И вот 23 ноября 2017 года к месту назначенной встречи для передачи денег Юсуфом пришли Веджие, а также активисты национального движения Бекир Дегермеджи (57 лет), Асан Чапух (65 лет) и Кязим Аметов (60 лет). А вслед за ними в кафе вломились силовики при полном «параде»: в касках, масках и бронежилетах. Они положили на пол не только тех, кого собирались задерживать, но и посетителей кафе. А заодно — соседнего кафе, куда вломились сперва по ошибке. Позже совсем в другом месте был арестован четвертый — самый молодой фигурант этого дела Руслан Трубач (ему уже в тюрьме исполнилось 52 года).

Свидетелей, которые бы сказали, что к Веджие применяли силу, не было. Тем не менее её задержали и посадили в автобус. Даже если силовики вели себя наилучшим образом

из тех, которые есть у них в арсенале, для пожилой и тяжело больной женщины — это явно перебор. Веджие Кашка умерла примерно через час в машине скорой помощи от сердечного приступа. После этого плохо стало в СИЗО Бекиру Дегермеджи. Я хорошо знакома с Бекиром агъа. Год с весны 2015 по весну 2016 года в СИЗО находился его сын — Мустафа Дегермеджи по «Делу 26 февраля». Заседания обычно проходили в Центральном районном Суде Симферополя или в Верховном суде (при обжалованиях). Бекир агъа был душой собраний солидарности около судов. Всегда в хорошем настроении, неунывающий, угощающий всех кофе и выпечкой. Как будто не его сына судят. Мустафу в апреле 2016 года отпустили под домашний арест. А Бекира в ноябре 2017 года арестовали. Но здоровье сразу стало сдавать. Тяжелая астма с обструктивной болезнью легких, куча сопутствующих заболеваний, курящая камера — на суды по мере пресечения вызывали скорую: ни дышать, ни говорить Бекир агъа без кислородного баллона не мог. У другого арестованного Асана Чапуха случился инсульт. В медсанчасть его не переводили, время от времени показывали тюремному врачу. Он даже объявлял голодовку с требованием оказания ему медицинской помощи. Потом обследование внутри СИЗО было проведено, но состояние здоровья всё ухудшалось, и 10 октября 2018 года суд изменил ему меру пресечения на домашний арест. А в ночь с 6 на 7 января 2019 года его срочно госпитализировали в тяжелом состоянии.

Что это? Цепь трагических и бессмысленных случайностей? Непрофессионализм силовиков? Жестокость системы? Предубеждение по отношению к крымским татарам вообще и связанным с Меджлисом в частности? Думаю, всё вместе. 120.

Намного менее известное дело и не с такими трагическими последствиями, но тоже абсолютно липовое с неочевидными политическими основаниями — «дело о поджогах машин».

В январе 2016 года вдруг на Южном берегу Крыма стали гореть машины. Кто-то их, очевидно, целенаправленно поджигал. 23 января того же года после поджогов 13 машин были арестованы трое молодых людей: Сергей Кудряшов, Муеддин Аливапов и Вячеслав Бутник. Однако поджоги не прекратились. По сообщениям прессы, до марта 2016 года всего сгорело не менее 40 машин. Однако 6 месяцев молодые

люди провели в СИЗО. 23 июля они были освобождены из-под стражи под подписку о невыезде. В суде заявлялось об избиениях ребят. Основным доказательством были самооговоры под пытками и сомнительные свидетельские показания. Были даже прямые доказательства алиби (биллинг телефона в момент поджога в совсем другом месте), не все молодые люди были в принципе между собой знакомы. Но это всё не помогло. Расследование, суды, обжалования длились 2 года. И закончились только в январе 2018-го. Апелляция прошла 18 января. Все трое были приговорены к колонии-поселению. Муеддин (в качестве организатора) — четыре с половиной года, Сергей Кудряшев и Вячеслав Бутник по три и два с половиной года, соответственно.

К сожалению, такой способ «ведения дел» — обычная практика для российского «правосудия». Вот только незадолго до ареста к семье Муеддина Аливапова приходили силовики, интересовались его братом, который участвовал в крымскотатарском движении и был активно проукраински настроенным и за 10 дней до ареста Муеддина выехал на континент Украины.

То ли силовикам нужен был виноватый, потому что владельцы сгоревших машин требовали расследования, а Муеддин попался на глаза во время проработки брата, то ли правда — это такой извращенный способ преследования если не самих инакомыслящих, то хотя бы членов их семей, то ли просто совпадение. Но поскольку дело липовое, вопросов намного больше, чем ответов, в деле присутствуют пытки и показания, под ними полученные, то во многих списках пострадавших от российской власти в Крыму молодые люди тоже присутствуют.

23 января 2019 года был арестован Эдем Кадыров по подозрению в участии в добровольческом батальоне имени Н. Челебиджихана, который участвовал в блокаде Крыма, по обвинению в «участии в незаконном вооруженном формировании» (ст. 208, ч.2 УК РФ). В тот же день за предполагаемое участие в этом же батальоне по той же статье Февзи Саганджи был приговорен к 10,5 годам лишения свободы. Февзи был арестован 20 марта 2018 года, но тогда никаких публичных заявлений или комментариев на эту тему не было. Об аресте стало известно от пресс-службы ФСБ, которая фамии-

лии арестованного не называла. В январе 2019 года Ленур Ислямов, глава батальона, заявил, что не знает Эдема Кадырова и в деятельности батальона тот участия не принимал. Но даже если принимал, то крайне трудно предположить, что человек, который был участником батальона, занимавшегося блокадой Крыма, поедет в Крым и будет там спокойно ждать неминуемого ареста.

Итого: 125 человек.

Но если в отношении этих 125 человек есть различные списки, заявления, разные по интенсивности и активности кампании в защиту, поддержка родных и самих заключенных, передачи, письма, выступления международных политиков и многое-многое другое, то люди, о которых я буду писать дальше, лишены любой поддержки, кроме поддержки внутри Крыма. Это те люди, которые с радостью встретили явление России в лице российских военных, с разной степенью вовлеченности участвовали в «Русской весне», а потом не остановились в своей активности и решили, что теперь-то, на «своей земле», в «своём Крыму» они станут востребованными, и продолжили активничать в самых разных сферах. Но российская репрессивная машина не разбирает на своих и чужих. Я уже писала об административных преследованиях, но без уголовных тоже не обошлось.

2 июля 2016 года от имени бывшего мэра Феодосии Дмитрия Щепеткова был опубликован пост:

«21.12.2015 я был задержан сотрудниками ФСБ во дворе администрации г. Феодосии около 14.00. После произведенного в моем присутствии обыска у меня дома по адресу: с. Солнечное, ул. Центральная, д. 5 я был доставлен около 20.00 в здание ФСБ г. Феодосии по ул. Кирова.

Позднее я находился в кабинете на 2 этаже, слева от лестничной площадки. Два сотрудника спецподразделения ФСБ, производившие задержание, надели мне на руки наручники (сзади), на голову — мешок из плотной материи и в положении «ласточка» отвели в помещение, расположенное на 3 этаже корпуса, пристроенного к основному зданию ФСБ в 2000-х годах (я могу показать или примерно схематически изобразить расположение данного помещения!). Подъем на 3 этаж по узкой, возможно, деревянной лестнице с двумя пролетами. Один из сотрудников, высокого роста, был в балаклаве, с очень характерным сухим кашлем. На третьем

этаже меня завели в небольшое (по звуку) помещение, где либо пол был устлан полиэтиленом, либо он свисал в виде занавесей (что я также заключил по характерному звуку). Меня усадили на обычный стул, ноги фиксировали к ножкам стула скотчем, голову в проекции лица также плотно обмотали скотчем. На большие пальцы расположенных сзади в наручниках рук намотали витую проволоку диаметром 2-3 мм. В соседнем помещении (или в дальнем углу этого) включили негромкую фоновую музыку. Позднее на намотанную на пальцы рук проволоку подавали электрический ток — подходов 7-8 по 7-10 секунд. При этом били по голове, по туловищу, задавали вопросы: «Кого я знаю в Абхазии?», «Кто такие Белоусько и Зайцев?», «Кто придумал схему получения денег?» и т. д. От недостатка воздуха в плотном мешке я потерял сознание, после чего срезали скотч с мешка и приподняли его на лице, чтобы я мог дышать. Позднее ножом срезали скотч с ног, при этом разрезав край джинсов. Не снимая наручников и мешка с головы, меня спустили с 3 этажа на 2-й, провели в противоположное крыло 2 этажа, вывели на улицу (балкон, дворик?). Сказали, что мне еще предстоит купание в море в наручниках (спросили, умею ли я плавать в наручниках с руками за спиной). Угрожали, что если я не буду сотрудничать с ФСБ — проблемы только начинаются. Вернули в ту же комнату на 2 этаже, откуда забрали ранее. За компьютером сидел молодой худощавый опер. Глядя в экран, цитировал мне фрагменты моих (?) переговоров. Сказал, что моя судьба решена — мне надо «во всем» сознаваться — все равно посадят, а так я еще и семью потеряю, если буду упорствовать (мол, есть на меня компромат). Рядом с помещением, где я находился (напротив), все время находится дежурный сотрудник ФСБ — должен был все видеть. Вышли из здания ФСБ — сели в «фольксваген»-транспорт. Сотрудник в балаклаве был все время рядом. В Симферополе было произведено формальное освидетельствование на Февральской(?). В ИВС я предъявил дежурному следы от электропоражения на пальцах в присутствии Макара Макарова и сотрудника ФСБ (на 1-м пальце левой кисти характерные инкрустации металла от ожога, справа — циркулярная борозда ожога, шириной до 3 мм). Позднее вызов скорой помощи — 2-е мужчин (врач и фельдшер) — ЭКГ, АД 150/100 мм рт ст, я предъявил им телесные повреждения. Позднее следователь на допросе поинтересовался по поводу пыток — нигде не фиксировал. При даче показаний я просил назначить судебно-медицинскую экспертизу, экспертизу поврежденных джинсов.

Дмитрию Щепеткову на момент ареста был 41 год. Медик по образованию, бывший главврач детской больницы. Он был мэром Феодосии с 2013 года. В марте 2014 года поддерживал Россию. А 21 декабря 2015 года был арестован.

Дмитрий действительно зафиксировал все повреждения, неоднократно подавал жалобы на пытки, 5 раз адвокаты пытались возбудить дело о пытках и пять раз получали отказы в возбуждении. И почти через два года — 8 марта 2018 года Керченский городской суд приговорил его к 8 годам лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима за получение взятки в особо крупном размере. Несоразмерно большие взятки, в вымогательстве которых обвиняли Щепеткова (300 тысяч долларов), показания его бывшего заместителя, которого сперва арестовали, а после показаний отпустили под домашний арест, пытки. По самому крупному эпизоду — невооруженным глазом виден известный в Феодосии конфликт бывшего мэра и девелопера Лукичева, близкого властям Крыма, которому мэр отказывался подписывать разрешение на участок под строительство около моря, а также вводе в эксплуатацию многоквартирного дома. И девелопер Лукичев пошел в прокуратуру. Жители Феодосии писали письма в защиту бывшего мэра, ездили на суд, который подальше от людских глаз перенесли в Керчь, но машина работает безотказно. Подробнее можно почитать в «Новой газете» № 29 от 21 марта 2018 года в статье «Током пытали под музыку».

Опять же, не берусь судить: может быть, и правда слишком волосатая лапа у Лукичева. Может, сам Дмитрий Щепетков что-то не поделил с крымскими властями. А может, у силовиков план по коррупции горел. Это не имеет значения. Важно то, что эфэсбэшникам понадобилось пытать Дмитрия, а значит — доказательств у них не было. Или было явно недостаточно. А еще то, что уже к началу 2016 года силовиков совершенно не интересовало, за кого ты: за Россию или за Украину. А только, насколько ты удобен.

Второе дело (теперь уже по обвинению в вымогательстве) — дело против алуштинских активистов. Я процитирую сайт правозащитного центра «Мемориал»:

Назимов Алексей Валентинович родился 13 ноября 1963 года, проживал в Крыму, главный редактор сайта «Твоя газета». Приговорён к 4 годам 7 месяцам колонии общего режима по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ («Вымогательство группой лиц по предварительному сговору в крупном размере»). Находится под стражей с 4 октября 2016 года.

Степанченко Павел Анатольевич родился 14 мая 1988 года, проживал в Крыму, депутат Алуштинского городского совета. Приговорён к 3 годам 9 месяцам колонии общего режима по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ («Вымогательство группой лиц по предварительному сговору в крупном размере»). Находится под стражей с 4 октября 2016 года.

4 октября 2016 года в Крыму при передаче 120000 рублей в кафе «Караоке» сотрудниками ФСБ были задержаны главный редактор оппозиционного интернет-СМИ «Твоя газета» Алексей Назимов, депутат Алуштинского городского совета от КИРПФ Павел Степанченко и видеооператор «Твоей газеты» Андрей Облёзов. Следственным отделом ГСУ СК РФ по Республике Крым Алексею Назимову было предъявлено обвинение, предусмотренное п. «б» ч. 7 ст. 204 («Коммерческий подкуп, сопряженный с вымогательством предмета подкупа» — до 9 лет лишения свободы), а Павлу Степанченко и Андрею Облёзову — п. «а» ч. 2 ст. 204.1 («Посредничество в коммерческом подкупе, совершенное группой лиц по предварительному сговору» — до 5 лет лишения свободы) УК РФ.

По версии обвинения, Назимов при посредничестве Степанченко и Облёзова нанёс командиру алуштинской роты т. н. «Крымской самообороны» и члену партии «Единая Россия» Рыжкову А. Н. ущерб в размере 30.000 рублей, которые тот якобы передал в тот же день до этого Назимову, требовавшему в общей сложности 150.000 рублей. Такой же ущерб в размере 30.000 рублей якобы был причинён другому члену «Единой России» Красненкову А. Н., ранее передававшему им денежные средства 9 сентября 2016 года. Помимо этого действия обвиняемых якобы могли привести к тому, что алуштинское местное отделение «Единой России» могло быть вынуждено выплатить им ещё 450.000 рублей, чтобы Назимов прекратил публиковать «материалы (репортажи, сюжеты), содержащие позорящие алуштинское местное отделение КРО ВПП «Единая Россия», и иные све-

дения, которые независимо от их соответствия действительности могли причинить существенный вред правам и законным интересам алуштинского местного отделения КРО ВПП «Единая Россия», т. к. на последней встрече, в ходе которой произошло задержание, обвиняемые, по утверждению следствия, в 3 раза увеличили свои требования и потребовали 450.000 рублей вместо 150.000. Сами Назимов и Степанченко утверждают, что для них было неожиданностью то, что разговор о подобном увеличении в принципе начался и что его инициировали представители «Единой России», фактически осуществив провокацию.

1 марта 2017 года обвинение было переквалифицировано. По эпизоду с представителями «Единой России» Назимов, Степанченко и Облёзов стали обвиняемыми по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ («Вымогательство группой лиц по предварительному сговору в крупном размере», до 7 лет лишения свободы), по эпизоду с семьёй Сударевых Назимову было также предъявлено обвинение по п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ («Вымогательство в крупном размере», до 7 лет лишения свободы).

1 июня 2017 года в Алуштинском городском суде прошли предварительные слушания по делу. В тот же день, по утверждению Степанченко, он был избит начальником городского ИВС в связи с тем, что он вместе с Назимовым требовал соблюдения прав подследственных, в частности, обеспечение их медицинской помощью. 19 июля 2017 года, по утверждению защиты, избитию в зале суда подвергся и Алексей Назимов.

22 ноября 2018 года Алексей Назимов и Павел Степанченко были приговорены судьёй Алуштинского городского суда Светланой Ващенко к 4 годам 7 месяцам и 3 годам 9 месяцам колонии общего режима, соответственно.

Признаки политической мотивированности преследования
С большой долей вероятности обвинение алуштинских активистов в вымогательстве является необоснованным. В одном из эпизодов действия обвиняемых, по всей видимости, были неверно квалифицированы, а во втором случае есть основания предполагать, что обвиняемые в принципе не совершали инкриминируемых им деяний.

По эпизоду с якобы вымогательством у алуштинского местного отделения «Единой России» защита утверждает, что денежные средства Назимову в действительно-

сти передавали за неупоминание партии в критических материалах и за отказ от подчёркивания связи между алуштинскими чиновниками и ЕР, за общее снижение интенсивности критики партии «Твоей газетой». Лица, представлявшие данные средства, первыми предложили Назимову и Степанченко их получение якобы в связи с тем, что они опасались дестабилизации обстановки в Крыму и Алуште и срыва выборов в единый день голосования, а впоследствии — подрыва авторитета власти в Алуште, а средства якобы выделялись ими из т. н. «бюджета на работу с прессой» (фактически они были выделены из личных средств потерпевших в рамках оперативного эксперимента под контролем ФСБ). В течение длительного времени (несколько месяцев до момента задержания) они, по утверждению Назимова, на каждой встрече пытались связать факты передачи денежных средств с якобы имевшимся в распоряжении «Твоей газеты» «компроматом» на членов ЕР. Назимов это всякий раз опровергал, заявляя, что все критические материалы пишутся им только после общения с местными жителями и/или с использованием открытых источников и немедленно публикуются на сайте.

Версия защиты также подтверждается заключением экспертов-лингвистов.

Есть основания полагать, что в действиях обвиняемых отсутствует состав преступления в целом, т. к. все критические материалы, публикацией которых якобы угрожал (и которые фактически публиковал, судя по сайту «Твоей газеты») Назимов, содержали публичную критику государственных деятелей и правящей политической партии. Защита также утверждает, что все сведения, указанные в этих материалах, публичны и находятся в свободном доступе, их распространение не могло представлять значимой угрозы для потерпевших. По смыслу ст. 163 УК РФ, угроза распространения общеизвестных сведений не должна рассматриваться как образующая объективную сторону состава такого преступления, как вымогательство.

По версии защиты, деньги брали не за то, чтобы не упоминать какие-то сведения, порочащие членов «Единой России», а за то, чтобы не упоминать о том, что они члены этой партии. Обвинение не утверждает, что сведения об их членстве в ЕР порочат потерпевших, а об угрозе распространения сведений, порочащих ЕР, говорить не прихо-

дится, поскольку отделение ЕР не признано потерпевшим. В данной ситуации можно говорить лишь о гипотетическом нарушении Назимовым норм журналистской этики, при том, что сайт, который он редактировал, не был зарегистрирован как СМИ, а сам Назимов формально являлся обычным блогером. Есть основания считать, что версия о том, что правящая партия в предвыборный период самостоятельно расходовала денежные средства на создание благоприятной для себя медиасреды, является более правдоподобной, чем утверждения обвинения о якобы имевшем место вымогательстве. Более того, передача средств владельцу сайта с целью формирования более благоприятного освещения той или иной общественно-политической силы в принципе не может рассматриваться в качестве вымогательства.

Ознакомившись с материалами дела, в т. ч. с обвинительным заключением, мы не смогли однозначно установить, имело ли место вымогательство и то, кто в принципе поднял тему о выплатах средств Назимову и Степанченко. Это позволяет говорить о неустранимых сомнениях, которые, безусловно, должны толковаться в пользу обвиняемых.

Последнее дело в этом разделе — это дело Дмитрия Джигалова. Дмитрий родился в Крыму, но после распада Советского Союза уехал в Москву, в которой жил и работал до 2014 года. Будучи патриотом Советского Союза, весной 2014 года приехал в Крым, чтобы присоединиться к «Русской весне», а потом активно участвовал в Антикоррупционном бюро Крыма. Летом 2017 года против него и его соратника Олега Семенова было возбуждено уголовное дело по статье 282 УК РФ. Олег Семенов даже провел полгода в СИЗО за «нарушение правил подписки о невыезде» (после его перевели под домашний арест). Судакский суд в июле 2018 года приговорил Дмитрия и Олега к штрафам в 300 и 50 тысяч рублей, соответственно. Про его уголовное дело я поговорила с Дмитрием:

Они не могли долгое время ни на чем нас [Антикоррупционное бюро Крыма] поймать. Мы при всех своих походах в администрацию или куда-то старались каждый свой шаг снимать на камеру для того, чтобы не было поводов нас обвинить в чем-то. В противоправных действиях, например, что мы что-то сломали, кого-то ударили. Понимаете?

И в одном из походов мы шли к депутату Госсовета Крыма Шумасу Иван Аристовичу. У нас был ряд вопросов, которые мы хотели с ним решить: это свалка несанкционированная в лесу, которая уже там десятилетия, никто с ней ничего не делает, детский лагерь, незаконный захват земли у исторического музея, детский садик, который пытаются отобрать, чтобы построить дом, подделав документы.

И один из членов бюро в процессе разговора высказал неудовольствие свое по поводу того, что правительство Болгарии не приглашает российскую делегацию и конкретно президента России на празднование дня освобождения Болгарии от Османского ига. Вы же знаете, да, 1878 год, насколько я помню, российская армия освободила Болгарию от Османского ига... И он обозвал правительство Болгарии. Оно не очень страшное слово. Мы слышим ежедневно по телевизору гораздо хуже... Но было написано некое заявление неким Павлом Повишным, обычным сотрудником МЧС, супруга работает у которого в исполкоме, и это заявление было подписано всеми муниципальными служащими. Естественно, ни один простой человек его не подписал, то есть это был конкретный заказ, и конкретно его подписывали люди, которые имеют отношение к «Партии Регионов» (теперь и к «Единой России»).

На суде они все путались в показаниях, отказывались от показаний. Все свидетельские показания были сделаны как под копирку, до слов и запятых. Что для судьи не было фактом для того, чтоб понять, что это подделка.

282-ая наша любимая русская статья. Я обратился в международную правозащитную организацию, потому что все адвокаты крымские разбежались от меня, как только слышали... Приходишь, начинаешь: «Вот мне нужен адвокат». Они: «Да, наши услуги будут стоить... не знаю там, 70, 100 тысяч». Когда узнавали, кто я, что я и против кого встаю, люди либо переставали брать трубку, либо занесли в черный список, либо просто тихо шепотом говорили: «Нет, пожалуйста, я в это не полезу, пойми, меня тут грохнут». Вот такие слова были даже от адвокатов.

По запросу моего адвоката из правозащитной организации Сазоновой Юлией Александровной была сделана внесудебная экспертиза. Она доктор филологических наук, у нее, по-моему, около 24 лет судебной практики и в том числе филологический. Она одна из соавторов методологии по 282-й статье, по которой оценивают, содержат или не содержат материалы экстремистские высказывания.

Ей была отправлена эта видеозапись, на основании чего она сделала свою экспертизу, и предоставили мы ее в суд, и Юлия Александровна тоже была на суде. Но для судьи, который пришел уже с готовым решением, это не было тоже фактом для того, чтобы пересмотреть.

Более того, апелляционный суд прошел, я увидел и по сути мной заданных вопросов, и по общению с судьей, что человек тоже пришел с готовым решением.

Я даже на последнем слове сказал: «Вы знаете, — я говорю, — мне бесполезно вам что-то говорить. Я понимаю, что вы пришли с готовым решением, и то, что в отношении нас были противоправные действия и что это сведения счетов и это политический заказ, вы это всё прекрасно знаете, но вы сделаете из нас дальше уголовников».

Я сказал: «Но вы не последняя инстанция. Есть еще Верховный Суд России, ну и есть, к сожалению, Европейский суд по правам человека, в который нам придется обратиться, хотя я, как патриот России, я для себя не считал никогда возможным обращение в какие-то вот подобные организации, но меня ситуация вынуждает это делать».

Последняя фраза этой цитаты очень точно передает представления пророссийских активистов, которые в уголовных и своих административных преследованиях винят местные крымские власти, считая, что Россия недостаточно зашла в Крым, оставив у власти всё тех же людей, которых они винили в состоянии Крыма при Януковиче. Пытаясь освещать свои проблемы в прессе, так же, как Дмитрий, который был вынужден был обратиться к правозащитной организации и в Европейский суд, что он «как патриот никогда не мог подумать, что сделает», активисты вынуждены обращаться или давать комментарии в либеральные российские и украинские СМИ. Одна очень пророссийская активистка так рассказывала об этом:

«Мне написали [украинское издание]: Наталья Владимировна, готовы ли вы высказать свое субъективное мнение по поводу вот этого вопроса? Я его высказываю в личных сообщениях. Потом вдруг начинается, все вокруг кричат: Эти крымские общественники, которые так ратуют за Россию, оказывается, работают на Украину, они пособники!!! Я ничего не поняла. Мне присылают ссылку. Смотрю:

да, действительно, взято в скобках от слова до слова, что я сказала. Единственное, что меня не устраивало, написано: «Мнение активных общественников и правозащитников аннексированного Крыма». Вот за это слово «аннексированный» началось гонение.

Я не знаю, кого считать, а кого — нет. Не знаю, нужны ли кому-то эти цифры. Наверняка о большом количестве дел мы (общество) не знаем совсем. Есть дела, про которые непонятно, как писать. Например, за то время, которое я писала эту главу (с ноября 2018 по январь 2019 года), были арестованы как минимум два человека по обвинению в участии в крымскотатарском батальоне имени Номана Челебиджихана. Об их арестах известно из сообщений ФСБ, и неизвестны даже имена. По крайней мере пока. И вообще, пусть ФСБ, полиция и суды отчитываются статистикой. Это у них цифры. А у нас люди. И какая, к черту, разница — сколько.

Меня часто спрашивают: в чем особенность репрессивной политики Крыма. Чем она отличается от репрессивной политики России. Если попытаться сформулировать ответ на этот странный вопрос, то, наверное, он бы прозвучал так: разница в том, то крымчане «не пересекали границу РФ. Это РФ пересекла границу Крыма» и пришла на место, где жили люди — по каким-то правилам, с какими-то традициями, как-то работали, во что-то верили, — и принесла с собой свои правила. И сажает теперь тех людей, которые ничего не меняли в своей жизни (ни взглядов, ни действий, ни места жительства). Единственно, особенностью «правоприменения» можно назвать только чуть большую концентрацию дел о диверсантах.

Право на свободу от пыток

В этом месте должен быть большой раздел о пытках и жестоком обращении. Но если посмотреть весь предыдущий — про аресты и уголовные дела, то можно увидеть, что пытки — это обычная составляющая почти любого уголовного дела. Я не буду здесь пересказывать все истории арестованных людей. Но, к сожалению, пытаются в Крыму не только тех, кого арестовывают.

Записи из моих полевых дневников, 2016 год:

«Разоблачают» очередную «террористическую ячейку».

Как обычно, помимо тех, кого в итоге обвинят, задерживают еще несколько человек: обыски, допросы, показания и т. д. Одного молодого человека привозят в местное отделение ФСБ. Просят дать показания на арестованных друзей. Он отказывается.

В качестве меры принуждения надевают полиэтиленовый мешок на голову, перекрывают доступ кислорода, мешок снимают. Молодой человек судорожно дышит.

— Подписывай!

— У нас же правовое государство. Имею право не подписывать.

Занавес.

Очень показательна в этом смысле история, которая произошла с Энвером Крошем 16 декабря 2015 года. Его выманили в отделение полиции звонком дальнего родственника — сотрудника полиции. И там несколько часов пытали током и били попеременно, то обвиняя в хранении наркотиков, то спрашивая о принадлежности различных односельчан к партии Хизб ут-Тахрир. Для Энвера Кроша всё закончилось хорошо. Его отпустили домой, взяв «расписку о неразглашении произошедшего в отделе в полиции».

Другая история произошла с Эмилем Мухтеремовым в марте 2017 года. Его задержали сразу после ареста четырех активистов по обвинению в участии в Хизб ут-Тахрир из Ялты (так называемой «Ялтинской четверки»), его вывезли в чистое поле в 80 км от населенных пунктов, заставили копать себе могилу, угрожали, требовали сотрудничать, а потом прямо там и бросили в поле.

Таких историй очень много, но о них стараются не говорить: отпустили — значит, появился шанс на нормальную жизнь. По крайней мере пока.

Право на жизнь

Казалось бы — что может быть проще «неотъемлемое право на жизнь, охраняемое государством». В самых разных правовых системах, начиная с Библии и Корана, во все

времена люди пишут «не убий». «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» — гласит Всеобщая декларация прав человека аж с 1948 года. Но у многих государств есть право на убийство, а те, которые не декларируют своего права на убийство, делают это без письменного права. А уж в части эффективной защиты человеческой жизни государством и говорить нечего.

Страшнее арестов, пыток и убийств — на мой взгляд — это безвозвратные похищения людей. Когда родные и близкие надеются, окружающие смотрят сочувственно, появляются гадалки, экстрасенсы, люди, «точно знающие о существовании подпольной тюрьмы на Крайнем Севере России», мошенники, передающие приветы от пропавших. Вот это страшно. Эти ожидания и надежда сводят с ума. А ещё, когда мы рассматриваем уголовные дела на предмет наличия или отсутствия политической мотивации властей, у нас есть источники (уголовные дела, рассказы арестованных) и моральное право (люди живы, и мы можем заниматься, в общем-то, своими интеллектуальными упражнениями: политзэк/не политзэк, узник совести/не узник совести — до посинения). Когда же люди просто бесследно исчезают, это настолько страшно, что хочется только кричать, чтобы достучаться. Но чтобы тебя услышали люди, спящие в теплых кроватях и едящие суп за столом в окружении семьи, им нужны страшные цифры, разорванные на куски тела, зомби, ходящие по улицам. Без этого уровень ужаса передать почти невозможно. Я такой же механизм видела у беженцев из зон боевых действий. Люди зачастую пересказывают как факт то, что увидели по телевизору, не потому что хотят обмануть, а потому что передать ужас от звука обстрела соседнего района человеку, который слышал только хлопучки на Новый год, а оружие видел только в кино, можно, лишь используя какие-то дополнительные средства.

И люди начинают прибавлять. Сперва пропавших без вести людей своего круга (национальности, вероисповедания, взглядов), потом просто пропавших без вести, потом пропавших, но позже найденных, и так далее.

А потом приходит кто-то типа Саши. И пытается сказать, что 15 похищенных безвозвратно людей с достаточными основаниями для того, чтобы считать, что в их похищении-

ях участвовали силовые органы или паравоенные образования, — это тоже ужас. И не меньший, чем если мы включим в их число криминальные истории и несчастные случаи. И чувствует себя Саша при этом дерьмом. Потому что как бы ты ни пыталась это объяснить, звучит паршиво.

Самая первая жертва российской агрессии — майор украинской армии Станислав Карачевский, который был убит 6 апреля 2014 года (по свидетельствам сослуживцев) российскими военными в спину из автомата в коридоре общежития в Новофедоровке в результате конфликта. Это единственный случай, когда было проведено расследование и установлен виновный. Российское следствие в Крыму выдвинуло версию (и суд её и посчитал доказанной) о том, что украинские военные были пьяны, из-за чего и развязался конфликт. В итоге один из них — российский морской пехотинец Евгений Зайцев — применил оружие, в результате чего Станислав погиб. 13 марта 2015 года Евгений Зайцев был признан виновным и приговорен к двум годам колонии-поселения.

Весной 2014 года Самооборона хватала различных людей на улицах, привозила их в неизвестные помещения, била, пыталась, иногда людей отпускала, иногда так и не находила. Я не буду тут описывать те истории, которые закончились более-менее благополучно.

Каждое похищение — это трагедия. Трагедия родных, друзей, тех, кто ищет. Бесконечное количество боли. Я не знаю, как говорить об этом, чтобы не впасть в истерику. Поэтому я просто приведу фрагмент доклада Крымской полевой миссии, одним из авторов которого я была.

«А) С выявленными признаками насильственного исчезновения

1. Решат Аметов

Задержан 3 марта на центральной площади Симферополя напротив Совета министров Крыма неизвестными людьми в камуфляжной форме. Спустя 10 дней его тело со множественными следами насилия было обнаружено в селе Земляничное Белогорского района. Причина смерти — проникающее колото-режущее ранение ножом в глаз. В начале апреля Следственный комитет Следственного управления Российской Федерации по Республике Крым возбудил уголовное дело по ч. 1 статьи 105 Уголовного Кодекса — «убийство». 4 ноября 2014 года уголовное дело № 2014417004 по факту убий-

ства Решата Аметова было приостановлено, официальная причина: «Лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено». Лица (бойцы «Крымской самообороны»), которые причастны к похищению Решата Аметова, установлены, однако в деле проходят в качестве свидетелей.

2. Иван Бондарец, Владислав Ващук

В начале марта 2014 пропали Бондарец Иван, 1990 г. р., и Ващук Владислав, 1985 г. р. Последний раз они выходили на связь из Симферополя 7 марта около 7:30. Валерий Ващук позвонил своей сестре и сообщил, что вместе с Бондарцем выходил в Симферополь, пожаловался на проверку документов и личный досмотр на вокзале. Больше на связь ни один из них не выходили. Оба активиста были участниками проукраинских движений. На данный момент никакой новой информации относительно их местонахождения нет.

3. Василий Черныш

В марте же 2014 пропал Василий Черныш, 1978 г. р., проживающий в Севастополе. По информации его родственников, ранее он был сотрудником Службы безопасности Украины, участвовал в так называемом «Автомайдане» и в Севастополе говорил исключительно на украинском языке. Перестал выходить на связь с 15 марта. Родственники считают, что он мог стать жертвой преступлений, совершенных «Крымской самообороной».

4. Тимур Шаймарданов, Сейран Зинединов

22 мая 2014, по сообщению Тимура Шаймарданова, инициатора группы «Украинский народный дом», пропал один из активистов этого объединения Леонид Корж, 1990 г. р. (позднее информация об исчезновении Л. Коржа не подтвердилась). 26 мая сам Тимур Шаймарданов не вернулся домой, и никто из близких или знакомых с того времени его не видел. Одним из координаторов по поискам исчезнувших активистов являлся Сейран Зинединов, 1977 г. р. 30 мая он на встрече с женой Шаймарданова сообщил, что имеет основания считать, что оба активиста похищены представителями «Крымской самообороны». После этой встречи Сейран Зинединов также домой не вернулся. После подачи заявления в полицию родственники похищенного не получали никакой информации о его судьбе или ходе расследования.

31 июля 2015 в ответ на запрос Крымской полевой миссии по правам человека прокуратура Республики Крым сообщила,

что по фактам исчезновения Зинединова и Шаймарданова возбуждены уголовные дела.

5. Ислям Джеппаров, Джевдет Ислямов

Вечером 27 сентября 2014 в районе Сары-Су города Белогорска были похищены двоюродные братья Ислям Джеппаров, 1997 г. р., и Джевдет Ислямов, 1991 г. р. По словам свидетелей, они видели, как два человека в масках, одетые в черную форму, обыскивали молодых людей, после чего насильно посадили их в микроавтобус синего цвета марки Volkswagen Transporter с тонированными стеклами (регистрационный знак 755, регион 82) и увезли в направлении Феодосии.

6. Мухтар Арисланов

27 августа 2015 года около 11 часов Арисланов М. Р. в районе рынка «Залесский», расположенного по адресу г. Симферополь по ул. 60 лет Октября, был посажен тремя мужчинами (двое из которых были одеты в форменную одежду) в микроавтобус «Мерседес Вито» серебристого цвета и увезен в неизвестном направлении. С тех пор его местонахождение неизвестно.

(Следующий случай не вошел в доклад, так как произошел после его написания. Вставляю, сохраняя стилистику документа.

7. 24 мая 2016 года был похищен Эрвин Ибрагимов, крымский татарин, депутат Бахчисарайского городского совета 6-го созыва, главный специалист отдела межнациональных отношений Бахчисарайской райгосадминистрации в АР Крым. В Бахчисарае неизвестные в форме ДПС России остановили проезжавшего рядом с домом по улице Мира, 9, Ибрагимова. После чего насильно посадили его в автомобиль и увезли в неизвестном направлении. 1 июня того же года возле бара «Арпат» в Бахчисарае были найдены паспорт и трудовая книжка похищенного Ибрагимова. На момент похищения ему было 30 лет.

Б) Без выявленных признаков насильственного исчезновения

В отношении нескольких последних случаев оснований говорить о насильственном исчезновении нет, следствие по этим делам идет, но недоверие к ходу расследования по предыдущим эпизодам способствовало распространению самых разных версий, в том числе о причастности ко всем этим эпизодам властных или силовых структур.

1. Эдем Асанов

Эдем Асанов, 1989 г. р., пропал по дороге на работу 29 сентября 2014 года. По словам сестры Асанова Фериде, тот вышел из своего дома в Саки в 8:30, чтобы сесть на автобус до Евпатории, где он работал спасателем в санатории. 6 октября Асанов был найден повешенным в заброшенном здании в Евпатории. При нем была обнаружена предсмертная записка.

2. Эскендер Апселямов

Апселямов Эскендер работал в пекарне. Снимал квартиру в г. Симферополе по ул. Трубаченко, 41. 03.10.2014 Апселямов в 6 утра поговорил по телефону с матерью и в 6 часов 30 минут пошел на работу, но до работы так и не дошел, телефон был выключен. Его искали брат, друзья, знакомые, но так и не нашли. 04.10.2014 сообщили родителям, и те сразу же подали заявление в полицию в Красногвардейском районе. 03.10.2014 вечером телефон включился (пришли смс), на него звонили, но телефон не отвечал. Впоследствии знакомые смогли уточнить неофициально, что он выходил на связь в Бахчисарайском районе.

По всем этим трагедиям возбуждены уголовные дела и в Украине, и в России. У Украины нет технической возможности вести расследование. У России — заинтересованности в результате. Плюс (естественно) отсутствуют возможности обмена информацией. И так и остаются семьи в полном неведении, с надеждой на чудо.

Правозащитники в Крыму

Очень часто на фоне всего происходящего в Крыму меня спрашивают: как ты можешь говорить то, что ты говоришь, и делать то, что ты делаешь, и быть еще живой и на свободе. С одной стороны, в этом есть обычная для Крыма проблема: читая в новостях обо всем, что написано выше, волей-неволей начинаешь думать, что реальность только этим и ограничивается — похищениями, арестами и пытками. С другой — на правозащитников приятно переносить все риски, связанные с теми, кого они защищают.

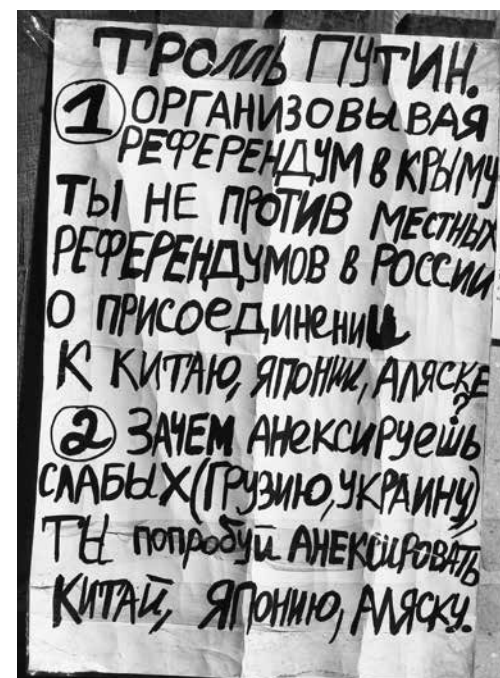
У правозащитников свои риски. Самый страшный кошмар любого правозащитника-полевого — стать угрозой для других. Ты уезжаешь, а люди остаются. В 2016 году одного нашего друга, который часто подвозил нас на машине и вся-

чески помогал, вызывали спецслужбы, задавали много вопросов: кого возил, куда, зачем. Так жутко, мерзко и страшно мне не было никогда. Даже сейчас мозг наотрез отказывается воспроизводить эту историю. Хотя это был всего лишь разговор. С адвокатом. Но этот «разговор» был из-за нас.

А в июне 2015 года Крымская полевая миссия была внесена в так называемый стоп-лист — список, предложенный Советом Федерации прокуратуре для рассмотрения в качестве кандидатов в «нежелательные организации». Это было очень трогательно. 90% этого списка составляли зарубежные фонды. И только Крымская полевая миссия и еще пара украинских организаций. Такая честь! За сотрудничество с нежелательной организацией в России к этому моменту была уже предусмотрена уголовная статья. Что полагается за активное участие в такой организации, можно только предполагать, ибо Уголовный кодекс ничего на этот счет не говорит (априори считая «нежелательными» только иностранные организации). Я уж не говорю о том, что и организации-то у нас не было. Просто люди, которые что-то добровольно делают.

Конечно, с таким клеймом было бы страшновато работать с людьми. Ведь черт его знает, что силовики посчитают за «сотрудничество»: может, данное интервью, а может, и парикмахера с водителем за «сотрудничество» привлекут. Но, справедливости ради, клейма так и не появилось. Всё ограничилось угрозой.

БОЛЬНАЯ ТЕМА

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я НАКОНЕЦ ПОНИМАЮ, ЧТО МЫ НЕ УМЕЕМ РАЗГОВАРИВАТЬ
И СЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА
ДАЖЕ НА УРОВНЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ПРАВОЗАЩИТНОЙ РАБОТЫ

То, о чём будет написано дальше, — сложная и очень болезненная тема. О ней труднее говорить, чем обо всём, что было написано выше. По крайней мере мне. Но не говорить об этом тоже невозможно. Я остаюсь и планирую оставаться гражданкой РФ. И (как бы я ни не хотела и не считала это местами нечестным) то что я говорю, всегда будет восприниматься через призму моего гражданства.

К лету 2015 года накопилось много очень сложных проблем для работы в единой Крымско-Украинско-Российской организации. Наращивание давления со стороны российских властей требовало от крымчан и россиян поиска нового языка. И любое высказывание украинских коллег от имени единой организации воспринималось как угроза нашей безопасности. При этом у всех нас был слишком разный «личный градус». Крымчане работали, как все мы работаем дома. Для них происходящее на полуострове было, есть и будет проблемами, с которыми они сталкиваются каждый день. Мы играли роль «приезжих экспертов», которые помогали, эмоционально, конечно, включались в проблемы, сочувствовали, но потом всё-таки уезжали домой — туда, где всё немного, но по-другому. А с украинской стороны самыми активными правозащитниками были те, кто вынужден был уехать из Крыма после аннексии. Они — профессионалы, специалисты по Крыму, но им в Крым никак не попасть. Это разрывало и убивало. И это то, что было очень трудно понять. Теоретически, много общаясь с крымскими татарами и беженцами, я понимала, что для людей может быть важна именно земля. Именно эти горы и именно это море. Для меня поездки в Крым были поездками в горячие точки, для крымчан — существование внутри всего этого, а для украинцев — хоть какое-то соприкосновение с родиной. То, что для нас было работой тяжелой и местами не очень приятной, для них было привилегией, причем привилегией, данной страной-захватчиком. И в этих условиях мы постоянно пытались найти общий язык. Такой, на котором мы могли бы разговаривать. И при этом хоть что-то сделать.

Мне до сих пор стыдно, что я была не способна это понять. Очень многое в наших тех (летом 2015 года) разговорах было между Украиной и Россией. Такой «диалог двух стран» на уровне активистов. Мне было очень больно за тех, кто

живет в Крыму, за то, что их никто не слушает и не слышит. И моей эмпатии никак не хватало на те тысячи людей, которые вынуждены были бежать из Крыма. Я говорю «тысячи», но никто не знает, сколько их на самом деле. Это украинские военные, украинские активисты, часть крымских татар. На 2017 год власти Украины официально сообщали о почти 24 тысячах временно перемещенных гражданах из Крыма. Однако точно сосчитать очень трудно. Как всегда в случае, когда люди вынуждены покидать свои дома, большая часть людей едет просто так: учиться, работать, к родственникам. В отсутствие запретов на въезд или угроз уголовного дела все стараются сохранить возможность время от времени возвращаться в Крым. И тем не менее это переселенцы. Кстати сказать, само слово «переселенцы», или «временно перемещенные лица» — если официально — очень важное с точки зрения самоидентификации. Ибо говорит о том, что они не беженцы в другую страну, а переселенцы внутри своей собственной страны.

Казалось бы, уехали люди в Украину — какая может быть проблема со «слышимостью»? Говори себе, рассказывай — в любых красках, подробностях и выражениях про «новую крымскую власть». Особенно если ты так или иначе вовлечен в общественную, гражданскую или политическую деятельность. Но для того чтобы люди становились слышимыми и видимыми, нужно не только, чтобы они говорили, но и чтобы кто-то готов был их слышать. Но в «крымской проблеме» переселенцы как бы перестают существовать. Они начинают рассматриваться вне контекста Крыма. Про Крым они говорят только для подтверждения того, как живется внутри полуострова.

Такая разница подходов и восприятия неизбежно влияла на ощущение безопасности и оценку рисков. Очень трудно извне адекватно оценивать уровень рисков. Трудно сосчитать количество раз, которое меня спрашивали, как так получилось, что меня до сих пор не посадили. Иногда явно имея в виду, что, очевидно, я сотрудничаю с органами или каким-то иным способом им полезна. Зачастую в ответ на просьбы живущих в Крыму крымчан об участии в какой-нибудь международной конференции или пресс-конференции следуют отказы, аргументированные опасностью этого действия.

Такие истории с неизбежностью породили огромное количество слухов о том, что переселившиеся крымчане получают миллионные гранты на поддержку Крыма, которые не доходят до тех, кто находится на полуострове. Эти слухи обрастают подробностями о квартирах и домах, построенных на «зажиленные» деньги. Со своей стороны, живущие в Киеве крымчане отвечают подозрениями в сотрудничестве с органами. Удивительно, но оба этих слуха (по крайней мере, на мой взгляд) основаны на ложном понимании угроз. И начинаются с искреннего желания защитить тех, кто живет на полуострове, не считая их способными самостоятельно оценить риски.

Мне было ужасно обидно, неожиданно и больно, что мы не умеем друг друга слушать и предпочитаем экстраполировать государственные идеи на свои сообщества. Не принимая, казалось бы, фактическую сторону государственной пропаганды, мы волей-неволей перенимаем навязанную нам психологию войны. Мы живём в такой же «осажденной крепости», как и они. Только наше «кругом враги» — это везде-сущие спецслужбы и люди, которые думают иначе. А украинцы живут в состоянии реального врага у границ. Но язык, на котором мы описываем мнимые и реальные угрозы, — он один. Описание пыток ФСБ и описание распятых мальчиков происходит одинаковыми словами. Статьи за измену родине и призывы к нарушению территориальной целостности в Украине и в России одинаковые. Почти дословно. Реальности разные, а слова — одни. И восприятие разное. В России сложилась диссидентская культура «жизни вне государства», она настолько прочно проникла в наше сознание, что я каждый раз дергаюсь, когда жители Украины или Беларуси, например, говорят: «Надеюсь, я тебя не обижу, но в России...» Дальше может идти речь о чем угодно: погоде, уборке улиц, архитектуре, характере людей, репрессиях, пытках. Мне каждый раз приходится оглядываться и судорожно думать: а при чем тут я? Я вроде снег не запускала, температуру не устанавливала, улицы не убирала и никого не пытала. Почему мне должно быть за это обидно? В Украине всё не так. Та же интеллигентская прослойка (а сейчас, кажется, и вовсе большинство жителей) понимают страну как себя. Понимают критику страны и власти как критику себя и похвалы страны как похвалу себя.

Летом 2015 года была в Киеве большая правозащитная конференция украинско-российская обо всём: о Крыме, о Донбасе, о попытках диалога. Меня там поразили несколько вещей.

Правозащитники с российским гражданством начинали свои слова с покаяний за российскую власть. Надо сказать, что звучало это жутковато и странно для меня. Это же не я! И не мы! Это российская власть. Почему мы должны за неё каяться?

Правозащитники с украинским гражданством не склонны в целом обвинять свою власть. Требовать — да. Заставлять — да. Критиковать даже. Но не обвинять.

В России есть два пути: ассоциировать себя со страной и поддерживать власть во всех её начинаниях или «вырваться из матрицы» и жить так, как будто ты к этой власти не имеешь отношения, критиковать её, обвинять, судиться с ней, но быть вне и над ней. Не принимать на себя обвинения власти и считать, что она (власть) вместе со своими преступлениями как бы сама по себе, без тебя. Это как бы вопрос «первой идентичности»: мы сперва — правозащитники, а потом — российские граждане. И где-то обычно даже не потом, а через 10 пунктов личных идентичностей. А в Украине — наоборот: сперва — украинка или украинец, а потом уже — правозащитница, социальный работник и так далее. И это, казалось бы, небольшое и понятное различие приводит к катастрофическому непониманию.

Причем позже я заметила, что в правозащитной сфере это различие и этот конфликт ещё не такой сильный. Наша работа во многом основывается на международном праве и встроена в международные системы, поэтому у нас полегче. А в социальных и политических сферах всё ещё хуже. Российские активисты, считая себя борцами против репрессивной политики России, ожидают индульгенции со стороны украинцев, а также автоматического восприятия их как союзников. А в ответ зачастую получают восприятие себя как представителей страны-агрессора. Всё это усугубляется нежеланием рефлексировать в себе имперские замашки.

В общем, если говорить о нашей работе, то, по моим оценкам, мы с задачей преодоления непонимания не справились. И перешли на формат «координации усилий» разных независимых организаций. Так появились «Крымская правозащитная группа» в Киеве и «Полевой правозащитный центр» в Крыму.

ОБРЕТЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ

В ЭТОЙ ГЛАВЕ СТАНОВИТСЯ ПОНЯТНО
(ВОЗМОЖНО, ТОЛЬКО МНЕ), ЧТО КРЫМ —
ЭТО НЕ «ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ», НЕ «МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПРОБЛЕМА», НЕ «ПРЕДМЕТ ТОРГА», А СУБЪЕКТ. ТОЧНЕЕ, СЛОЖНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ, СОСТОЯЩЕЕ ИЗ РАЗНЫХ,
ЧАСТО ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ
СИЛ И ГРУПП

С одной стороны, надо было искать новые формы работы. С другой — прошло уже два года с начала аннексии, и люди, живущие в Крыму, стали так или иначе приспосабливаться. Всё реже звучали слова про «скоро всё закончится, надо только потерпеть», всё меньше было надежд на внешний мир в каком бы то ни было проявлении. Пророссийские активисты стали чаще задумываться о том, кого же им прислали «из центра» и кого поназначали. А проукраинские всё чаще стали поговаривать о том, что их используют и на их несчастьях спекулируют. Российские репрессивные методики, набирая силу, тоже не делили на «своих» и чужих». Разнообразие форм общественной деятельности переставало быть бинарным.

Поддерживавшие российский Крым активисты стали выражать разного рода недовольство. Например, Дмитрий, активист «Русской весны»

«Люди ждали наступления справедливости, ждали смены власти. Ждали, наверное, новых лиц. Что вот сейчас придет команда с материка, этих людей уберут и начнут наводить порядок, чего не произошло. Эта ситуация дала возможность людям, которые были при Украине при власти и которые захватили власть сейчас, укрепиться, заводить фальсифицированные дела и закрывать рот людям. Просто сажать их в клетку, как собак. То есть они всем остальным показывают, что они здесь власть и каждый, кто попытается им противостоять, бороться или говорить правду, с ними будет вот таким образом...»

Попытки встроиться в российские общественные системы начали проваливаться. Вера в справедливость — рушиться... Наталья занялась общественной деятельностью только в 2014 году, очень веря в новый, российский Крым и себя в нем. В 2018 году она уже не так категорична:

«У нас были очень большие надежды и, знаете, завышенные ожидания. По всей вероятности, вот сейчас, анализируя прошедшие четыре года, у меня сложилось такое впечатление, что мы тогда хотели вернуться в тот Союз, из которого мы вышли. Мы не понимали, что Россия далеко ушла, и ушла вот от тех вот ценностей человеческих — то, на чем мы держимся еще. Оттого, что мы были здесь более-менее свободны, нас никто здесь не давил этой украинизацией,

хотя говорят: давили. Не давили, у нас была возможность обучаться на русском языке, мы все разговаривали на русском языке.

Вы знаете, общаясь со многими людьми, которые тогда шли под знамена России и рвали на себе тельняшки, — многие оказались сейчас в оппозиции власти. И один из известных журналистов мне сказал: может быть, это не Россия не выполнила своих обещаний и наших ожиданий, а мы, крымчане, оказались не теми, кого Россия ожидала увидеть. Может быть, это и так.

Мы начали понимать, что тут немножечко не о том идет игра. Таким для нас подъемом, именно для общественной жизни, был первый приезд Общественной палаты Российской Федерации и форум сообщества. Нас всех пригласили. Первый был в Севастополе, а потом поехали в Москву, причем заранее зарегистрировались, все за свои деньги.

Мне принесли обращения с нарушениями: где какие заводы закрываются, что захватывается, что делится. Я еду, у нас встреча должна быть с Владимиром Владимировичем Путиным на второй день, я везу эти обращения в Общественную палату. Я приезжаю туда, мне говорят: вас нет в списке. Я говорю: как нет в списке? В общем, сообщество началось, я два часа там стояла, пока мне сделали разовый пропуск. На второй день я говорю: я же на встречу к Путину, они говорят: нет, извините, вы не прошли согласование. Какое согласование? Я стояла там рыдала. Вы представляете, что такое для меня, крымчанки, приехать туда за свой счет на встречу с Путиным? Тогда вот такой вот красивый в пиджачке вышел и сказал: вы что тут демонстрацию устраиваете? Я говорю: вы можете мне объяснить причину, почему я не прошла этот фейсконтроль, что во мне не так? Он говорит: а у вас дата рождения поставлена 2017 год. А ничего, говорю, что я присылала подтверждение и паспорт мой есть? В общем, я встала возле забора за колючей проволокой, посмотрела, как Путин проходил туда, посмотрела на все это. Конечно, я в Общественную палату передала все это, но ни ответа ни привета.

В социальной сфере тоже всё оказалось не столь радужно и перспективно, как обещалось перед «референдумом». Ольга, активистка из Симферополя:

«На сегодняшний момент все понимают, что, в общем, экономическая ситуация в стране сложная, мы видим все, что происходит, что государство большое и все живут в нищете. Я сначала думала, может, я работаю с такими категориями, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Но у нас уже все оказались в сложной жизненной ситуации, даже мало-мальский средний бизнес практически весь уничтожен. Те, кто торговали окнами — заказов ни у кого нет, платежеспособность населения снижена. Сейчас, я считаю, реальный кризис. Деньги, возможно, есть у кого-то, но они есть у единиц. Я не знаю, кто они там — олигархи, кого там по телевизору показывают. А наше население по факту все обнищало в Крыму. Я не знаю, может, в России получше.

Какие пенсии, о чем вы говорите? У нас со стажем проблемы. У нас предпринимательский стаж наш, украинский... Я вот была предпринимателем 12 лет, я платила налоги в Украине, это было доступно. Мы платили в Украине налоги с той целью, чтобы получить пенсию. И к чему мы пришли? Ушли украинские базы, многие находятся в списках в Украине — они выехать не могут, взять в Украине справку о персонификации, въехать сюда, ее показать, и тогда учтут. Но в России не учитывают учебу — раз. Если ты невыездной в Украину... Сейчас я добилась, что создали при Совмине комиссию, куда люди приносят свои документы, и им должны учесть предпринимательский стаж. Но наши чеки ПриватБанка, которые нам давал банк об уплате, просто выцветают, и они пишут: вы не можете подтвердить. По факту мы остались как бы без стажа — те, кто невыездные в Украину и не могут взять справку. Остальные, чтобы подтвердить, выезжают в Украину, берут справку о персонификации, в принципе, им что-то учтут. Нюансов куча. А еще эта пенсионная реформа с этим возрастом, в общем, все непросто. Они зря это сделали, у нас и так куча пенсионеров без документов ходит с протянутой рукой, мы не знаем, куда их селить. Недавно бабушку поселили без паспорта. Их же всех кормить и поить надо. То есть наша общественная деятельность будет с годами все востребованнее, потому что у нас будет все больше бедных людей.

Атаман Крымского казачества рассказывает про разочарование патриотов:

«Патриотизм был еще в течение года. Потом мы просто поняли, что произошло. А ничего не произошло. Те люди, которые сидели, они и сидят. Поставили только флаги. Ничего не налаживается. Только в худшую сторону меняется во всех отношениях. Во всех — что ни возьми. В социально-бытовой — цены подорожали. Медицина — никакая, полиция — никакая, ничего...

У меня пара человек такие знакомые. С Курской области один приехал, там был участковым где-то, так он говорит: «Я здесь год поработал, я моря не видел. Я здесь ничего не знаю. Там у меня нормально: яйцо принесут, сметанку принесут, еще что-то, а здесь — ничего. И все. Нет, здесь очень тяжело». Даже сейчас: как бы наплыв идет с России людей обычных, из ста один если останется в лучшем случае. Остальные все: полгода-год помучаются и уехали отсюда. Тут же ни работы, ничего не было, нет и не будет, скорей всего.

Идейные были, но я вам хочу сказать, было так — буквально через два года (это точно) уже никаких идей не было. То есть вот эта священная война шла год. Потому что мы (местные, я имею в виду) думали тогда, что вот все пришло, все хорошо, флаги поднялись. Мы ж еще не знали, что будет бардак еще хуже, чем при Украине. Мы тогда только об одном думали. А что ж поменялось? Флаги-то новые, а эти сидят все. Мы думали, что их поменяют через год, через два, через три. А когда мы увидели, что и через три ничего не делается, мы уже поняли, что в Москве то же самое творится.

Всё чаще стали звучать слова о том, что «Крым сам по себе», что он никому не нужен. Сергей верил в «русский Крым». Хоть и предпочел бы русскую крымскую автономию:

«То, что на Украине одним звонком решали, сейчас вообще не решается. Чиновники стали какие-то зашуганные, они несвободны в принятии решений, слова не держат. С приходом России 99% чиновников — балаболы. Сегодня пообещал, поклялся в вечной дружбе, а завтра он тебя продаст и еще раз перепродает. Очень много стало ненадежных людей. На Украине слово держали.

У нас готовые кадры. Да, у нас есть проблемы с экономикой, в Крыму не была достаточно развита экономика, конечно, мы будем зависимы от поставок нефти, и газа, и

электричества, потому что в Крыму этого нету. Но если это порешать, то, в принципе, если вернуть крымскую промышленность на уровень советской, когда-нибудь мы сами себя спокойно могли бы прокормить. Сельское хозяйство, курортный бизнес — Крым самодостаточен.

Крымские проукраинские активисты к лету 2015 года находились совсем в раздраенном состоянии: постоянные проработки из органов, подозрения со стороны украинских активистов с материка. Как вести себя так, чтобы в Крыму не посадили, а в Киеве не записали в предатели. Из разговора с одним очень проукраински настроенным молодым человеком:

«Я все время на пороховой бочке. Но меня это, я хочу тебе сказать, не дестабилизирует, а просто заставляет держаться в тонусе. Я не вижу пока в этом проблемы. Я плохо сплю — у меня бессонница. Но она... двухвалентная... Я прочитала, что это... Действительно, это — последствия длительного стресса, как вариант.

Думаю, что нужно как-то выживать в сложившихся реалиях. И я, я не знаю, я верю, что все-таки это закончится, и я это увижу, а не как было в первый раз, там с 1700... какого 1768 года? Первая аннексия, когда Екатерина. Там было 200 лет. Но я думаю, что, может, этот не продлится 200 лет. Может, это будет хотя бы 5 лет.

Я опасуюсь Самооборону. Они неадекватные, и от них можно ожидать все, что угодно. Они много чего могут сделать. Не, ну другие силовые структуры я тоже опасуюсь, но там, если можно хоть что-то сделать, то тут уже ничего не сделаешь. Потому что для них же закон не писан, никакого закона нету. Стараюсь не попадать в такие ситуации, чтобы там можно было с ними столкнуться.

Я, когда езжу, всё равно смотрю в зеркало. Бывает, что какая-то машина прицепится... Ну раньше никогда не было! Машина стоит, ты мимо нее проезжаешь, она раз за тобой поехала. Ну вот ему прям сейчас надо было ехать, он едет к теще. Вот именно в эту секунду он собирался поехать. Но я сейчас уже так спокойно к этому не отношусь. Я уже как бы запоминаю, что за машина, не встретится ли она мне еще раз. Пытаюсь там запомнить номер как бы да ну. Как бы такие уже опасения есть.

Если 2014 год был годом войны, священной для одних и проклятой для других, то с конца 2015 года начиналась вторая стадия принятия неизбежного. Пророссийские активисты стали понимать, куда они попали, проукраинские активисты пытались найти способ быть украинцами на оккупированной территории. В сентябре 2015 года украинские активисты организовали экономическую блокаду Крыма. А зимой 2015/2016 годов случился блэкаут. Выработка публичного языка про блокаду стала важной вехой в новом самоопределении проукраински настроенных крымчан. Нужно было конструировать собственное отношение к блокаде. В частности, например, одной из бытовых форм украинской самоидентификации была покупка украинских продуктов. Я не буду следующие цитаты делить по людям — пусть это будет хор голосов.

«По всем продуктам дико скучаю просто... Я сегодня зашла в магазин, увидела, что у них там спрятано украинское мороженное... Я знаю, что я буду делать в понедельник, если оно останется, когда пойду на работу...»

Грустно без украинских продуктов, как только я их вижу, что-то знакомое — покупаю. Очень расстраиваюсь, если они портятся... Вакарчук, когда Немцова убили, спел песню «Надежда». Вот у меня эта песня играет в голове, когда я кушаю украинское, смотрю украинскую программу — вот прям вот надежда. Как-то вот так... С этой мыслью и живем.

Я принципиально искал украинский товар. И сейчас они где-то там мелькают какие-то. Я сначала пройдуся, посмотрю, а нет ли чего-нибудь украинского. Потом уже беру, что есть.

Мы до последнего пытались покупать только украинские продукты».

Конечно, поиски и покупка украинских товаров совсем не единственная отчаянная попытка сохранить связи с Украиной. Конечно, многим она кажется смешной и несерьезной. Но очень трудно понять, в чем состоит наша связь с государством и родиной. В ленточке с цветами государственного флага? В языке? В политических взглядах? Или в том числе из каких-то очень бытовых мелких вещей: в покупке одежды местного производства, в земле, горах, море и еде? Что соединяет «малую родину» и большую? Вряд ли международные

договоры. Это забавно, но посмотрите, как много в окружающем нас дискурсе про еду. Например, в жарких спорах о советском прошлом. В сравнении посещенных стран. В этом есть какая-то очень базовая, простая и доступная самоидентификация. Поэтому для большого количества прекращение поставок украинских продуктов стало обрывом одной из многих ниточек, связующих с «большой родиной».

На политическом же уровне блокада стала такой лакмусовой бумажкой, ответом на ключевой вопрос: «Чей Крым?» Для того чтобы понять значение этого события, обратимся сначала к тому, что это за явление — блокада Крыма. В принципе, достаточно определения из Википедии:

«Экономическая блокада Крыма со стороны Украины — действия активистов, общественных организаций Украины и официальные меры украинского руководства по воспрепятствованию экономическим связям с территорией Крыма, присоединённого к Российской Федерации в результате событий февраля — марта 2014 года. Была введена 20 сентября 2015 года по инициативе группы лидеров Меджлиса крымскотатарского народа как «гражданская блокада Крыма», имевшая целью прекращение поставок продовольствия. 28 сентября была также перекрыта железнодорожная ветка, по которой осуществлялись поставки сырья (ильменитовой руды) для крупнейшего промышленного предприятия Крыма — завода Ukrainian Chemical Products в городе Армянске.

Опустим риторику «присоединения Крыма» и «блокада Крыма со стороны Украины» — цитата из российской Википедии. Тут самые главные слова — «действия активистов общественных организаций Украины». В украинской Википедии блокада Крыма определяется так:

«Блокада окупованої Автономної Республіки Крим та міста Севастополя — безстрокова мирна громадська акція, ініційована Мустафою Джемільєвим, Рефатом Чубаровим, кримськотатарськими активістами та українськими активістами з організацій «Правий сектор» та «Цивільний Корпус Азов», з блокування поставання товарів в тимчасово окуповані Росією Крим та Севастополь. Акція почалась 20 вересня 2015 року в Херсонській області на адміністративному кордоні Херсонської області та Криму. 17 січня 2016, з початком дії постанови Уряду України про обмеження по-

ставок товарів до окупованого Криму та з нього акція була переведена у формат спостереження.

Акція полягає в блокуванні транспортних перевезень та електропостачання в окупований Крим. Громадяни та легкі приватні автівки пропускаються без перешкод. Кінцева мета блокади — деокупація Криму і відновлення територіальної цілісності України.

Фізичну охорону учасників акції забезпечують активісти «Правого сектору» (до 8 грудня 2015), бійці полку «Азов» та ДУК.

Несмотря на то, что в дефиниции «Правый сектор» и «Азов» названы организаторами акции, в последней фразе видно, что их задачей была охрана участников акции. Движущей силой были крымскотатарские активисты, и Меджлис в частности. Другие переселенцы из Крыма также принимали в акции посильное участие. То есть блокада Крыма в этом кардинально отличается, например, от санкций. Это в чистом виде — общественный диалог. Причём общественный диалог между жителями Крыма: теми, кто вынужден был его покинуть, и теми, кто решил остаться. Уже не так давно — в 2018 году во время написания этой книги, я рассказывала одному знакомому очень хорошему журналисту, работающему в Крыму, про то, что голоса политпереселенцев из Крыма не слышно иначе, чем в рассказах о том, как живется в Крыму тем, кто там остался. Он ответил, что это очень характерно. И в этом весь украинский Крым. Кажется, блокада была единственной попыткой открытого диалога. И именно она оборвала большое количество связей. Аккуратные попытки украинских или крымскотатарских активистов в Крыму высказаться против блокады и объяснить, что это означает для крымчан, наталкивались на яростное сопротивление и обвинение в коллаборации.

Очень показательной тут стала история украинского активиста Леонида Кузьмина. По запросу «Леонид Кузьмин блокада Крыма» можно найти много публикаций на эту тему осенью 2015 года. Возьмем любую из них. Например:

«К сожалению, проблема Крыма остается проблемой Крыма, и ни у кого решать эту проблему желания нет, и, к сожалению, в ближайшем будущем не появится, — отмечает Кузьмин.

По его мнению, заблокировав Крым, Украина не найдёт большой симпатии, а напротив, ещё больше настроит людей против себя (<http://qha.com.ua/ru/politika/kuzmin-problemu-krima-nado-reshat-putem-dialoga-a-ne-blokadoi/147795/>).

В комментариях среди обвинений Леонида в сотрудничестве с ФСБ и всяких шуток на туалетные темы можно найти и дискуссию:

«Наша пісня гарна й нова, починаймо її знову? Вибір невелик: или блокада, или война. И не надо страдать по поводу того, что Украина теряет патриотов в Крыму. Если патриот из-за блокады перестанет быть им, то грош ему цена. Вариантов для вас — масса, но привычка сидеть на пятой точке и ждать всех благ — посмотрим, к чему приведет. В Украине мы уже ощущаем.

О каком диалоге с крымчанами идет речь? Наши люди и так все понимают, с ними диалог вести не нужно, а вата диалогов не понимает.

Вы в отличие от Европы и Америки признали референдум в Крыму?

Уважаемые в Украине и Крыму люди иницируют патриотическую идею во благо Крыма. Поддерживаем.

Какой диалог??? С кем??? Те, кто был проукраински настроен, то так и остался настроен, а с предателями какие могут быть переговоры? Или вы предлагаете их перекупить??? Так это снова будет та же картина, что и до оккупации, эти мрази только и будут ждать, кто им больше предложит. Когда жила в Крыму, я очень ждала хоть какой-нибудь блокады, чтобы мозги начали быстрее на место у рашистов вставать, но не дождалась. От крымчан нормальных неоднократно слышала, что они готовы это выдержать, лишь бы те, кто хотел умереть в Раше, поскорее туда свалили умирать.

А 24 сентября Леонид у себя в Фейсбуке записал отчаянный крик души, который характеризует все эти попытки диалога:

«Вот тут, все говорят, что хотят вернуть Крым! Но никто не проявляет желания вернуть Крымчан! Крымчане уже не нужны? Нужна просто территория?

Тем временем у людей, которые не заявляли себя украинскими активистами и придерживались нейтральных взглядов, разрывались виртуальные связи с Россией. Вот, например, реплика инженера Алексея:

«Возмущает отношение россиян к нам, тоже неприятно. «А на хрен нам этот Крым сдался? Зачем он нам нужен? Мы весь Крым кормим». Интернет пестрит этими заголовками по самое не балуйся. Вплоть до того, что люди разговаривают даже по телефону и слышат такие высказывания. «На коего лешего мы вообще с этим Крымом связались? Теперь эти санкции, теперь бабки уходят вместо наших пенсий в Крым». Я тоже туда не просился, в Россию. Хотелось вступить в Россию, хотелось, по большому счету, изначально, при Украине, я не был против того, чтобы перейти под патронат России. Но так, чтобы без всего этого кипиша и всех этих последствий, которые последовали за этим.

По отношению к тем, кто относил себя к пророссийским или нейтральным активистам и занимался при этом разного рода гражданской или общественной деятельностью, стало появляться давление со стороны властей.

Сергей с уголовным преследованием не сталкивался, но, будучи человеком активным, занимаясь местными городскими проблемами Симферополя, подвергается постоянному давлению со стороны властей:

«Чем активнее человек, тем меньше он востребован. Нужны послушные, покорные, на все согласные. Вот смотрите, ситуация с Зубковым — он достаточно хорошо описал эту ситуацию. Поначалу собирался в Госсовет. А потом они потусовали, посчитали, что зачем им сильный богатый человек, у которого амбиции, — и они поставили своих секретарш, любовниц, приятелей. Там есть лобби сильных бизнесменов, там человек 10-15 их, и статисты остальные. Старички, которым по 70 лет, они еле ходят, что-то там сидят. А я у них агент Госдепа.

Наталья рассказывает о преследованиях в прессе и об исках в защиту чести и достоинства властей:

Тут началось такое... по телевидению начали рассказывать о нас, ведут информационные войны, фильм сняли. Они всех общественников облили грязью.

Человек в Фейсбуке озвучил то, что есть в интернете в открытом доступе, а на него за это подают иск и требуют миллион. Глава республики — на блогера. За статьи в Фейсбуке, в интернете, там высказывания типа «гоблин», оскорбления. Дело в том, что у нашего Главы республики непростое прошлое в 90-х, и люди еще живы те, кто это все знает и кто был очевидцем этого, поэтому время от времени это всплывает.

Атаман Крымского казачества столкнулся с проблемами при попытках провести митинг летом 2016 года:

«Я сделал первый митинг в 2016 году. Он назывался «Обманутый Крым». Меня уже 4 раза судили административно. Даже штраф у меня уже был 20 000 за несанкционированные митинги и все остальное.

Обретение Крымом своего голоса началось с мнений — с того, что мнений стало немного больше, чем «Крым — це Украина» vs «возвращение в родную гавань». Люди с условно «проукраинскими» взглядами могли по-разному относиться к блокаде Крыма, а люди с условно «пророссийскими» — к новой крымской власти. Позже и разнообразие мнений становилось всё шире, шок постепенно отступал. Вырабатывались более-менее устойчивые способы выживания. Расширялось также политическое и активистское разнообразие. А главное — начали появляться новые организации и инициативы.

Ещё в конце 2014 года возникла первая после аннексии группа, занимавшаяся внутри Крыма правозащитной деятельностью. Это не значит, что в Крыму не было таких людей. Но именно объединение — это было самое первое. Крымская контактная группа по правам человека. Она возникла после похищения двух крымскотатарских юношей — двоюродных братьев — Исляма Джеппарова и Джевдета Ислямова. Группа была создана как объединение родителей похищенных на территории Крыма людей, юристов и правозащитников. Её инициатором и координатором стал отец Исляма Абду-решиит Джеппаров — ветеран крымскотатарского движения. Изначально группа ставила своей целью добиться расследования похищения детей. Но позже расширила свою деятельность на документирование нарушений прав человека. Сперва группа пыталась встречаться с крымскими властями, требовать от них объективного и эффективного расследования. Но

через несколько месяцев встречи были резко оборваны со стороны властей. И полтора года Крымская контактная группа так и оставалась единственной исключительно крымской правозащитной организацией. В эту группу также входили юристы и адвокаты.

Я рассказывала про адвокатов Эмиля Курбединова и Эдема Семедляева и развитие юридической помощи. В итоге юридическая команда переросла в полноценную правозащитную организацию. С консультациями, юридической защитой и правозащитной помощью. Каждый человек в этой команде заслуживает отдельного панегирика, но раз у меня книга сугубо субъективная, то я расскажу про женщину, которая произвела и продолжает производить на меня огромное впечатление и вызывает неизменное восхищение. Лиля Гемеджи. Однажды во время обыска у Эмиля дома она стояла между силовиками в масках с оружием и дверью и три часа не пускала их внутрь, обосновывая незаконность их проникновения в жилище в отсутствие собственников. У Лили трое детей. И её можно было видеть на обысках с коляской, в офисе с ребенком, лежащим на столе рядом с компьютером в процессе написания бесконечных жалоб. А теперь Лилия — третий адвокат в команде.

Довольно долго за Крым говорили все, кроме крымчан. Казалось, что сам факт аннексии и способ, которым она была проведена, превращает Крым в безмолвный субъект: одни пришли, взяли, другие кричат: «Отдайте!» А где в этой борьбе сам Крым и люди, в нем живущие? Довольно долго они были нигде. И если в первый год действительно было очень много страха, большая часть привычных институтов гражданского общества выехала, а новые методы быстро не находились, то с 2015 года уже начали появляться разные объединения и крымчане начали говорить. Но до 2017 года в основном были слышны голоса из Киева, Москвы, Европы — откуда угодно. А крымчан все старались «ограждать от рисков». Считалось, что им говорить опасно. Сейчас ситуация стала намного лучше. По крайней мере Эмиля с Эдемом и Крымскую солидарность слышно и видно и в Украине, и в мире. Но необходимо повторять, что для крымчан крайне важно быть слышимыми и видимыми — потому что тенденция к восприятию их предметом для делёжки очень высока.

СКОЛЬКО НАДО СИЛОВИКОВ НА КВАДРАТНЫЙ МЕТР?

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. МАРТ 2016 Г.

С ЧЕМ ПРИХОДИТСЯ СТАЛКИВАТЬСЯ
АКТИВИСТАМ, ПРАВОЗАЩИТНИКАМ
И ДРУГИМ ЖИТЕЛЯМ
КРЫМА

С нарастанием арестов, обысков и прочих репрессивных практик наш теперь уже Полевой правозащитный центр в Крыму по большей части занимался бесконечным посещением судов и общением с родственниками арестованных. Иногда похищенных. По возможности, мы делали это вместе с Крымской контактной группой по правам человека или (позже) с другими местными объединениями. Постепенно становилось понятно, что время, когда всем нужен мониторинг прав человека на полуострове, уходит. И лучшее, что мы можем сделать для крымчан — это помочь им самим проводить мониторинги, познакомиться со всеми, кто хоть сколько-то может быть полезен, и поддержать их собственные структуры и организации. Наступал новый этап в жизни Крыма. Но пока мы всё ещё ходили и исправно записывали:

- Сколько человек проводило обыск?
- Представились ли они?
- Что изъяли?
- Сломали ли что-то?
- Дали ли одеться?
- Пустили адвоката?
- Не применяли ли силу?..

Вопросы, вопросы, вопросы...

Паршивая, надо сказать, работка. Приходить в дома, куда только что ворвались толпы вооруженных людей, перевернули всё вверх дном, перепугали детей и стариков, забрали отца и мужа и задавать все эти вопросы.

Как-то мы делали тест на тему «Что вы знаете о Крыме?». Там был вопрос: «Сколько надо вооруженных людей в машинах, чтобы обыскать дом 50 квадратных метров, в котором спит четверо детей?» К сожалению, тест утерян, но по общекрымскому опыту — примерно 20.

Постепенно вырабатывалась практика. Страшная логика становилась реальностью. Июль, август — период отпусков. Скорее всего, будет поспокойнее. Можно расслабиться. В домах, где есть беременные женщины, обычно обыски проходят немного тише. Спать ложиться (хотя бы после утреннего намаза) лучше одетым. Кто знает, кто придет на рассвете (обыски и аресты обычно около 6 утра) и дадут ли они одеться. А перед чужими мужчинами нельзя не одетой.

Вопросы, которые задают для того, чтобы рассказать городу и миру об обыске или аресте, все выучили наизусть. Они превратились в мантру, которая помогала справиться хотя бы на первом этапе. Но задавать их от этого легче не стало.

Немного моих дневников 2016 года:

Вернулась из Крыма. Десятидневный заезд был очень насыщенным и непростым.

В первый же день были арестованы ещё 5 крымских мусульман. Это уже четвертая группа мусульман, которых обвиняют в терроризме в Крыму. Всего на сегодня под арестом только по обвинению в терроризме находятся 19 человек. Всё обвинение построено исключительно на литературе, хранящейся в домах, изъятая при обысках.

Мы встретились с семьями всех арестованных. Во всех домах были проведены обыски. В некоторых домах очень грубые: с разбитыми окнами, наручниками. Новая тенденция: отбирают в домах последние деньги. Не гнушась ни последней тысячей рублей на еду, ни деньгами, отложенными на ремонт дома.

Продолжаются суды со штрафами для членов Меджлиса за участие во встрече.

Каждый день суды: меры пресечения по мусульманам, рассмотрение «Дела 26 февраля», Меджлис.

Каждый раз восхищаюсь и преклоняюсь перед солидарностью крымских татар. Каждый день приезжать в суд к 9.30, перемещаться между разными судами, залами и уходить с темнотой по домам. И так каждый день.

Развивается так называемое «Дело крымских диверсантов». Евгения Панова с Андреем Захтеем тихо и быстро перевели в Лефортово. К счастью, еще прошлый состав ОНК смог посетить их. А московские волонтеры с активистами смогли передать передачи.

Всё больше сообщений о пытках и жестоком обращении в правоохранительных органах. Некоторые даже документально подтверждены.

Неисчерпаемым источником историй является комната для приема передач.

Здесь всегда можно встретить ставшие родными лица. Жены, братья, сестры, родители и другие родственники

политзаключенных изучают страшную науку общения с тетками в окошке.

Каждый раз что-то отбракуют, не возьмут. И никогда не знаешь что. Каждый раз надеешься. А вдруг сегодня возьмут колбасу. Нет? Ну, может, финики? Или книжку?

Одна из жен политзаключенных пытается передать книжку Карнеги.

Тетка в окошке с умным видом листает оглавление:

— А это нельзя.

— Почему?

— Здесь есть глава «Как оказывать влияние на людей».

Занавес.

Рассвет, 6 утра. В доме спят муж, жена и двое детей. Подъезжает 6 автомобилей: микроавтобусы с затемненными стеклами, легковушки с опознавательными знаками и без. Из них высыпаются на улицу десятки людей с автоматами и в балаклавах. Ломятся в дом. Пока муж пытается быстро открыть дверь, спасая дверь от выламывания (замок наполовину взломан, поэтому плохо поддается), жена пытается разбудить и одеть детей (чтобы не испугались полного дома вооруженных людей). Пятилетняя дочка просыпается быстро, а девятилетний сын, открыв один глаз, говорит:

— Мам, рано еще. Я посплю.

Мама уговаривает:

— Сынок, вставай. У нас обыск, надо одеться. Мне вниз надо смотреть, что они ищут.

Сын, приоткрыв один глаз: «Шо, опять?!»

После обыска папу арестовывают и увозят.

Занавес.

Аресты в Крыму бывают разными: «плановыми» и «экстренными».

Экстренные могут происходить тихо. Так, что, возможно, никто не узнает. А если узнает, то потом будут месяц выяснять, а кто этот человек, не редиска ли и действительно ли пострадал от режима. Таковы дела об экстремизме, сепаратизме, наши «любимые» 20.2 и другие похожие.

А есть «плановые». Таким было «Дело 3 мая», когда, видимо, была дана установка арестовать и осудить определен-

ное количество участников массовой встречи Мустафы Джемилева крымскотатарским народом на границе полуострова. Таким же было «Дело 26 февраля», когда людей арестовывают по плану, для дачи показаний или просто для количества.

Такими же являются дела по так называемой Хизб ут-Тахрир. С завидной регулярностью раз в несколько месяцев в Крыму «разоблачается» очередная «террористическая ячейка»: под каток могут попасть мусульманские правозащитники, активисты — кто угодно. Несколько человек оказываются в тюрьме, дети без отцов, а у кого-то новые звездочки за борьбу с терроризмом.

Обыск у одного мусульманина, многодетного отца, будущего политзаключенного, дом перевернут, книги вывернуты с полок. Белье из корзин, шкафы, холодильники, полки — все внутренности на полу, как обычно.

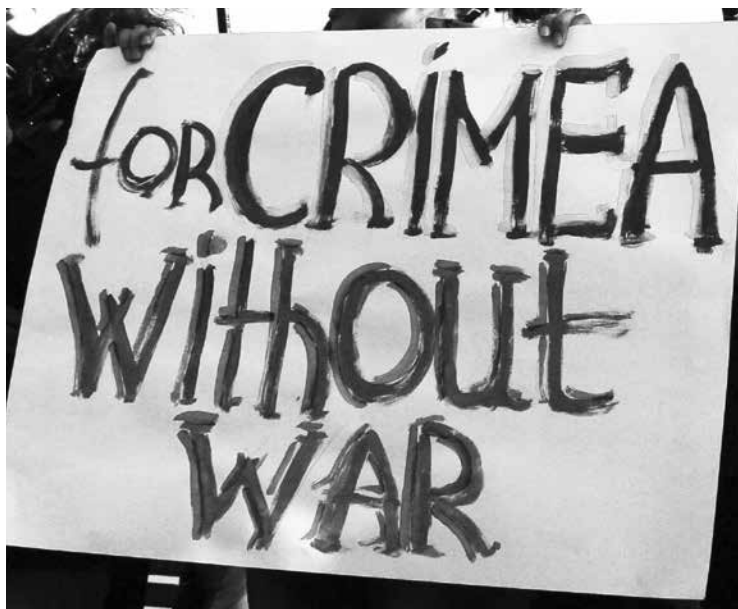
Под конец хозяина дома арестовывают, а следователь подходит к хозяйке и говорит:

— Я бы с удовольствием пришел к вам на чашечку кофе. Но вашего мужа уже не будет. А вам же нельзя без мужей с мужчинами встречаться.

В этой фразе все: и презрение к чужим ценностям, и желание унижить, и демонстрация знания и превосходства.

Эти короткие истории рассказывают, как анекдоты, и, на мой взгляд, они лучше любых обзоров, серьезных рассказов и криков души описывают ту реальность, в которой оказались крымчане. Байки из жизни — это способы сохранения достоинства. Это то, что есть у людей и нет у силовиков и государственных структур. Это жизнь, прорывающаяся сквозь окружающий ужас.

ЧЕЛОВЕК СРАЖАЮЩИЙСЯ

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
Я ОБНАРУЖИВАЮ,
ЧТО МОЖНО ПРИВЕЗТИ ИЗ КРЫМА
ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОСТИ И ПОМОЩИ,
НАЧИСТО ЗАБЫВ, ЧТО ЕХАЛА В КРЫМ
ПРИВЕЗТИ НАШИ

К третьей годовщине я назвала события 2014 года событиями, которые окончательно превратили нас из людей создающих в людей сражающихся. И, в общем, совершенно неважно, за что и на какой стороне. Кто за права человека, кто за Русский мир, кто за Исаакий, а кто за Бога, кто за независимость, а кто за империю, кто за выживание, а кто за пополнение бюджета.

Все на острие борьбы.

И я на острие. К каждому действию мы относимся как к вопросу жизни и смерти, к каждой обиде или недопониманию как к предательству. Мы ищем среди близких стукачей и предателей, врагов родины и просто идиотов.

И все бы ничего. Живут люди везде. И в Северной Корее, и в Советском Союзе жили, и на Донбассе живут. Но у нас еще слишком жива память о «мирных временах». И, поскольку снаряды над головой летают в какой-то другой форме, то мы иногда пытаемся сделать вид, что это мир. И мы ни за что не боремся. Мы к чему-то стремимся и над чем-то работаем.

Каждый раз, приезжая в Крым, я узнаю что-то новое, понимаю его немного глубже, чем до того. Кажется, тут все честнее, чем в России. Тут никто не пытается делать вид, что у него есть влияние. Тут никто не показывает, что происходящее вокруг — временные трудности («ну... да, жопа, конечно... но в целом-то...»). Это тяжело. Но зато какая солидарность! Какая взаимовыручка и взаимоподдержка!

Как тогда, так и сейчас — не устаю восхищаться, и каждый раз становится нестерпимо жаль, что я не принадлежу этому сообществу.

9 апреля 2016 года в Бахчисарае в открытом ресторане красиво, тепло, уютно. Тихонько собираются люди. Девушки, как положено, за одним столом пьют кофе, мужчины — за другим. Не соблюдающие в центре стоят во дворике — курят или дышат тем, что курят остальные. Везде идет тихий, неспешный разговор: об обысках, о новых арестах, о том, у кого что изъяли, зачитываются смешные (если бы не было так грустно) цитаты из судебных постановлений, протоколов обысков. Здесь постепенно собираются семьи уже арестованных, правозащитники, юристы. После кофе и сигарет все собрались за одним столом. Так создалась организация, которую я люблю точно не меньше, чем то, что я сделала

сама. Хотя тут я только наблюдала. Крымская солидарность. Объединение родственников крымских политзаключенных и тех, кто готов им активно помогать. Основу Крымской солидарности составляли и составляют очень религиозные люди. В основном молодежь. Через год родственники уже не были вынуждены ходить в комнаты передач в тюрьмы — всё было организовано. Появились мониторинговые группы, которые снимали каждый обыск и арест, а потом описывали в социальных сетях, как это было. У зашивающихся юристов появились новые руки. Мне посчастливилось как-то вести семинар в том числе для участников Солидарности. Это было фантастическое ощущение, когда ты рассказываешь про какой-то механизм, а люди мало того, что слушают, потом до ночи обсуждают, так ты ещё и приезжаешь через месяц, а оно уже работает. Может быть, во мне говорит предвзятость, но я уверена, что именно возникновение Крымской солидарности во многом подтолкнуло развитие разных форм правозащитной и гражданской деятельности (я скажу аккуратно) оппозиционно настроенных к российской крымской власти.

Летом 2016 года по инициативе Лили Буджуровой был создан Фонд «Бизим Балалар» («Наши дети»), который собирает деньги для поддержания детей крымских политических заключенных. Помимо очевидной материальной пользы — ежемесячные небольшие пособия (Фонд делит все собранные деньги на количество детей, оставшихся вследствие репрессий или убийств без отцов), сам символический шаг — подсчет детей, оставшихся без помощи одного из родителей, оказался очень значимым и объединяющим.

Чем больше политических заключенных — тем больше судебных заседаний. По каждому решению об аресте (и апелляция на него), несколько решений о продлениях (и апелляции на них). Если дело не по статье «терроризм», то потом рассмотрение по существу. В какой-то момент судебных заседаний стало так много, что они проходят теперь почти каждый день. А иногда параллельно в разных судах — разные. Заседания судов постепенно стали собирать всё большее количество людей. Сперва как-то все держались по-отдельности: обвиняемые в участии в Хизб ут-Тахрир приходили на суды друг к другу. На заседания по «Делу 26 февраля» собирались всё больше поддерживающие Меджлис. Постепенно

начинались шаги по сближению. аккуратно и тихо появились первые жены обвиняемых в участии в Хизб ут-Тахрир на заседаниях по 26 февраля. Ветераны крымскотатарского движения и сторонники Меджлиса, за ними — неопределившиеся, украинские активисты, правозащитники... Суды превратились в место постоянных встреч. Сюда приходили журналисты, впервые посетившие Крым. В своих поездках мы первым делом шли сюда. Здесь можно было со всеми познакомиться, всех обнять, обсудить новости, договориться о планах и встречах. В «Деле 26 февраля» часть людей была свидетелями, а дела против обвиняемых в участии в Хизб ут-Тахрир и вовсе бывали закрытыми. Так что основная жизнь была (и есть) вокруг судов. Если бывало холодно, то грелись по-очереди в машинах. Во время тепла — все стояли вокруг. В основном три суда — Киевский, Центральный и Верховный суд Крыма.

Около Киевского суда находится офис Эмиля с Эдемом и команды, кафе Мараканд и уютный сквер со скамейками. Страшно вспомнить, скольких ребят привозили сюда на автозаках со стороны реки, толпы групп поддержки снаружи, крики «Аллах акбар!», сотрясающие окружающие деревья, и сотни вскинутых указательных пальцев в приветствии. Тут проходят (как правило) продления мер пресечения обвиняемых в участии в Хизб ут-Тахрир. В Киевском районном суде есть зал в подвале, спускаешься по грязной узкой лестнице мимо приставов в масках, оказываешься в темном зале с покрытым линолеумом полом. Ненавижу этот зал. Он совсем не похож на зал заседания. И никакая мантия на сидящем на месте председательствующем не может вернуть это ощущение. Тут всё время стучит в голове словосочетание, принятое на Донбассе: «через подвал».

Центральный районный суд — самый неудобный для Солидарности. Ни тебе сквера, ни лавочек. Да и сам суд маленький, тесный, без двора или площадки перед входом. Напротив есть кофейня с уличным деревянным «барным столиком». Тут-то (взяв в кафе кофе с чаем и принося с собой лепешки и прочие закуски) собирались поддерживающие. Здесь рассматривалась та часть «Дела 26 февраля», которая не включала в себя Ахтема Чийгоза. Здесь душой компании и центром притяжения были Бекир и Алие Дегермеджи. Здесь судили их сына и тех, кто был арестован вместе с ним.

Верховный суд Крыма — большой и светлый. В нем много места. Его долго ремонтировали. А в какой-то момент, даваясь от смеха, из суда вышла жена одного из арестованных по обвинению в Хизб ут-Тахрир: после ремонта в сортирах суда на кранах появились сделанные под золото гербы России. «Странно, что не кнопки спуска», — практически хором прокомментировали собравшиеся. Вокруг Верховного суда — аллея из высоких деревьев, что очень актуально в летнюю крымскую жару. А под ними были лавочки, на которых все и собирались. На них могли присесть пожилые люди, беременные женщины. Да и вообще — всякий, кто устал. Но в один прекрасный момент все лавочки оказались убранными. Уже полтора года (с 4 мая 2017 года) вокруг Верховного суда нет ни одной скамейки. А как-то я после 7 часов стояния рядом с судом присела на ступеньках этого «храма справедливости». Потому что даже у меня, сравнительно молодой и здоровой бабы, уже отваливалась спина.

Ко мне подошли приставы и сказали, что сидение на корточках в здании суда оскорбляет суд.

Ага. Именно сидение на корточках и оскорбляет этот суд.

Через Верховный суд проходили все. Здесь слушаются все апелляции. Здесь писались первые массовые жалобы на недопуски в залы заседаний (всё началось с того, что люди, хотевшие посетить заседания, просто не помещались в зал). Этот же удивительный суд придумал формулировку:

«Суд по продлению меры пресечения (!!) объявлен закрытым «в связи с нестабильной социально-политической ситуацией». И поэтому даже в суд жителей Крыма не пускают».

Сюда стали привозить вместо скамеек складные столы и стулья, огромные казаны с едой. Отсюда невозможно уйти голодным или замерзшим. Здесь солидарность объединила и собрала всех.

Конечно, суды проходили не только в Симферополе. Очень запомнился мне суд в Судаке, который рассматривал административное дело против ребят, проехавших в день депортации крымскотатарского народа по улице с национальными флагами, за участие в автопробеге. Вот что я опубликовала тогда у себя в соцсети:

Сегодня в Судаке в 9.00 (!!) должен был состояться суд над крымскими татарами по обвинению в проведении автопробега в день депортации крымскотатарского народа. К 9.00 утра около 50 человек собрались у Судацкого городского суда поддержать ребят. Судья «удалилась по другому делу в совещательную комнату», и суд перенесли на после обеда. После обеда людей стало еще больше, но судья (как сообщили адвокаты) осталась в комнате и до 17.00 точно оттуда не выйдет.

Ровно через 9 часов после назначенного срока суд по обвинению в организации автопробега в Судаке всё-таки состоялся. Судья 3 раза переносила заседание. Сперва на 5 часов, потом еще 2 часа, потом сказали, что вовсе не будет сегодня. А потом срочно назначили. Но каждый раз к назначенному времени народ собирался у здания суда. И с каждым разом всё больше. В зал пустили около 25 человек. Многие стояли. Остальные ждали на улице.

Все было скучно. Но под конец судья обратилась к публике: «Эти ваши митинги совершенно недопустимы. Не надо нагнетать ажиотаж. Решение будет законное».

На улице к этому времени собралось уже человек 100.

Уровень и качество солидарности поражали. Но старые травмы, как водится в психологии, непроговоренные и непрожитые, — ныли и явно давали о себе знать. То соблюдающая молодежь укажет взрослой женщине на её место на женской половине стола — и скандал. То кто-нибудь начнет говорить о необходимости создания «альтернативной, «нерелигиозной» правозащиты в Крыму. К 2017 году всё чаще начинали звучать голоса о «продвижении своих интересов». То Хизб ут-Тахрир через правозащиту распространяет свои идеи, то Меджлис ради своих целей в Киеве использует крымские трагедии. Постепенно часть людей, которые считали себя не столь религиозными, стали реже появляться на заседаниях Крымской солидарности. Они начали создавать новые организации.

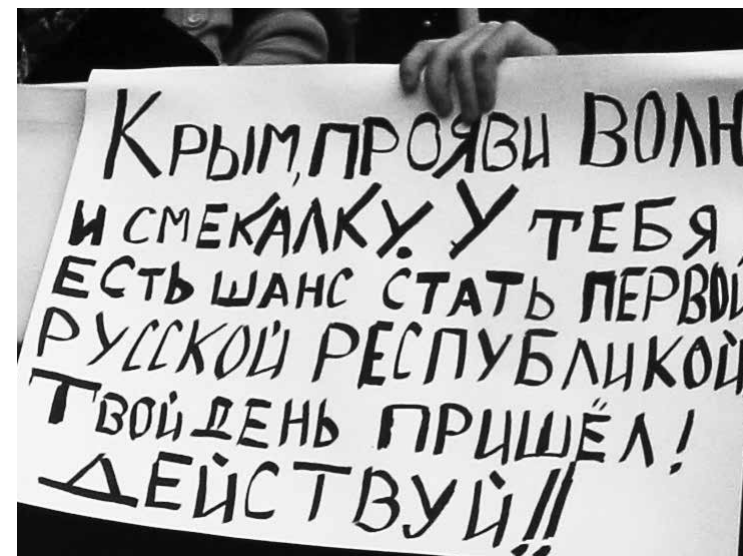
Украинские активисты стали выпускать газеты на украинском в Крыму, проводить разные мероприятия, связанные с украинской культурой.

Пророссийские активисты, на которых всё больше давили за их деятельность, стали проводить круглые столы и собираться вместе.

Появились крымские активисты, поддерживающие российские оппозиционные движения. Впервые несколько ребят хотели провести акцию 29 апреля 2017 года в поддержку все-российской акции «Надоел». Появились сторонники Навального.

Попытки всеобщей консолидации сменились политическим, общественным и гражданским разнообразием. Крымские практики продолжают удивлять даже меня. Особенно тем, что в случае необходимости и беды тут же забываются все претензии друг к другу, и все идут помогать. Чего стоят только дуа (молитва) в домах арестованных, сидящих, освободившихся — по любому поводу. Народ собирается и поддерживает семьи тех, кого нет сейчас рядом, или разделяет радость тех, кто вернулся домой. Всё чаще в России я приводила в качестве примера успешных практик солидарности то, как помогают в Крыму политзаключенным и их семьям.

А ЧЬЯ ЭТО ВОЙНА?

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. МАЙ 2014 Г.

В ЭТОЙ ГЛАВЕ
«МОЯ ВОЙНА» РАСПРОСТРАНИЛАСЬ НА ВСЁ ВОКРУГ,
ПРИШЛА В МОЙ ДОМ,
А ВОПРОС «МОЯ ЛИ ВОЙНА В КРЫМУ?»
ЗАИГРАЛ НОВЫМИ
КРАСКАМИ

Всё меньше становилось понятно, что нам делать в Крыму. Нужны ли мы там. И если да, то зачем. Крым обрел свой способ существования под российской властью. Чем люди извне могут помочь? Как мы можем поддержать крымчан, кроме как услышать их? Все эти вопросы, всё чаще навязчиво звучащие в голове, сопровождались новой российской реальностью. То ли крымская оптика изменила направление зора, то ли ситуация в России стала резко ухудшаться к концу 2017 года. Всё больше задержанных на акциях, насилия, суток ареста в качестве наказания. В Москве почти после каждой крупной акции — уголовное дело, в Питере в СИЗО оказалась первая «женская ячейка Хизб ут-Тахрир», в Москве — арестован имам за «поддержку терроризма», а в декабре 2017 — начале 2018 года грянуло «Дело Сети». Для нас оно именно грянуло, в одну ночь стерев границу и иллюзию того, что жизни две: 1) условно «мирная» и 2) условно «горячая точка».

Здесь не место для того, чтобы подробно рассказывать про дела в Питере, Пензе и Москве. При желании об этом можно почитать много разных материалов в интернете и, в частности, в социальных сетях. Но именно в моей голове эти дела, переживания и рефлексия о них дополнили и сложили «военный пазл». Поэтому приведу свои дневники 2018 года на тему без комментариев:

29 января 2018 года:

Чечня, Крым, далее — везде.

Знаете, какие сообщения я получаю в личку чаще, чем просьбы и предложения о помощи? Причем по любому делу?

Это сообщения с предположениями, утверждениями и подозрениями, что арестованный сломался, дал показания и оговорил всех родных, или сообщения, что с N надо быть осторожными, потому что он работает на органы.

Те, кто со мной работает или когда-то имел дело, знает: я очень эмоционально воспринимаю чужую беду. Но я цинична и в целом достаточно спокойна. Умею внятно оценивать риски и не кричу о кровавой гэбне.

Поэтому я пишу это. Спокойно и цинично.

В Пензе и Питере сейчас взяты под стражу молодые ребята по обвинению в «подготовке к свержению Путина». Им грозит 205-я статья. По крайней мере об одном из арестованных и одном свидетеле абсолютно точно известно,

что их пытали. Несколько часов подряд. Пытали током, били с целью получить показания. Адвокаты, которые представляют потерпевших в делах о пытках, пишут, что уровень насилия зашкаливает и последствия производят впечатление даже на бывалых.

На защитника Динара Идрисова вчера просто напали в подъезде и переломали кучу костей.

И это Петербург. Не Чечня и не Крым. Питер.

На «Медузе» в прошлом году был тест: «Что с тобой было бы в 1937 году». И, каждый раз отвечая на вопрос, не дожидаясь ответа, можно было понять, что тебе грозит: расстрел, лагерь, судьба ЧСИР или депортация и смерть.

И часто в разных разговорах об истории всплывали вопросы: а почему философы, писатели и политики не эмигрировали до того, как их расстреляли.

Так вот, пришло то время, когда нужно хорошо выспаться (примите снотворное, если с этим есть проблема), выпить валерьянки (если иначе не успокоиться), сесть с семьей и понять: а вы на это готовы? Готовы садиться в тюрьму, быть избитым или убитым за свои убеждения?

И если ответ на эти вопросы — «нет», составьте план внутренней или внешней эмиграции, оборвите все «потенциально опасные контакты». Не зашифруйте, спрячьте, закопайте... А просто оборвите, уйдите в частную жизнь или уезжайте. В этом нет трусости или паранойи. Это разумно и правильно. Это сохранит вас, близких и детей. Все остальные методы разрушат не только вашу жизнь, но и психику с мозгом в постоянной паранойе.

Если же ответ на эти вопросы — «да», то прекращайте бояться. Это не эффективно. Просто примите как данность, что арестовать или избить могут кого угодно. Хватит ставить камеры на каждом углу. Хватит бояться говорить о том, что происходит. Хватит рассуждать в стиле «а вдруг он(а) правда террорист / педофил / кидал(а) предметы / был(а) мента». Просто отпустите и примите это. Составьте «семейный план»: куда должны звонить близкие, «если что», оставьте распоряжения и просто успокойтесь.

Можно решить быть героем. Можно решить не быть героем и сохранить себя и свою семью для «прекрасного будущего». Но эта всеобщая паранойя разрушает мозг и душу (если она есть). А главное — это совершенно не эффективно.

Будьте осознанными. Время думать: «Сейчас я развлекусь и буду делать, что хочу, а если будет совсем жопа — स्वा-лю», или «Это не со мной. Это с другими или в других ме-стах» — это время прошло.

И последнее. Для коллег-правозащитников: время разви-вать организации, относиться к людям как к клиентам, делить информацию — тоже прошло. Пришло время со-вместных, консолидированных действий.

Чечня уже у нас дома.

Позже мы много с друзьями и подругами рефлексиро-вали над этой формулой про Чечню, Крым и далее — везде. Потому что это выглядит как сдача территорий. «Где такой кошмар? А! В Чечне. Ну, понятно...», «А! В Крыму — ну, по-нятно...», и однажды мы услышали это: «А! В Питере...»

11 февраля 2018:

Неделю как вскрылись чудовищные пытки ФСБ. Это не зна-чит, что раньше их не было. Или они были гуманнее. Это значит только то, что они добрались до нас.

И это не избиение при задержании, не попытка «сделать послушными» в заключении, не выбивание дополнитель-ных эпизодов у пойманных с поличным (не поймите непра-вильно, всё описанное — тяжкие преступления), а это уже натуральное такое выбивание показаний о деятельности несуществующих шпионских или террористических орга-низаций. Нормальное такое. Настоящее, средневековое. Где вместо костра — электрические провода, а вместо дыбы — подвешивание за ноги к потолку.

Но мы-то не в Средневековье, мы-то гуманные и образо-ванные. Мы умеем получать, обмениваться и анализиро-вать информацию.

Пытки страшны даже не физической болью, хотя и ею, безусловно, тоже. Пытки страшны властью: хочу — вхе-рачу тока в пах, хочу — разобью челюсть, а хочу — убью (а че — при задержании террориста в ответ на сопротивле-ние). Страшны потери контроля над своей жизнью.

И тут мы — общество — оказываемся соучастниками этих пыток. Деля людей, подвергшихся пыткам, на героев и предателей, гадая: «Сломался / не сломался». Даже гово-ря: «Я не осуждаю тех, кто не выдержал пыток». Мы ста-новимся соучастниками самой постановкой вопроса.

Мы продолжаем пытать людей, подвергшихся пыткам. Только требования у нас другие. Мы ставим переживших костер и дыбу перед выбором — продолжать подвергать-ся пыткам со стороны палачей или терпеть пытку обще-ственным осуждением и сочувственным покачиванием го-ловой: «Ну, кто же может осуждать, что ты сломался...» Р. С. Это не претензия никому. Особенно непрофессиональ-ному сообществу. Это скорее — выражение боли и обраще-ние к обществу, друзьям и близким.

20 февраля 2018:

В моём «сумеречном мире» людям подключают провода к гениталиям и пускают ток, чтобы они сказали, что соби-рались свергнуть путина и ведром селитры или еще какой хрени взорвать Кремль.

В моём мире молодые девушки, не так давно выйдя замуж, оказываются «женами декабристов» и вынуждены прини-мать решения за мужей, которые сидят: как сделать так, чтобы им помочь. И разгадать, что они хотели сказать...

В моём мире разбитые жизни, уничтоженные мечты, опера-тивники в белых перчатках меряют пульс, пуская ток, и назы-вают своих жертв уменьшительно-ласкательными именами.

Иногда я выныриваю из этого мира и обсуждаю с сыном, почему не обязательно ходить в школу и как государства-ми используются институты стукачества. Иногда даже успеваю обдумать вопросы задолженности по коммуналке. И ныряю обратно.

И с каждым годом выныриваю всё реже и реже. Всё труд-нее становится сосредоточиться на мире. Всё труднее убедить себя в том, что нет ничего важнее мирной жизни, потому что только ради неё всё...

И иногда ужасно страшно, что можно однажды не выныр-нуть вообще. А так и остаться там. Тем более что вокруг есть масса любимых коллег, которые так и сделали.

28 марта 2018:

Мы живем в слепоглухонемом обществе, до которого мы пытаемся достучаться, но чем дальше, тем труднее. Что может быть страшнее бомб в Сирии, войны в Украине, то-тальных пыток. Что-то из этого совсем рядом, что-то далеко. Но мы не можем докричаться.

Но иногда происходит что-то, что ужасно страшно и

больно, потому что это про тебя (не в фигуральном, а в самом реальном смысле). И тут происходит открытие «информационного окна»: пусть ненадолго, но вдруг мы со всеми людьми начинаем говорить на одном языке, задавать одни и те же вопросы власти, иногда даже выходить на одни и те же площади. И в это окно одним хочется прокричать как можно больше, потому что есть шанс быть услышанным. А другим хочется просто постоять чуть-чуть, понимая, что именно за эту боль не надо бороться, её не надо охранять от окружающих, которые во все остальные боли имеют обыкновение воткнуть свои острые защиты и про-вернуть.

И вот так мы стоим: кто-то, протянув руки и обняв людей по ту сторону окна, кто-то, крича в него, а окно медленно, но верно закрывается, и совсем скоро мы снова окажемся разделены стеклом.

8 мая 2018:

Среди моих друзей много же тех, кто знает о существовании того, другого мира: в котором тюрьмы и пытки, в котором война, заложники, дубинки и электрошокеры.

С 2014 года, с начала войны, с поездок на Донбасс и в Крым времён начала оккупации для меня во многом этот, здешний мир стал казаться ненастоящим. Неоплаченные счета, неубранная квартира, выбор туфель или невыключенный свет навсегда потеряли свою остроту. Почему-то острее всего это чувство у меня бывает в кафе. Сидишь, пьешь кофе, и кажется, что это всё вокруг иллюзия. Иногда даже можно заметить, как она (иллюзия) дрожит, как будто вот-вот рассеется.

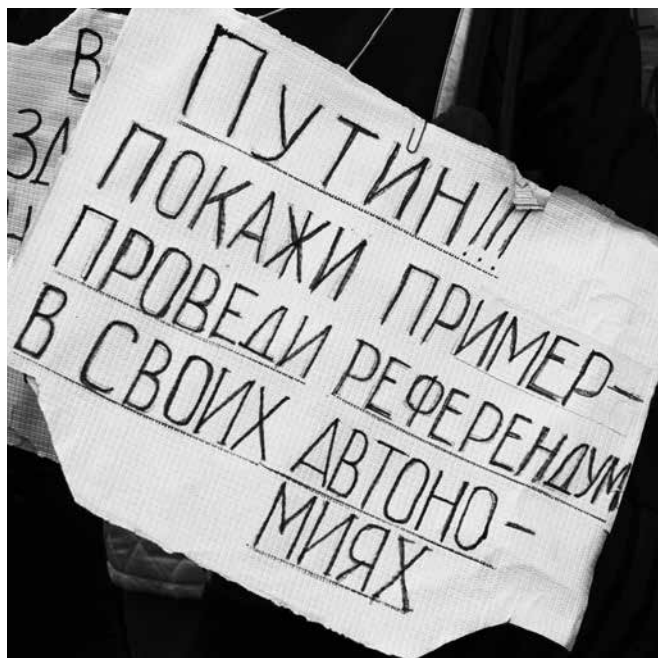
Причём, что интересно, с момента попадания в этот «другой мир» я стала чаще ходить в кафе, больше в салоны красоты, и каждый раз, когда появляется возможность (акции, там, или мили накапливаются) ездить первым классом. Но каждый раз чувствую себя, как на тех картинках, которые делали в память о войне или исторических городах, когда половина картинка цветная, а половина чёрно-белая. И это не про острое состояние выгорания, когда рыдаешь по ночам в подушку непонятно из-за чего, злишься на окружающих, и очень страшно. Это просто про линзы. Когда взгляд цепляется за полицию, оружие, колючую проволоку. Когда видишь чужую боль больше, чем радость.

Но вот в разговоре с подругой выяснила, что бывает по-разному. Я вижу тот мир настоящим, а этот — иллюзией. В том мире любовь, сила, эмпатия, боль, убеждения кажутся более прочными, а в этом — какими-то рассеянными и зыбким. А подруге — наоборот. Ей кажется этот мир настоящим. А тот — страшным кошмаром.

Вот именно так война оказывается нашей жизнью. Начинается она «зелеными человечками» разной степени вежливости, развивается блокпостами, похищениями, одиночными убийствами и пытками, продолжается кассетными бомбардировками и линиями фронта. Но в жизнь каждого из нас война вползает тихой змеей этими всё растущими фигурами умолчания. Всеми этими частными разговорами в коридорах международных форумов: «Мы понимаем, что это так, но говорить об этом политически нецелесообразно». Вползает бесконечными размышлениями на тему: «Я не могу об этом сказать, потому что знаю, как это может быть использовано, не хочу быть оружием в руках пропаганды», шепотом на кухнях и почти физическим ощущением, что ты обязан выбрать сторону. И на этой стороне воевать... Война вползает уже совсем еле слышными словами: «Вы правда думаете, что ваша правда кому-то нужна?», «Тебя растерзают со всех сторон, но это очень нужно...»

Когда я вернулась впервые из поездок на Донбасс, я написала «FAQ по войне». Шесть вопросов, которые мне задавали. И шесть ответов на них. Так, как я их видела. С тех пор прошло почти пять лет. Но именно этими вопросами и ответами мне хочется закончить книгу. С 2014 года я прошла большой путь. Вместе с Крымом, Украиной, Россией и войной. Но вопросы остались прежними. А ответов на них так и нет...

FAQ ПО ВОЙНЕ

КИЕВ, МАРТ 2014 Г.

КОГДА Я ВЕРНУЛАСЬ, ЛЮДИ СТАЛИ ЗАДАВАТЬ СОВСЕМ НЕ ТЕ ВОПРОСЫ, О КОТОРЫХ Я ДУМАЛА. МНОГИЕ ВОПРОСЫ КАЗАЛИСЬ ГЛУПЫМИ, ИЛИ ОТВЕТЫ НА НИХ НЕ НАХОДИЛИСЬ. Я СПЕРВА РАЗДРАЖАЛАСЬ, ЗЛИЛАСЬ, ПЛАКАЛА, А ПОТОМ ПОНЯЛА, ЧТО МЫ СОВСЕМ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕМ, ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА. МЫ В НЕЕ НЕ ЖИЛИ. МЫ ЗНАЕМ О ВОЙНЕ ТОЛЬКО ПО КНИЖКАМ И ИССЛЕДОВАНИЯМ. А ЭТО НЕ ДАЕТ НАМ ВОЗМОЖНОСТИ ПОНЯТЬ И СОПЕРЕЖИВАТЬ.

Каждый из этих вопросов очень сложен и многослоен. Я пишу так, как я это понимаю.

Вопрос 1. На чьей стороне жители?

А в нашей жизни на чьей стороне население? Людям свойственно менять свое мнение, людям свойственно мифологизировать окружающую действительность, преувеличивать мнимую опасность и приспосабливаться к действительной.

От того, что начинается война и начинают гибнуть люди, основная масса людей не становится более сознательной политически, не начинает вдруг разбираться в политике или ситуации, не приобретает какого-то сокровенного знания.

Насколько все было бы проще, если бы люди вокруг нас знали, какие программы предлагают те или иные политики и как эти «программы» могли бы повлиять на нашу жизнь.

Насколько легче и разумнее была бы наша жизнь, если бы люди составляли мнение и делали бы выбор сознательно, проанализировав разные точки зрения и всю доступную информацию.

Но жизнь, к сожалению, устроена не так.

И война несколько не меняет ситуацию. Люди ни на чьей стороне. Люди хотят безопасности, работы и просто жить.

Вопрос 2. Объясни, что это, гражданская война или терроризм?

Границу между этими двумя понятиями провести в сложившейся ситуации невозможно. Я понимаю так: изначально с участием «российских военных специалистов» в регионах (Донецкой и Луганской областях) были небольшие организационные группы, которые захватывали здания, людей, убивали тех, кто пытался им мирно или открыто противостоять.

Было население, часть которого верила в войска Путина, а часть — в украинские войска. Постепенно захват заложников профессионализировался, стали захватывать для получения выкупа. Более или менее известно, какова цена.

Позднее появились люди Кадырова, активизировалась АТО, начали умирать люди. Много. Со всех «сторон». По Украине пошли цинковые гробы. У любого человека, как бы мало ему ни было терять, есть родные. Братья, сыновья, друзья.

Так война становится гражданской.

Вопрос 3. За что война?

Никто не знает, за что война. Здесь или в Киеве, сидя у компьютера, мы рассуждаем про залежи сланцевого газа, независимость, хотят ли жители в Россию. Люди на воюющих территориях не обсуждают причины войны. Они обсуждают только последствия.

Вопрос 4. Как люди могут жить там, почему не уезжают?

Люди адаптируются ко всему и в том числе к войне. И к тому, что стреляют и убивают. И да, они при этом ходят на работу, на огороды и, если есть возможность, в магазины и встречаться с друзьями. Вас это удивляет? А вам не мешает жить то, что совсем рядом людей сажают в тюрьму, увольняют с работы, стреляют в глаза и режут ножом на пикетах только за то, что у них другие взгляды? Или, занимаясь деятельностью, которая грозит всем вышеозначенным, вы перестаете ходить по магазинам или играть с детьми?

Вопрос 5. Почему из того, что ты рассказываешь, становится понятно меньше, а не больше? Ты же там была в центре событий?

Находясь там, в центре событий, все намного меньше понятно, чем когда ты можешь спокойно проанализировать все источники, сидя дома перед компьютером. Там ты видишь только то, что прямо перед тобой, а ситуация меняется постоянно.

Вопрос 6. Ну и зачем тогда ездить?

Потому что жизнь намного сложнее логики и расчетов. И потому что я все еще верю, что информацией и словами можно хоть что-то изменить (что-то меня заклинило на этой мысли).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В нашем мире всеобщей гибридности для того, чтобы найти войну, надо её искать. Это не трудно: она везде. Надо только уметь увидеть. Но мало найти войну, мало понять, чья она, мало выбрать «свою» и найти в ней свою роль. Ведь в войне можно воевать на какой-то стороне, можно быть в Красном кресте и выносить раненых с поля боя в прямом и переносном смысле. Можно быть военным корреспондентом, а можно и мирным жителем. Но самое сложное — это найти язык, на котором рассказывать о войне. В мире, в котором больше нет настоящих войн, но есть одна большая ползучая война, гибридным стал и язык: мы потеряли значения слов **война, враг, предатель, подлость, зло**. Очень важно услышать каждого, важно понять, что у всех своя правда и свой взгляд. И попробовать непредвзято услышать каждого — важно. Но после этого надо остановиться и спросить себя: а ты ещё помнишь, кто чудовище, а кто жертва? Кто герой, а кто мирный житель? Надо найти в себе силы поднять эти истоптанные, замаранные и потерявшие ценность слова, отряхнуть их и пожалеть жертву, восхвалить героя, обличить предателя, назвать подлеца, встать рядом с оскорбленным. И не бояться выглядеть смешно.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Моя война. Где она?	5
И где эта ваша война?	10
Здрасьте, я из России.....	15
Ожидание войны	18
У каждого свой Крым.....	31
Какая же война без тех, кто стреляет?!	35
Отступление	40
Какая же война без границ?	45
На слабо	51
Разрыв связей.....	56
Что делать?	61
Над схваткой: мониторинг прав человека	64
Больная тема.....	145
Обретение субъектности	150
Сколько надо силовиков на квадратный метр?	163
Человек сражающийся.....	168
А чья это война?	175
FAQ по войне.....	182
Вместо заключения.....	185

Меня зовут Саша Крыленкова. Я занимаюсь общественной деятельностью, обычно связанной с задержаниями людей на акциях, поддержкой политзаключенных, развитием групп солидарности. Вот уже скоро пять лет я среди прочего провожу много времени в Крыму. Стараюсь собирать там информацию о разных нарушениях прав человека, о жизни людей. Пытаюсь как-то помочь да и просто дружу с теми, кого преследуют, сажают, бьют и травят на полуострове. Все пять лет я записывала интервью с разными людьми, вела полевые дневники, разговаривала в машинах, автобусах, на рынках и в магазинах, и мне захотелось сделать что-то более живое, чем обзоры о нарушениях прав человека. Я хочу показать Крым после 2014 года таким, каким его вижу я: объемным, разнообразным, солидарным, не похожим на предмет, который делят политики. Это не символ, по которому определяют политическую принадлежность, он живой, действующий и полный самых разных людей с их собственными взглядами, надеждами и поступками.